ГОУ ВПО «МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. П. ОГАРЕВА»

На правах рукописи

Григорькин Василий Александрович

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ТИПА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ-БУРЖУА НА ПРИМЕРЕ Д. Е. БЕНАРДАКИ

Специальность 07.00.02 — отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ на
соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель -
доктор исторических наук доцент
Олег Иванович Марискин

Саранск 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....3
1. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ГТРЕДПРИНИМАТЕЛЯ
1.1. Изменения в структуре российского предпринимательства в конце XVIII - первой половине XIX века.....28
1.2. Институциональный аспект становления предпринимателя-буржуа на примере Д. Е. Бенардаки.....44
1.3. Специфика реализации предпринимательской функции Д. Е. Бенардаки.....55
2. ФОРМИРОВАНИЕ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ «ИМПЕРИИ» ШЕДПРИНИМАТЕЛЯ-БУРЖУА Д. Е. БЕНАРДАКИ
2.1. Роль винных откупов в формировании крупного капитала.....72
2.2. Золотодобывающие концессии предпринимателя-буржуа.....81
2.3. Горнозаводской комплекс в «бизнес-системе» Бенардаки.....95
2.4. Сормовский пароходо- и машиностроительный завод.....109
3. КУЛЬТУРНОЕ И ПРОМЫШЛЕННОЕ НАСЛЕДИЕ Д. Е. БЕНАРДАКИ
3.1. Благотворительная и меценатская деятельность Дмитрия Егоровича Бенардаки.....131
3.2. Традиции российского предпринимательства: ментальный и институциональный аспекты.....140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....153
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК..... 159

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Для отечественной исторической науки фигура любого ее представителя имеет большой интерес. Тем более это относится к известным деятелям. Еще В. О. Ключевский отмечал, что исторический процесс вскрывается в явлениях человеческой жизни и через призму отдельных выдающихся деятелей проступает скрытая суть событий и передается неповторимая атмосфера времени. Очень важным аспектом при этом является проблема личностного начала в историко-культурных явлениях и процессах.

Данная проблема особенно ценна вследствие того, что в современном мире за технологической сферой и статистическими данными нередко упускается из вида сама личность, несмотря на то, что исторический процесс самым тесным образом связан с деятельностью отдельных конкретных людей, отразившихся в значительном массиве исторических источников всех типов и видов. Поэтому «исторический человек», то есть принадлежащей определенной эпохе, общности, местности, наконец, культуре, представляет огромный интерес как объект исторического исследования.

Актуальность данного исследования заключается в исследовании жизненной истории Дмитрия Егоровича Бенардаки — известного в свое время заводовладельца, золотопромышленника и мецената, оставившего значительный след в истории России. Исследование данной темы на его примере дает возможность не только стереть ряд «белых пятен» истории предпринимательства, но и по-новому взглянуть на события и процессы, происходившие в России в XIX в.

Дополнительный интерес придает данной теме и то, что предпринимательство относится к категории важнейших факторов устойчивого экономического развития и достижения нормального уровня жизнеобеспечения любой страны, а для современной России оно может служить эффективным инструментом преодоления кризисных явлений в экономической, политической и духовной сферах. Но для того, чтобы предпринимательство стало реальным

стратегическим ресурсом, который позволил бы нашей стране стать равноправным субъектом мировых рыночных отношений, необходимо правильно понимать и адекватно оценивать его сущность.

В настоящее время исторические исследования, проводимые в русле исторической антропологии, получают новое звучание. Фокусируя внимание на человека нельзя вырывать его из контекста исторической эпохи, нельзя представить его жизненный путь без погружения в атмосферу того времени, в отрыве от социокультурной среды.

Именно сейчас историческое знание высвобождается из-под груза политико-экономических и социологических абстракций, чтобы сделаться, наконец, тем, чем оно не может не стать в современном мире, - наукой о человеке в обществе, который изменяется во времени. Разумеется, в определенном смысле история была наукой о человеке и прежде. Но те, на ком фокусировать внимание историков, были люди «первого плана» — правители, политические деятели, полководцы, великие мыслители и т.п. Иначе говоря, героями истории являлись те исторические персонажи, которые оставили на ее ходе свой индивидуальный отпечаток. Масса общества, безымянные участники исторического процесса продолжали быть его безликим фоном. Ныне неадекватность подобных установок делается все более очевидной. Великие люди действуют не в безвоздушном пространстве, и даже для того, чтобы понять их идеи и деяния необходимо в полной мере принимать в расчет общество в целом, однако общество не в качестве некой отвлеченной величины, а как совокупность больших и малых групп, в которые организованы, т.н. простые люди. Историк может не знать - и, как правило, не знает — ни их имен, ни их биографий, но он не может не осознавать того, что они жили и действовали, что их жизнь и их деятельность строились по определенным сценариям, создаваемым культурой и ментальностями того времени. Их картина мира и формы поведения налагали отпечаток и на поступки великих людей, также как и на их идеи и высказывания[1].

В последние десятилетия все эти проблемы привлекают большое внимание как отечественных, так и зарубежных историков. Огромное количество научных исследований посвящено этой теме, но интерес к данной проблеме неиссякаем.

Помимо всего этого, реалии развития современного Российского государства делают очевидной необходимость изучения историко-экономических, социальных, внешнеполитических аспектов развития отечественной истории, тем более что современное положение страны, и особенно социально-экономическая ситуация, вынуждают искать причины возникновения кризисных явлений, отслеживать динамику их развития, определять направление преобразований.

Объект исследования. В качестве объекта исследования выбрана личность одного из крупнейших российских предпринимателей, заводчиков и меценатов второй-третьей четверти XIX века Д. Е. Бенардаки, которая, бесспорно представляет неподдельный интерес и заслуживает самого пристального изучения. Сын греческого переселенца, отставной гвардейский поручик, он сделал головокружительную карьеру как предприниматель, благодаря своему уму и организаторским способностям, он в кратчайшие сроки стал одним из богатейших людей России, знаменитым благотворителем и меценатом. Огромный вклад, внесенный Д. Е. Бенардаки в организацию золотодобычи на Дальнем Востоке и развитии Сормовского завода, обессмертил его имя. В настоящее время имя Д. Е. Бенардаки, оставившего заметный след в истории российского предпринимательства и культуры, известно лишь узкому кругу исследователей. Именно поэтому важно восстановить историю жизни этого человека.

Кроме всего сказанного, личность Д. Е. Бенардаки выбрана и для того, чтобы на примере этого российского предпринимателя середины XIX века показать социально-культурный облик, мотивы и сферы деятельности, отличительные особенности и морально-нравственные качества российских предпринимателей той эпохи.

Предметом исследования является жизненная история и разносторонняя деятельность Дмитрия Егоровича Бенардаки, которые рассматриваются в контексте развития российского социума XIX в.

Определяя предметную область исследования очень важно, в связи с происхождением и деятельностью Д. Е. Бенардаки, проанализировать особенности социально-экономического положения среды, в которой он вырос, специфику проходимой им военной службы, а так же предпринимательской деятельности, что в конечном итоге определяло характер той исторической среды, в которой жил объект данного исследования.

Хронологические рамки работы охватывают практически полностью XIX в. - с момента рождения Д. Е. Бенардаки до утраты его потомками контроля над промышленными предприятиями, доставшимися им по наследству.

Территориальные рамки работы обуславливаются, прежде всего, огромными масштабами предпринимательской деятельности Д. Е. Бенардаки, осуществляющейся в Центральной России, Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке.

Историография проблемы. Анализ российского предпринимательства в отечественной историографии как отдельная проблема до 90-х гг. XX в. отсутствовал. Изучение феномена шло в рамках, не столько раскрывающих, сколько искажающих его сущность, хотя частично работы, посвященные истории российской буржуазии, купечества и дворянства, отражали сущность экономического предпринимательства как явления. Характерной чертой исторических исследований историографии российского предпринимательства, начиная с XIX и почти до конца XX столетия, являлось отождествление буржуазии, дворянства и купечества как одной социальной категории, что свидетельствует об отсутствии методологических основ исследования не только проблемы предпринимательства, но и аспектов, связанных с классовыми и сословными трансформациями социальной структуры в России. Отсутствие философско-методологического осмысления проблемы в исторических тру-

дах приводило к смешению понятий, смещению смысловых аспектов и существенному искажению исторической реальности.

Для дореволюционной историографии характерными чертами были: ограниченность документальной базы, отсутствие внимания к связи между экономическими и политическими процессами, публицистичность жанра. Хотя в ряде работ была сделана попытка общего анализа развития российской буржуазии (как одной из социальных категорий предпринимательства) на фоне капиталистической эволюции страны. Объединяющим моментом в данных трудах было акцентирование внимания исследователей на несоответствие между экономической и политической ролями дворянства в жизни государства. К таким работам относятся: монографии А. О. Ерманского «Крупная буржуазия до 1905 года. Общественное движение в России в начале XX века», Ч. М. Иоксимовича «Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем», А. А. Котлецова «Русская буржуазия», Г. И. Манолова «Торговля и промышленность Российской Империи» и ряд других[2]. Исследователи практически не различали различные типы предпринимателей (дворян, купцов, мещан), были склонны к негативным оценкам деятельности предпринимателей в общественной сфере, уделяли недостаточное внимание роли государства в ограничении предпринимательской инициативы.

После революции 1917 года проблематика работ заметно изменилась в связи с усилением влияния марксистско-ленинской идеологии. Научные исследования стали, производится очень тенденциозно, в русле господствующих в то время конъектурных методологических и теоретических направлений и схем, господствующих в исторической науке. На первый план в исследованиях выдвинулись проблемы истории пролетариата и рабочего движения, в связи, с чем исследование личностей подобных Д. Е. Бенардаки было попросту запрещено. В тоже время история отдельных заводов осталась ведущим направлением исследований и в последующие годы.

Ряд ученых пытались расширить проблематику исследований по истории предпринимательства, но под влиянием господствующей идеологии воз-

вращались в русло традиций марксистской историографии. В вышедших в 40-х — начале 50-х гг. трудах П. Г. Любомирова, Н. И. Павленко была сделана попытка отразить историю отечественной металлургической промышленности XVIII — XIX веков[3]. В исследовании была сделана попытка воссоздания процесса исторического развития предприятий отрасли, на основе изучения архивных документов, биографий хозяев заводов и использовании архивных документов. В этих трудах были проанализированы история возникновения металлургических заводов, роль государства в этом процессе, влияние природных условий на размещение предприятий, показана история формирования конкретных промышленных районов. К таковым работам относится и монография А. И. Парусова и П. И. Шульпина «100 лет завода «Красное Сормово» им. А. А. Жданова»[4]. Но излишнее увлечение технической, организационной, экономической сторонами производственного процесса помешало авторами уделить достойное внимание выявлению субъективных характеристик его главной движущей силы — предпринимательства. Главенствующую роль в развитии промышленности они отводили государству.

С 70-х годов XX в. историки СССР обратились к проблеме социальной психологии буржуазии и купечества. Первым к изучению русской буржуазии периода капитализма обратился И. Ф. Гиндин. В статье «Русская буржуазия периода капитализма, ее развитие и особенности»[5], ученый систематизировал имеющиеся в то время оценки, определил особенности русской буржуазии. М. М. Громыко попробовала решить ту же проблему на региональном уровне, на примере сибирского купечества. Акцент был сделан на негативные черты социальной психологии российской буржуазии, ее страсть к наживе, ее низкий культурный уровень[6]. Вышеперечисленные черты социальной психологии, действительно, были характерны для российских предпринимателей, однако общая неразработанность проблем, связанных с особенностями национального характера и национального менталитета, делали данные исследования крайне односторонними и ограниченными.

При изучении истории буржуазии и купечества России в эти годы разрабатывались преимущественно проблемы происхождения и состава предпринимателей, финансовой политики и финансового капитала, первоначального накопления, роли иностранного капитала в экономике страны.

Процесс комплектования крупной московской буржуазии, и ее состав, детально изучались М. Л. Гавлиным, главная идея статей которого — это вывод о консолидации капиталистов как класса буржуазного общества. Автор отметил процессы обновления сословия, увеличения доли выходцев из крестьян и мещан среди гильдейских купцов, проследил динамику численности купеческих капиталов. М. Л. Гавлин одним из первых попытался исследовать национальный состав купечества на основе данных об их религиозной принадлежности. Однако, заявив об использовании вероисповедания купцов как основы изучения национальной принадлежности гильдейцев, историк сгруппировал последних скорее по географическому признаку, выделив выходцев из прибалтийских губерний, выходцев из губерний «черты еврейской оседлости» и т.д., что не может не вызывать удивления. Тем не менее, вывод автора о росте доли выходцев из национальных окраин среди купечества Москвы заслуживает внимания[7].

Из довольно значительного числа работ, появившихся в это время, необходимо отметить монографию В.Я. Лаверычева «Крупная буржуазия в пореформенной России». Автор попытался определить место буржуазии в экономической жизни страны, в политической системе российского абсолютизма и ее удельный вес в социальной структуре пореформенного общества. Важнейшие вопросы, поставленные Лаверычевым: пути и особенности формирования крупной российской буржуазии в класс буржуазного общества, особенности развития торгового и промышленного капитала, общественно-политическая роль крупных капиталистов и их отношение к политике царизма. Наибольшее значение для нашего исследования имеет вторая глава книги «Торгово-промышленная буржуазия и ее организации» и особенно первая часть главы - «Численность, состав и облик крупной буржуазии». Главным

критерием при определении численности крупной буржуазии страны автор избрал количество выбранных сословных купеческих свидетельств. Лаверычев рассмотрел динамику численности купеческого сословия во второй половине XIX в., источники пополнения купечества. При характеристике облика крупной буржуазии автор отметил «недостаточное образование и замкнутость в кругу семейных и узкокастовых интересов», причиной которых, по мнению историка, являлись «патриархальные нравы, царившие среди купечества». Монография является первой попыткой комплексного анализа экономических и социальных сторон истории буржуазии в пореформенный период. Однако, при всей ценности данной работы, не все оценки автора являются бесспорными, в частности тезис о «крайней замкнутости и ограниченности» российского купечества, а также вывод о том, что «разложение купечества как сословия началось еще до реформы 1861 г.»[8].

Торгово-промышленную политику царизма изучал Л. Е. Шепелев, посвятивший две монографии этой проблеме[9]. В своих работах автор детально рассмотрел правовые условия развития промышленности и торговли, торгово-промышленное налогообложение в России середины XIX века, а также обратил внимание на правовой статус предпринимателей. Работы Шепелева являются наиболее полными исследованиями по этим вопросам.

В целом изучение истории отечественного предпринимательства в советское время имело схематический, односторонний характер. Характерной чертой историографии данного периода было то, что главное внимание уделялось классам, а не сословиям, несмотря на то, что сословный строй в Российской империи существовал вплоть до 1917 г. Поэтому российское предпринимательство в отечественной литературе изучалось в основном в рамках исследования процессов классообразования и формирования буржуазии.

Отечественные историки единодушны в своей оценке слабой изученности данной проблематики[10]. Историография по проблемам истории предпринимательства в России до сих пор остается скудной. При этом характерной чертой историографии советского времени было то, что главное внима-

ние уделялось классам, а не сословиям, несмотря на то, что сословный строй в Российской империи существовал вплоть до 1917 г. Поэтому российское предпринимательство в отечественной литературе изучалось в основном в рамках исследования процессов классообразования и формирования буржуазии.

Крупнейшим методологическим недостатком в изучении отечественного предпринимательства было игнорирование цивилизационных особенностей России, связанных с климатическими, географическими, геостратегическими, этническими, религиозными, этатическими факторами. Формирование русской буржуазии и типа предпринимателя-буржуа носило специфический характер и в целом с точки зрения формационного подхода значительно отставало от сходного процесса в Западной Европе. В советской историографии же отстаивался тезис о полной «сформированное™» российской буржуазии к началу XX века, что приводило к резкому искажению исторического процесса.

Таким образом, в советской историографии, с одной стороны, игнорировался цивилизационный подход, с другой искажался формационный, что выразилось, в частности, в том, что в угоду ленинскому тезису о вступлении России в стадию империализма преувеличивалась степень капиталистического развития России.

С конца XX в. в отечественной историографии наметились новые подходы к изучению российского предпринимательства, связанные с поиском альтернативных моделей развития экономики. Ученые выделили основные направления изучения предпринимательства (особенности и этапы формирования третьего сословия в России, социально-правовое положение купечества и его взаимоотношения с властью, соотношение производящего и торгового капиталов, менталитет и социальная психология предпринимателей, семья, генеалогия, благотворительность, эволюция купечества от средних веков к новому времени, купеческое предпринимательство регионов, сравнительный анализ предпринимательства в России и Западной Европе). Можно отметить целый ряд конференций, специально посвященных истории купечест-

ва и предпринимательства, по результатам которых были изданы сборники материалов[11]. Появляются публикации по истории отдельных купеческих родов, биографиям конкретных предпринимателей . Тем не менее, широкое изучение истории купечества России периода капитализма еще только начинается. При этом следует отметить, что большинство исследователей разрабатывают в основном проблемы благотворительности, менталитета, общественной деятельности предпринимателей. В то же время широкий спектр социальных, демографических, генеалогических, этнографических аспектов истории купеческого сословия периода капитализма остается слабо разработанным.

В настоящее время появилось значительное количество научных работ, посвященных изучению российского предпринимательства в историческом аспекте[13]; в доминирующем большинстве трудов сделана попытка объективного анализа данного феномена. Однако отсутствие разработанной методологии зачастую приводит к определенному искажению исторического процесса развития российского предпринимательства. Чаще всего это связано с недостаточным учетом одних факторов, например климатических, географических, геостратегических, этнических, религиозных, этатических, социальных, иногда с преувеличением других (как, в частности, роль православия) или склонности ученых к моно-факторному подходу, то есть абсолютизации одного фактора и забвению остальных.

Другой комплекс методологических ошибок базируется, на наш взгляд, на отрицании единого исторического процесса, особенно в области экономического развития. Чрезмерное акцентирование на цивилизационном подходе при его методологической неразработанности и многовариантности приводит к смешению и смещению понятий.

Частично унаследованное из советской историографии стремление к доминированию экономических факторов в исследовании приводит к схематизму и экономическому детерминизму. В настоящее время появились научные труды по комплексному изучению генезиса и сущности русского нацио-

нального менталитета, которые позволят историкам «очеловечить» исторический процесс, вскрыть основные механизмы влияния ментальной специфики страны на ее экономическое развитие, разобраться в объективных и субъективных факторах исторического процесса[14].

Таким образом, проблема развития российского предпринимательства существенно разработана на фактологическом уровне. В настоящее время возникла потребность ее осмысления на историософском уровне. Первые работы в данном направлении уже существуют[15]. Однако феномен российского предпринимательства является весьма обширны по своим методологическим характеристикам объектом и требует дальнейшего изучения и осмысления.

Сложность изучения феномена предпринимательства заключается в том, что оно относится к числу понятий, чрезвычайно богатых по своему содержанию, и является предметом исследования целого ряда научных дисциплин. Говоря словами главного редактора журнала «Вопросы экономики» академика Л. И. Абалкина, «здесь пока еще много необъяснимого с позиций рационализма, отвергающего с порога все, что не поддается строгой детерминации и логическому объяснению». Выход из этой ситуации ученому видится в необходимости обобщения и осмысления «...огромного эмпирического материала, раскрывающего влияние социокультурных, национальных и религиозных факторов на характер и тенденции экономического развития российского общества»[1] .

Необходимо сразу отметить, что отечественная историография обделена исследованиями, посвященными Д. Е. Бенардаки. Хотя отдельные аспекты его предпринимательской деятельности и нашли отражение в научных исследованиях, но региональный аспект таких исследований и их упор на статистические данные в значительной степени нивелирует их значение при решении задачи создания жизненной биографии и отражения всей многосторонней деятельности Д. Е. Бенардаки.

Отдельные аспекты предпринимательской деятельности Д. Е. Бенардаки нашли отражения в монографиях, касающихся истории вин-

ных откупов и золотопромышленности в России. Это работы П. Ю. Афанасьева[17], М. Л. Гавлина[18] и В. Н. Разгона[19]. Исследователи обратили особое внимание на пути первоначального накопления капитала российскими предпринимателями и выделили основные сферы вложения капиталов. В данных работах особую важность представляет исследование процесса формирования российского предпринимательства «нового типа», характеризуются важнейшие направления и сферы предпринимательства в феодальный и пореформенный период (внутренняя и внешняя торговля, промышленность, промыслы, откупа, подряды, кредит и ростовщические операции), раскрываются присущие ему региональные особенности. В то же время в данных работах особую важность представляет информация, затрагивающая исследование процесса формирования российского предпринимательства нового типа (хотя авторы и не ставили себе такой задачи), характеризуются важнейшие направления и сферы предпринимательства в феодальный и пореформенный период (внутренняя и внешняя торговля, промышленность, промыслы, откупа, подряды, кредит и ростовщические операции), раскрываются присущие ему региональные особенности.

Особо стоит отметить монографию Е. Г. Неклюдова «Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения»[20]. Автор воссоздал роль уральских заводов в «бизнес-системе» Бенардаки, рассмотрел правовые аспекты функционирования его горных заводов, заострил внимание на причинах их кризисного положения. Хотя, сделанные им выводы можно оспорить, книга является неоценимым источником в плане реконструкции практики владения заводов Бенардаки.

Необходимо также отметить монографии Н. М. Арсентьева — «Замосковный горный округ: заводовладельцы и рабочие»[21] и Н. М. Арсентьева и А. М. Дубодела «Промышленная Россия первой половины XIX века: Замос-ковный горный округ в планах и чертежах»[22]. В своем исследовании авторы привели подробные сведения, непосредственно касающиеся жизнедеятельности Д. Е. Бенардаки, его предпринимательской деятельности и внутрисемей-

ных отношений. Фактически, данные монографии являются первым научным обзором торгово-промышленной «империи» Бенардаки.

Начиная с 1990-х годов появляются публикации, касающиеся биографии Д. Е. Бенардаки и его промышленной империи в целом. К таким исследованиям можно отнести краеведческие исследования О. П. Гаврюшкина и А. Н. Николаенко[23], а также ряд статей в периодической печати [4].

Отметим, что других научных работ, касающихся жизнедеятельности Дмитрия Егоровича Бенардаки, попросту не существует, а сведения о нем зачастую носят лишь отрывочный характер. Кроме того, ликвидация идеологических запретов и формальных ограничений на исследование истории предпринимательства привела к неоднозначным последствиям. Сегодня о российском предпринимательстве и его историческом опыте (в том числе и Д. Е. Бенардаки) пишут не только специалисты-историки или экономисты, но и журналисты, политики, общественные деятели, работники культуры и т.д. Как справедливо отмечает исследователь истории российского предпринимательства А. А. Галаган, «в последнее десятилетие это слово (предпринимательство), обретя прежний положительный смысл, стало не просто ходовым, а расхожим; ежедневно, ежечасно его можно услышать в передачах радио и телевидения, прочитать в книгах, журналах и газетах, в рекламных объявлениях» .

Однако появление значительного числа работ на эту тему еще не означает, что она получила исчерпывающее освещение. В ряде статей и работ, Бенардаки называют «первым русским миллионером», из поверхностного освещения его деятельности создается двоякое впечатление - то Д. Е. Бенардаки являлся одним из наиболее успешных российских дельцов, и не терпел неудач в своей деятельности, то, напротив, «Бенардаки принадлежал к той формации дореформенных предпринимателей, которые не удержались на верхушке делового мира в пореформенную эпоху».

Таким образом, можно сделать вывод, что личность Д. Е. Бенардаки, его предпринимательская и общественная деятельность не были в должной мере исследованы современной исторической наукой.

Целью диссертационного исследования является комплексное изучение жизненной истории Д. Е. Бенардаки и, на его примере, освещение процесса формирования российского типа предпринимателя-буржуа XIX века. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

1) выявить особенности реализации и сословно-правовые аспекты предпринимательской деятельности в России XIX в.;

2) исследовать жизненную историю биографию Д. Е. Бенардаки в контексте социально-экономического развития России;

3) проанализировать основные направления предпринимательской деятельности Д. Е. Бенардаки в контексте развития отечественного предпринимательского дела в XIX веке;

4) изучить специфику реализации предпринимательской функции Д. Е. Бенардаки как одного из представителей нового типа российского бизнесмена - «предпринимателя-буржуа»;

5) проанализировать результативность предпринимательской деятельности Д. Е. Бенардаки, его деловые качества и специфику реализации предпринимательской функции.

Источииковая база, составили как неопубликованные, так и опубликованные материалы. Из неопубликованных источников использовались материалы Российского государственного исторического архива (РГИА). Нами исследовались документы из личных архивных фондов (ф. 1614, ф. 892), общей канцелярии министра финансов (ф. 560), комитета министров (ф. 1263), особенной канцелярии Министерства финансов по кредитной части (ф. 583), Департамента железных дорог Министерства путей сообщения (ф. 219), Донской казенной палаты (ф. 218). Большой интерес представляла деловая переписка Д. Е. Бенардаки, его ходатайства и резолюции по ним, извлеченные из фонда Министерства торговли и промышленности (ф. 383). Привлечение содержащихся в архивных документах сведений позволяет изучить основные сферы деятельности Д. Е. Бенардаки, составить о нем впечатление, как о

предпринимателе-хозяйственнике, осветить те цели и задачи, которые он преследовал и как добивался их осуществления.

Наряду с архивными материалами активно привлекались и опубликованные источники, оказавшие большую помощь в подготовке диссертации. К их числу относятся мемуарная литература современников, близко знавших Д. Е. Бенардаки, а также публикации в журналах, посвященных российской промышленности, торговле и финансам.

Так в «Журнале Мануфактур и торговли», «Горном журнале», журнале «Промышленность» за 1856 — 1868 гг., даются подробные описания заводов Бенардаки, освещаются вопросы организации заводского производства, описываются способы ведения производства, приводится перечень выпускаемой продукции. Особую ценность среди статей данных периодических изданий представляет «Промышленная хроника» В. И. Татаринова, в которой дается подробное описание, как горных заводов Бенардаки, так и других его предприятия, относящиеся к легкой промышленности (стекольный, лесопильный, кожевенный заводы и др.)[2] . Данные материалы позволяют создать полную и цельную картину предприятий, выделить главные направления и приоритеты хозяйственной деятельности Д. Е. Бенардаки. Официальные отчеты о выставках мануфактурных и промышленных изделий, статьи о различных заводах, экономическом развитии отдельных губерний также являются весьма ценными, т. к. дают подробное описание той продукции, которую представляли заводы Бенардаки. Так, отдельные принадлежавшие ему предприятия были описаны в «Горном журнале» за 1868 г. и в ряде других изданий[27].

Кроме того, описания приисков и опубликованные рапорты руководителей поисковых партий предоставляют возможность составить полную картину широкого географического охвата предпринимательских устремлений Д. Е. Бенардаки. Особую ценность представляют рапорты горного инженера Н. П. Аносова - партнера Бенардаки по золотодобыче на реке Амур[28].

Особую категорию источников, позволивших подойти к разрешению поставленных задач, составляет мемуарная литература, отражающая социаль-

ную память: письма, дневники, путевые заметки, воспоминания и т. д. Подробные воспоминания **о** Д. Е. Бенардаки составили его друзья и современники М. П. Погодин и С. Т. Аксаков[29]. В их воспоминаниях предпринимательская деятельность Д. Е. Бенардаки описывается практически с самого начала - с торгов 1826 г.; кроме того, дается подробная характеристика самого предпринимателя, его состояния, основных приемов его деятельности. Весьма важными являются также описания его знакомства с Н. В. Гоголем. Подобные сведения являются особенно ценными, т. к. вносят в исследование личностный аспект, позволяющий анализировать личность Бенардаки с историко-психологических позиций, позволяет получить информацию о жизненном опыте, индивидуальном выборе, мотивах поведения и других социально-психологических особенностях жизнедеятельности отдельно взятой личности.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении комплекс источников, а так же комбинирование данных различных по характеру и типу источников, позволят решить поставленные задачи.

Методологическая основа исследования. Применительно к проблематике данного исследования мы имеем дело с областью, охватывающей многие стороны человеческой жизнедеятельности: от технических и экономических аспектов материальной жизни до религии, общественной жизни, социальной и индивидуальной психологии, менталитета и т. д. Для изучения всей совокупности вопросов необходимо изучить большой комплекс разнообразных источников, в которых содержится различная по типу и методике представления информация. Поэтому требуется разработка и использование комбинированного методологического подхода, при реализации которого был бы возможен учет всех вышеназванных тонкостей.

Специфика предмета исследования, а также неопределенность масштабности исследования требует оптимального соотношения микро- и макроподходов. Существенное уменьшение масштаба наблюдения, переход к микроанализу и интенсивному прочтению документов должны комбинироваться с описанием сложных и широкомасштабных социальных, экономиче-

ских, культурных, политических систем, процессов и явлений, проходящих сквозь время и пространство.

Методологическая база диссертационного исследования основывается на модернизационной парадигме развития. Применение данной парадигмы было обусловлено тем, что она применима и при исследовании микросоциальных процессов, например, при изучении институциональной среды формирования личности предпринимателя или в просопографических изысканиях.

При исследовании применялись как специально-исторические методы (условно-документоведческий - при изучении деловой документации; текстологический — при реконструкции отдельных аспектов предпринимательской деятельности; сравнительно-исторический — при сравнении деловой и общественной деятельности Д. Е. Бенардаки и ряда других предпринимателей и др.), так и общеисторические (историко-генетический - при исследовании биографии; проблемно-хронологический — при анализе обширной предпринимательской деятельности Бенардаки в разное время и в разных регионах России и т. д.).

Кроме того, были использованы также и макро-подходы, к которым относятся структурный анализ, позволивший рассмотреть предпринимательскую деятельность Д. Е. Бенардаки, ее особенности, цели и их реализацию; функциональный анализ, с помощью которого определялось значение деятельности Бенардаки в общей картине российского предпринимательства второй-третьей четверти XIX в.; историко-культурный анализ, давший возможность изучить развитие предпринимательской инициативы Бенардаки, как одного из представителей нового типа предпринимателей; герменевтический анализ, ставивший своей целью проследить историю торгово-промышленной «империи» Д. Е. Бенардаки в контексте общего экономического развития России той эпохи.

Данная структура методологической основы исследования позволяет подойти к решению такой исследовательской проблемы, как соотношения

местного менталитета, локальной и общей ментальносте. Методы генеалогии, биографики, просопографии, герменевтики и др., привлекаемые к исследованию локальной истории, расширяют социокультурную информацию через мировосприятие отдельных представителей региона.

Данная структура методологической основы исследования позволяет подойти к решению такой исследовательской проблемы, как соотношения местного менталитета, локальной и общей ментальносте. Методы генеалогии, биографики, просопографии, герменевтики и др., привлекаемые к исследованию локальной истории, расширяют социокультурную информацию через мировосприятие отдельных представителей региона.

Нельзя обойти вниманием также такой важнейший компонент каждого научного исследования, как систематизация полученных данных. Для облегчения исследования, а также для придания ему структурного характера научной работы, необходимо учитывать такие показатели, как: временной промежуток жизни и деятельности изучаемой личности; место рождения; социальное происхождение; образование, социальный статус; научная и общественная деятельность; членство в различных обществах и организациях; государственная служба. Стоит специально выделить благотворительную деятельность (меценатство). Значительное внимание необходимо уделить установлению причин начала активной деятельности индивида (продолжение семейной традиции, собственное увлечение, служебная необходимость и т.п.), а также учету таких плохо формализуемых сведений, как межличностные связи, играющие значительную (а иногда — определяющую роль) в жизни и деятельности людей.

В целом, методология работы базируется на использовании как обще научных методов (проблемно-хронологического, сравнительно-исторического подходов в анализе объекта исследования, общефилософского метода индукции и т.д.), так и специфических методов историко-культурного и социально-психологического характера.

Одно из немаловажных мест в числе нашедших в работе методов занимает просопографический.

Этот метод исключительно историчен, так как сосредоточен на изучении главного действующего лица истории- человека (людей). Основным специфическим качеством просопографического метода выступает отнесение его к ценности индивидуального человеческого существования. Его использование имеет вполне конкретную, но двоякую цель: с одной стороны, подчеркивая уникальность жизненного опыта личности, доказать несводимость индивидуумов и их поведения к общим нормативным системам (экономическим, социокультурным, политико-правовым и т. д.), с другой — учитывая уникальность и единичность конкретного жизненного опыта, выразить общее, интерпретировать автобиографические свидетельства не в изоляции, а во взаимосвязи с исторической и социальной плоскостью.

Понятие «историческая личность» обычно отражает связь деятельности отдельной личности с крупными историческими событиями, на ход которых личность накладывает свой индивидуальный отпечаток. Исходя из этого, деятельность исторических личностей может быть оценена с учетом особенностей того периода, когда он жил, его морального выбора, нравственности его поступков. Оценка может быть отрицательной или многозначительной, учитывающей положительные и негативные стороны деятельности той или иной личности[30].

Просопография представляет собой яркий пример междисциплинарных подходов, сочетая в себе наработанные историками приемы изучения массовых источников, процедуры исследования общества, заимствованные у социологов, методики проведения аналитических исследований, выработанные статистиками, технологию баз данных, созданную математиками и программистами. И, наконец, в исследованиях, выполненных в рамках просопографических баз данных, стало возможным преодоление «кризиса исторической науки», выражающегося в ограничении объекта исторического познания, присущего как марксистскому, так и любому другому методологическому инструментарию.

Благодаря просопографическому направлению исторического процесса, пожалуй, впервые в исследовательской практике удалось осуществить синтез философских подходов, существовавших в двух полярных философско-исторических традициях: сохранить внимание к объективному и закономерному в силу массовости в историческом развитии (марксистская философия истории) и показать индивидуальное и неповторимое, случайное и стихийное, эволюционное и традиционное.

Важнейшим аспектом просопографии является изучение биографии людей в динамике, т. е. анализирующий характеристики, отражающие изменение объектов изучения во времени. Поэтому, структура просопографического исследования выглядит примерно так:

а) установление принадлежности объектов исследования к политиче ским или профессиональным группам;

б) наличия в данных исследованиях «динамических характеристик» (Динамические характеристики — ряд взаимосвязанных аспектов биографий изучаемых лиц, в соответствии с которыми просматривается и отслеживается в развитии во времени жизненный путь и научная судьба, как отдельной ис следуемой личности, так и всего социума в целом от рождения до конца жиз ненного или творческого пути);

в) оформления результатов изучения не в виде статичного «образа», «портрета», характеризующего данную группу людей в конкретный момент вре мени, а «коллективной биографии», позволяющей проследить изменения, прохо дящие в жизни изучаемой группы на протяжении определенного периода.

Опираясь на понятие «мировоззрение», можно предположить, что существуют устойчивые компоненты носителей информации и столь же устойчивые компоненты самой информации, которые качественно не изменяются при передаче. Их опорные точки коренятся в самом типе культуры и сохраняют известную стабильность.

В настоящее время интерес к подобного рода вопросам проявляется с особой силой. Изучение вопроса о роли личности в истории поможет лучше

вникнуть в суть исторических событий прошлого, настоящего и будущего, и дать объективную оценку происходящего.

Большое место в исследовании отводится методу психологической реконструкции (переживания), т.е. интерпретация исторических текстов путем воссоздания внутреннего мира их автора, проникновения в ту историческую атмосферу, в которой они возникали, с максимальным приближением к конкретной психологической ситуации. Позднее под методом психологической реконструкции стали понимать восстановление определенных исторических типов поведения, мышления, восприятия и т.д., основанное на интерпретации памятников духовной и материальной культуры, и признали этот метод как основной для психолого-исторического исследования.

Значительное место в исследовании отводится генеалогическому методу, изучающему родственные связи между отдельными лицами и историю семей различного социального происхождения. В последние десятилетия интерес к истории семьи, к генеалогии в нашей стране охватывает все более широкие слои населения. В его основе лежит общий интерес к истории и стремление осознать место своей семьи и свое в истории. Знание истории своего рода связывает человека с историей страны. В то же время записи по истории отдельных семей могут быть уникальным источником, отражающим детали, подробности исторических событий, неизвестные по официальным документам. Кроме того, генеалогия, помимо разработки методики исследования своих собственных источников, собирает биографические сведения о лицах из всех памятников, устанавливает их достоверность, связь определенного круга известий об одном лице так, чтобы из отдельных сообщений различных источников получить единый комплекс фактов, касающихся деятельности и родственных связей различных лиц и семей.

Научная новизна. Представленное исследование является первой обобщающей научной работой, в которой на примере комплексного исследования жизнедеятельности Д. Е. Бенардаки, удачливого откупщика и промышленника, богатого помещика-землевладельца и крупного мецената, де-

монстрировалось формирование в России нового типа предпринимателя. Впервые в исторический оборот применительно к России введен термин «предприниматель-буржуа». Исследование расширяет имеющуюся в историографии информацию о роли винных откупов в процессе первоначального накопления крупного капитала, о специфике золотодобывающей промышленности и ее роли в истории развития экономики Сибири и Дальнего Востока. Проанализирован диалог власти и предпринимательского мира в пореформенной России, исследована как политика протекционизма, так и политические аспекты, ограничивавшие предпринимательство во второй половине XIX века. С новых позиций изучена история Амурской компании и причины ее банкротства.

Исследование выполнено в соответствии с современными концептуальными направлениями и новыми методами исторического познания, на основе имеющихся опубликованных и архивных источников (значительная часть которых впервые введена в научный оборот) и с учетом достигнутых к этому времени исследовательских результатов" и историографических традиций в изучении поставленной темы.

Научная и практическая значимость исследования формирования российского типа предпринимателя-буржуа на примере жизнедеятельности Д. Е. Бенардаки определяется слабой проработкой этой темы и ее непосредственной связью с общей проблемой изучения истории российского предпринимательства.

Теоретическая и практическая значимость работы. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в качестве дополнения курсов дисциплин по истории российского предпринимательства, культуры России, истории налогообложения, общих курсов истории Отечества.

На защиту выносятся следующие основные положения работы:

1. Выбор Д. Е. Бенардаки карьеры предпринимателя являлся рациональным ответом на влияние социокультурной среды.

2. Предприниматель-буржуа Д. Е. Бенардаки в отличие от большинства других российских предпринимателей соответствовал западноевропейской

институциональной среде. Он являлся представителем нового для России типа предпринимателя-буржуа.

3. Характерной чертой Д. Е. Бенардаки и других предпринимателей-буржуа было стремление поставить производство своих заводов на высокий технологический уровень, создать многопрофильное производство.

4. Критическое положение предприятий Д. Е. Бенардаки не было вызвано ни его действиями, ни действиями его наследников, а являлось следствием общей неблагоприятной экономической обстановки в России.

5. Предприниматели-буржуа при всей своей малочисленности сыграли важнейшую роль в развитии российской промышленности, стояли у истоков ряда отраслей, способствовали экономическому освоению периферии Российской империи.

6. Предпринимательская деятельность Д. Е. Бенардаки и других предпринимателей нового типа ограничивалась бюрократическим аппаратом Российской империи.

Апробация результатов исследования. . Основные положения и выводы исследования отражены в 4 опубликованных статьях, заслушаны и обсуждены на заседаниях на I и II Международных научных конференциях «Индустриальное наследие» в г. Саранск (2005 г.) и г. Гусь-Хрустальный (2006 г.), на XXXIV Огаревских чтениях в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева (2006 г.).

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

Примечания

[1] **См.: Моисеев, Д. А.** Урал индустриальный / Д. А. Моисеев. // Бакунинские чтения. Материалы VII Всероссийской научной конференции, ноябрь 2005 г. - В 2-х т. - Т. 1. - Екатеринбург, 2005. - С. 98 - 104.
~ См,: Мано **лов,** Г. И.Торговля и промышленность Российской Империи / Г. И. Манолов. -М., 1895; **Ерманский,** А. **О.** Крупная буржуазия до 1905 года. Общественное движение в России в начале XX века / О. А. Ерманский. - Спб., 1909; **Котлсцов,** А. **А.** Русская буржуа-

зия / А. А. Котлецов. — М., 1912; **Иоксимович, Ч. М.** Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем / Ч. М. Иоксимович. — М., 1915.

[3] См.: **Любомиров, П. Г.** Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и на чала XIX века / П. Г. Любомиров. - М., 1947; **Павленко, Н. И.** Развитие металлургиче ской промышленности России в первой половине XVIII в. Промышленная политика и управление / Н. И. Павленко. - М., 1953.

[4] См.: **Парусов, А. И.** 100 лет завода «Красное Сормово» им. А. А. Жданова / А. И. Пару сов, П. И. Шульпин. - Горький, 1949.

[5] См.: **Гиндин, И. Ф.** Русская буржуазия в период капитализма / И. Ф. Гиндин. // История СССР. - 1963. - № 2.- С.57-80; - № 3. - С.37-60.

[6] См.: **Громыко, М. М.** К характеристике социальной психологии сибирского купечества. / М. М. Громыко. // История СССР. - 1971. - № 2-3. - С. 58-72.

[7] См.: **Гавлин,** М. Л. Московский торгово- промышленный капитал в конце XIX в. / М. Л. Гавлин. // Русский город. - Вып.4. - М., 1981. - С. 52-62.

[8] См.: Лаверычев, В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. / В. Я. Лаверычев. — М., 1974.

[9] См.: **Шепелев, Л. Е.** Царизм и буржуазия во второй половине XIX в.: Проблемы торгово-промышленной политики. / Л. Е. Шепелев. - Л., 1981. **Шепелев, Л.** Е. Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг.: Проблемы торгово- промышленной политики. /Л. Е. Шепелев. -Л., 1987.

[10] См.: **Бовыкин, В. И.** Эпоха капитализма (середина XIX в. - 1917 г.) в современной со ветской историографии / В. PL Бовыкин. // Новое в исторической науке. М., 1984; Алексе ев, В. П. Проблема формирования российской буржуазии периода капитализма в дорево люционной и советской историографии // Генезис капитализма в России в отечественной историографии. / В. П. Алексеев. - Ярославль, 1981; **Рабинович, Г. Х.** Малоизученные источники по истории буржуазии в России / Г. Х. Рабинович. // Методологические и исто риографические вопросы исторической науки. Томск, 1972. С. 193.

См.: Российское купечество от средних веков к новому времени. Научн. конф. Москва, 2-4 ноября 1993 г. Тезисы докладов. М., 1993; Предпринимательство в Сибири: Материалы научн. конф. (Барнаул. 7-9 сентября 1993 г.) Барнаул, 1994; К истории предпринимательства в Сибири (материалы всероссийской научн. конф. Новосибирск, 1995). Новосибирск, 1996. [12] См.: **Кузмичев,** А. Русские миллионщики. Семейные хроники. / А. Кузьмичев. — М., 1993; **Прнмаченко, П. А.** Русский торгово- промышленный мир. / П. А. Примаченко. — М., 1993; 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. - М., 1995.

См.: **Галагаи, А. А.** История российского предпринимательства: от купца до банкира / А. А. Галаган. — М., 1997; Соболевская, А. Духовные истоки российского предпринимательства / А. Соболевская. // Вопросы экономики. - 1993. - № 8. - С. 88 - 96; **Шубников, Ю. Б.** Предпринимательство в России: очерки прошлого, настоящего, будущего / Ю. Б. Шубников. - Тамбов, 2002.

[14] См.: **Трофимов, В. К.** Генезис и сущность русского национального менталитета / В. К. Трофимов. — Ижевск, 2000.

[15] См.: **Помпеев, Ю.** А. История и философия отечественного предпринимательства / Ю. А. Помпеев. - СПб., 2002.

См.: **Абалкин, Л. И.** Против односторонности, за целое видение социально-экономических процессов / Л. И. Абалкин. // Вопросы экономики. - 1993. — N8. - С. 5. [17] См.: Афанасьев, П. Ю. Добыча золота в Зейском районе в 19 веке / П. Ю. Афанасьев. //Записки Амурского областного краеведческого ьгузея и общества краеведов. — Благовещенск, 1996; **Афанасьев, П. Ю.** Зейское золото. Начало. / П. Ю. Афанасьев. //История геологических исследований и развития горного промысла в Верхнем Приалгурье. - Благовещенск, 2001.

[18] **См.: Гавлин, М. Л.** Роль винных откупов в формировании крупных капиталов в России. Конец XVIII—XIX вв. / М. Л. Гавлин. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 6. - М., 2001.-С. 98-102.

[19] См.: **Разгон, В. Н.** Сибирское купечество в XVIII-первой половине XIX в. Региональ ный аспект предпринимательства традиционного типа. / В. Н. Разгон. - Барнаул, 1998.

[20] См. **Неклюдов, Е. Г.** Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. / Е. Г. Неклюдов. — Нижний Тагил, 2004.

[21] См.: **Арсентьев, Н. М.** Замосковный горный округ: заводовладельцы и рабочие / Н. М. Арсентьев. - Саранск, 1994.

[22] См.: Арсентьев, Н. М. Промышленная Россия первой половины XIX века: Замосковный горный округ в планах и чертежах / Н. М. Арсентьев, А. М. Дубодел. - М., 2004.

[23] См.: **Николаенко, А. Н.** Бенардаки / А. Н. Николаенко // Н. В. Кукольник и Таганрог: сб. публикаций. —Таганрог, 1998; **Гаврюшшш, О. П.** Вдоль по Питерской (хроника обыватель ской жизни) / О. П. Гаврюшкин. - Таганрог, 2000.

[24] См.: **Финюкова, М.** Улица Бенардаки / М. Финюкова //Объединенная машинострои тельная газета. - 9-15 апр. 2004 г. - № **14.** — С. 11.

' См.: **Галаган, А. А.** История предпринимательства российского. От купца до банкира. / А. А. Галаган. -М., 1997. С. 8.

[26] Журнал мануфактур и торговли. - 1858. Т. 1, кн. 1.

[27] Горнозаводская производительность в России в 1866 заводском году. // Горный журнал. - 1868. — № 9; **Краевский, Д. О** поисках золота в Туркестанском военном округе, в Сыр-Дарьинской области в 1866-1867 гг. / Д. Краевский // Горньш Журнал. - 1868. - № 4; **Ксавие, Эйна.** Исследования об Амуре и торговле Восточной Сибири // Журнал мануфактур и торговли / Эйна Ксавие. - 1859. - Т. 8. - № 11.

Рапорт горному департаменту горнаго инженер-капитана Аносова об открытии золота по Амуру, от 30 июля 1866 г. // Горный Журнал. - 1866. - № 10.

[29] См.: **Погодин, М. П.** Год в чужих краях / М. П. Погодин. - М., 1844; Аксаков, С. Т. Исто рия моего знакомства с Гоголем / С. Т. Аксаков // Гоголь в воспоминаниях современников. - М., 1952.

[30] См.: **Савкин, Н. С.** Социальная философия / Н. С. Савкин. - Саранск, 1997.

I. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ.

1.1. Изменения в структуре российского предпринимательства в конце XVIII — первой половине XIX века.

Предпринимательство как социальный феномен прошло длительный путь исторической эволюции, на каждом из этапов которой оно имело свои специфические черты и особенности, зависевшие от уровня развития производительных сил, характера производственных отношений и изменений форм собственности, а также господствовавших в обществе систем морально-этических ценностей и отношением правящей элиты к предпринимательской деятельности. Один из важнейших этапов в истории российского предпринимательства приходится на конец XVIII - первую половину XIX вв. — период, когда имела место значительная интенсификация процессов первоначального накопления капитала на основе развития различных форм торгово-посреднической деятельности в рамках формировавшегося всероссийского рынка, а также проводимой со времени Петра I политики поощрения и правительственной поддержки промышленного предпринимательства[1].

В условиях сложившейся в России в феодальный период сословной организации общества, предусматривавшей распределение населения по социальным группам в зависимости от выполнявшихся им хозяйственно-экономических функций, основным социальным носителем предпринимательских занятий было купечество, которому были предоставлены наиболее широкие, а в ряде сфер предпринимательства монопольные права на ведение предпринимательской деятельности. Прежде всего, это касалось наиболее распространенного в период феодализма принципа реализации предпринимательской функции — торговли. Представителям купеческого сословия, наживавшим крупные капиталы на торговом посредничестве, принадлежали доминирующие позиции и в других сферах предпринимательства — про-

мышленности, транспорте, кредитной сфере и пр. Поэтому наиболее всесторонне основные изменения и сущностные черты предпринимательства этой эпохи могут быть раскрыты на основе изучения предпринимательских занятий российского купечества.

Хозяйственно-экономическая деятельность в Росии XVIII — первой половины XIX вв. основывалась преимущественно на отношениях и ценностях, характерных для «традиционного» общества. В подобном обществе доминировали межличностные отношения, которые в социологической литературе называют солидаристскими, коллективистскими, патерналистскими, противопоставляя их буржуазным безличным, вещным, юридическим отношениям[2]. Эти же тенденции сохраняются в России и в следующий период, о чем см. ниже. Распределение обществ на традиционные, с преобладанием межличностных отношений, и буржуазные, с безличными отношениями, восходит к К. Марксу, который отмечал, что в добуржуазных обществах отношения людей строятся «как их собственные отношения, а не облекаются в кос-тюм общественных отношений вещей» . Тем самым он подчеркивал социально-экономическую сущность традиционных межличностных отношений, при которых производство и распределение обусловлены личными и групповыми связями их участников, тогда как в буржуазном обществе они обусловлены отношениями товарно-денежного обмена и разделения труда, функционировавшими на безличностной основе. При этом важнейшей особенностью традиционных межличностных отношений является связь индивида и социальной группы, его неразрывное единство с ней, при котором индивид формируется и социализируется как член группы, осознает себя через участие в ней, пользуется ее поддержкой и защитой[4]. Даже сам доступ к основным средствам производства и формам хозяйственной деятельности обусловлен членством в сложившейся социальной группе — общине, ремесленных цехах, купеческих гильдиях и т. п. Межличностные отношения в традиционном обществе включали не только отношения поддержки и солидарности внутри первичных социальных групп, но и отношения личной зависимости и покро-

вительства между ниже- и вышестоящими в социальной иерархии членами, как внутри групп, так и между различными социальными группами и сословиями. В феодальный период это проявлялось не только в системе вассалитета, внеэкономического принуждения и личной зависимости крестьян от феодалов, но и в использовании принудительного труда на купеческих мануфактурах (посессионная мануфактура в России), закабалении купцами наемных рабочих посредством системы задатков, а крестьян и промысловиков — ростовщического кредита. Нечто «феодальное», по определению одного из крупнейших современных историков Ф. Броделя, было и во взаимоотношениях купцов с нанимаемыми ими агентами и приказчиками, от которых купцы требовали личной преданности и всемерного послушания. Отношения личной зависимости между хозяином и работником в традиционных обществах включали также элемент покровительства и патронажа с одной стороны,. и благодарности, готовности отплатить за оказанное благодеяние разного рода услугами — с другой[5].

Стремление к обогащению в традиционных обществах, как правило, не связано с характерными для капитализма рациональностью и практицизмом. Здесь распространен, по выражению М. Вебера, «авантюристический капитализм», основанный на военных походах и разбое, обмане и спекуляциях, хищнической эксплуатации человеческих и природных ресурсов, сопровождавшийся разорительной роскошью и совершенно не озабоченный воспроизводством[6]. Характерная особенность предпринимательства в традиционных обществах состояла в том, что оно, в отличие от капиталистического предпринимательства, как правило, не было нацелено на производственную деятельность. В традиционных обществах, как писал В. Зомбарт, «всякая страсть к наживе, всякая жажда денег стремится к своему удовлетворению за преде-лами процесса производства благ» . Если в капиталистическом обществе предприниматель ориентирован на бесконечное стремление к наживе и прибыли, не ограниченной естественными потребностями человека, и в этом видит свое жизненное признание, то главной целью предпринимательства в

традиционном обществе было удовлетворение реальных вещественных и социальных потребностей (в том числе в богатстве и престижном потреблении, соответствующем социальному статусу), и в этом также заключалась специфика российского добуржуазного предпринимательства.

Господствовавшая в традиционном обществе мораль и религиозные вероучения рассматривали накопительство и стяжание богатств как предосудительное деяние (особенно жестоко порицая при этом ростовщичество), что определяло невысокий социальный статус предпринимательских сословий и сдерживало его. Так в российской художественной литературе и театре, даже в пореформенный период, когда страна уже существенно продвинулась по пути капитализма, распространенным персонажем был купец, наделенный такими отталкивающими качествами, как непомерная жажда наживы, грубость и самодурство, агрессивное невежество.

Понятие традиционного общества у М. Вебера и других представителей западной социологии не получило никакой исторической конкретизации, из чего можно заключить, что они подразумевают под ним все общества и системы ценностных ориентации, не знающие капитализма, начиная от древ-

них цивилизаций Востока . Это, однако, не снимает проблемы специфики и особенностей хозяйственно-предпринимательской деятельности на разных этапах развития традиционного общества, важнейшим из которых был феодальный. Феодальные отношения, представлявшие собой особый тип производственных отношений, основывавшихся на личной зависимости и внеэкономическом принуждении, проявлялись не только во взаимоотношениях внутри класса феодалов, между феодалами-землевладельцами и крестьянами, но пронизывали всю ткань хозяйственной жизни феодального общества, сказываясь самым непосредственным образом и на развитии предпринимательства. Значительная часть используемой в предпринимательских целях рабочей силы организовывалась в феодальном обществе на основе внеэкономического принуждения, отношения личной зависимости в той или иной форме проникали также в те сферы предпринимательства, которые развивались с

применением наемного труда. Существенное влияние на развитие предпринимательства оказывала свойственная феодальному обществу сословная форма его социальной организации и порождаемые ею регламентации хозяйственной деятельности. Общие условия, конкретные проявления и результаты предпринимательской деятельности во многом определялись также складывавшимися при феодализме формами землевладения и землепользования, государственно-политическим строем и т.д.

Хотя в XVIII - первой половине XIX в. в России господствовали традиционные отношения и ценности, вместе с тем это было и время генезиса российского капитализма, что проявилось прежде всего в появлении и развитии капиталистического предпринимательства в промышленности.

Именно поэтому важно проследить изменения в структуре российского предпринимательства, произошедшие в это время.

Наличие общих доминирующих черт в ментальносте и социально-психологическом облике российского предпринимательства не означало, что они всеобъемлюще отражали устремления, мотивы и интересы, которыми руководствовались «деловые люди» в своей предпринимательской деятельности. Можно выделить несколько основных типов предпринимателей, существенно отличавшихся друг от друга по своим ментальным характеристикам, что обуславливало особенности их экономического поведения, определяло своеобразие форм, приемов и методов, использовавшимися ими для накопления капиталов.

В предпринимательской среде к. XVIII - начала XIX века выделяются следующие типы «деловых людей»:

I. Наиболее распространенным был тип купца-традиционалиста, для которого в наибольшей степени были присущи такие черты, как ориентация на монополию, как основную форму предпринимательской деятельности, поиск покровительства и поддержки со стороны государственных органов и отдельных чиновников, вкладывание капиталов в уже устоявшиеся, приносящие стабильный доход отрасли экономики. В рамки этого типа укладыва-

лась и деятельность купцов, которые наживали свои основные капиталы на казенных подрядах и откупах, покровительстве и связях с чиновничье-бюрократическими кругами. Значительную часть своей жизни такие купцы проводили на ярмарках, являвшихся средоточием торгово-промышленной жизни и главным местом совершения коммерческих сделок. Здесь же в кутежах и загулах ими и растрачивалась изрядная часть получаемых торговых барышей, в чем проявлялся менталитет расточительства, который в историческом плане предшествовал утверждению менталитета стяжательства и накопительства[9]. Как правило, такого рода предприниматели не проявляли инициативы, связанной с вложениями капиталов в новые отрасли экономики, их «деловое» мышление и поведение отличались духом консерватизма и инертности. К такому типу относилась значительная часть провинциального российского купечества: томские купцы Шумиловы, тобольские Медведевы, Куклины, Кремлевы, тарские Филимоновы, верхотурские Поповы, турухан-ский К. Передовщиков и др.

II. Выходцы из крепостных крестьян. Не обладавшие даже элементарными гражданскими правами, крестьяне-предприниматели из крепостных благодаря своей необыкновенной целеустремленности, энергии и стойкости характера накапливали состояния, достаточные для того, чтобы выкупиться из крепостной неволи и записаться в купечество. Многие из крестьян-торговцев позднее записывались в купечество. К данному типу относились записавшиеся в тюменское и петропавловское купечество Гласковы, в томское — Хромовы, иркутское — Базановы, барнаульское — Федченко, кяхтин-ское - В.Н. Смирнов и др. Коммерческим успехам крестьян-предпринимателей во многом способствовало присутствие в их деятельности сильнейшего морально-нравственного стимула, порожденного стремлением выкупиться из крепостной зависимости. Т.о. этот тип «деловых людей» обладал системоорганизующей характеристикой - целеустремленностью, вкупе с прагматизмом. Запомним этот факт. Как увидим далее, он будет играть существенную роль в формировании нового для России типа «деловых людей».

III. Предприниматели-дворяне. Освобожденные от обязательной «госу даревой» службы, они сохранили свое политическое влияние и экономиче скую силу, основанную на монопольном владении землей и распоряжением крепостным крестьянством, труд которого использовался на их предприяти ях.

В предпринимательскую деятельность все активнее вовлекалось и не-родовитое провинциальное дворянство. Дворянство в России стало усиленно оттеснять купечество от промышленной деятельности и обнаруживало на-стойчивое стремление прибрать к рукам фабричное производство, особенно текстильную и винокуренную отрасли, связанные, по их мнению, непосред-ственно с сельским хозяйством и «хлебопашеством». К началу XIX века из 98 суконных «фабрикантов», поставлявших свои изделия государству, к дво-рянскому сословию относилось 74 человека, в то время как к купеческому лишь 12.

Дворянство не стояло в стороне и от таких, «неблагородных» видов деятельности (но приносивших большие доходы), каковыми являлись вино-курение и откупа. Некоторые помещики нажили крупные состояния на винной торговле, так как в 1775г. правительство Екатерины запретило купцам заниматься винокурением.

В большинстве своем, они остались в плену дворянской социальной психологии с ее традициями мотовства и праздности, пренебрежительного отношения к деньгам. Примером таких предпринимателей, являются династии Строгановых, Демидовых, граф П. П. Шереметев, а. А. Бобринский и др.

IV. Мещане являлись основой для развития мелкого и среднего пред принимательства. На этом типе стоит остановиться подробнее, так как он во многом являлся переходным типом предпринимателя, в котором причуд ливо переплетались (а часто и органично дополняли друг друга) формы и ме тоды обогащения, свойственные эпохе феодализма, первоначального накоп ления, и крупное мануфактурное производство. Данный тип проявлялся в

рассматриваемый период в деятельности и целого ряда других представителей российского предпринимательства - верхотурских купцов Походяшиных и Поповых, тобольских мануфактуристов Корнильевых и Ершовых, томского С. Сосулина, ялуторовского И. Медведева, тюменских кожевников Котовщиковых, Барашковых, Пеньевских, Колмогоровых, Решетниковых, Чираловых, а также крупнейших промышленников-мануфактуристов Восточной Сибири - ачинского купца И. Родионова, иркутских купцов М. Сибирякова и Я. Солдатова, читинского А. Юдина, верхнеудинского А. Курбатова и др. Многие из них использовали на своих мануфактурах подневольный труд приписных крестьян и ссыльных, уповали на казенные заказы, кредиты и привилегии.

Четкое оформление данных типов предпринимателей происходит, благодаря, как четкому сословному ограничению, господствовавшему в России в это время, так и тому, что во второй половине XVIII века завершается становление предпринимательства в сфере промышленности, основанной на наемном труде и ориентированной на широкий рынок. В дальнейшем оно неуклонно и необратимо развивается в условиях сохранения в стране крепостного права. В этом смысле последние десятилетия XVIII века и первая половина XIX века представляют собой единый этап в развитии российского предпринимательства. Это было логическим итогом длительного развития товарно-денежных отношений в предыдущий период. Важную роль здесь играют крестьянские промыслы, которые в наибольшей степени были развиты в центральных нечерноземных губерниях и на Севере. Многие крестьяне начинали со скупки продукции промыслов в округе, затем переходили к раздаче сырья и полуфабрикатов мелким производителям, выплачивая им за готовые изделия заработную плату, превращая их постепенно в наемных рабочих. Такова была логика становления крупного промышленного предпринимательства, органически выраставшего из неземельных промыслов.

Особых успехов промышленное предпринимательство достигает в производстве хлопчатобумажных тканей. Процесс развития начинается в последней трети XVIII века. Практически во всех селах и деревнях производи-

лись льняные материи, которые предназначались и для продажи. Позднее стали изготавливать хлопчатобумажную ткань из ввозимой пряжи. В начале XIX века многие предприниматели переходят к организации бумаготкацких мануфактур. Этому способствовал известный перерыв в торговле с Англией, вызванный континентальной блокадой и Наполеоновскими войнами. После восстановления торговли с Англией бумаготкацкие мануфактуры продолжали разрастаться, потребляя ввозную пряжу. Но англичане предлагали и готовые ткани. Здесь большую роль сыграла протекционистская политика правительства. В 1822 г. был издан очередной таможенный тариф. Он устанавливал высокие пошлины на ввоз готовых тканей и низкие на пряжу. В.результате сбыт продукции отечественных мануфактур был надежно защищен от конкуренции импортных тканей. И потому предприниматели переходят к производству пряжи, закупая хлопок. Так возникает бумагопрядильная мануфактура, последнее недостающее звено во всем цикле.

С 30-х гг. XIX века на российских мануфактурах начинается промышленный переворот, они становятся фабриками. Текстильное производство развивается в основном в Нечерноземье (Московская, Владимирская губернии и др.).

Наряду с созданием всякого рода мелких предприятий многие помещики очень активно в последней трети XVIII века организуют обширные хозяйства по производству зерна, которое идет как на внутренний, так и на внешний рынок. Это было связано и с освобождением дворян от обязанностей службы, часть их проживала в своих усадьбах и занималась хозяйством. Кроме того, с углублением международного разделения труда Россия становится одним из крупнейших экспортеров хлеба[1] .

Далеко не все отрасли промышленности развивались так же быстро. К началу XIX в. определенный застой наблюдается в металлургической промышленности России. Весьма тяжелая ситуация сложилась на Урале.

Наиболее существенным препятствием в развитии предпринимательства было сохранение крепостных отношений.

Следующая сфера, где развивалось предпринимательство — торговля. Эволюция предпринимательства в торговле происходила очень медленно. Большое значение имела сословная структура. При Екатерине II было сформировано сословие гильдейского купечества.

В торговой деятельности российских купцов XVIII-начала XIX вв. продолжали сохраняться черты допетровской эпохи: отсутствие специализации, многообразие товаров в обороте, сочетание разных видов коммерческой деятельности, стихийность и сезонность, использование ярмарок . Определенные успехи были достигнуты во внешней торговле. В конце XVIII — первой половине XIX века начинают создаваться торговые компании, создание которых свидетельствует о совершенствовании организации форм торговли[12].

Помимо этого развиваются некоторые ее стационарные формы, в частности, специализированные магазины. Начинает появляться оптовая торговля, огромное значение в ее развитии сыграла Санкт-Петербургская биржа. В 1816 г. она получила собственную организацию. В ее структуре был выбран Биржевой комитет, который занимался организацией работы биржи, изданием специальной газеты, содержащей сведения о ценах и курсах валют[13]. Вместе с тем он являлся выразителем интересов определенных кругов купечества, мог выступать с проектами. В 1832 г. выходит устав биржи, содержащий регламентацию торговли в соответствии с сословными ограничениями. Несмотря на все препятствия во второй половине XVIII — начале XIX в. происходит медленное, но неуклонное движение купеческого капитала навстречу производству. Немало купцов превращается в промышленников, подчиняя и укрупняя мелкие промыслы и ремесла аналогично организаторам мануфактур[14].

Но развитие любого производства в сфере торговли и промышленности по-прежнему сдерживалось отставанием кредита. Политика правительства в кредитно-денежной сфере была ориентирована на интересы дворян, а не купцов. В 1786 г. был создан Ассигнационный банк для организации обращения в России первых бумажных денег. В 1797 г. при банке была открыта учетная контора, в 1806 г. такие конторы создаются в Москве, Архангельске, Одессе,

Таганроге, Феодосии. Здесь купцы могли получить кредит не только под залог товаров, но и под векселя. Тем самым государство признало дисконтные операции. Но ссуды давались на срок не более 10 месяцев, их могли получить верхушки купечества, связанные с внешней торговлей. В 1817 г. учетные конторы были преобразованы в Коммерческий банк, который вел учетные операции, выдавал под товары ссуды. Но были ограничения: торговые крестьяне и мещане вообще не имели права на получение ссуд[15].

При учете векселей маклер должен был свидетельствовать об их подлинности. Не принимались к учету иностранные переводные векселя (тратты). Одним из участников векселя должен быть житель Петербурга. На депозиты Коммерческого банка претендовала казна, его средства использовались для поддержки бюджета, кредитования дворянства через Заемный банк. В результате и под воздействием деятельности Коммерческого банка ссудный процент снизился до 7,8%. Учет векселей стал основной его операцией, подтоварных ссуд выдавалось мало. Учетная ставка (процент, удерживаемый банком при дисконте) составляла в 1830-х от 6,5 до 8%. Ставка была выше, чем в Западной Европе. Во Франции и Германии учетная ставка держалась на уровне 3-4%. Кредит России, следовательно, был дороже. Понижению учетной ставки и удешевлению кредита могло способствовать развитие широкой сети частных коммерческих банков. Однако правительство относилось к таким учреждения с большим подозрением. Несмотря на это, частные коммерческие банки и подобные им учреждения стихийно возникали в тех или иных городах империи[16].

Фискальная политика государства привела к тому, что к посадскому населению стали записывать всякого рода разночинцев при наличии у них купеческих или иных промыслов на 500 руб. оборота. Благодаря этому понятие «купечество» начинает включать в себя посадское населения[17].

Торговый устав 1755 г. запретил крестьянам торговать на «ближнем от городов расстоянии» . Таким образом, купечество становится привилегированной категорией населения с достаточно выраженными чертами сословно-

го обособления. Манифест 1775 г. Екатерины II юридически закрепил деление городских жителей на мещан и купцов. При этом в купечестве выделяется три гильдии. В основе этого деления был положен имущественный принцип - по объявленному капиталу (т. е. фактически это был регистрационный принцип). Купечество по манифесту получало привилегию - оно освобождалось от подушной подати. Вместо нее они были обязаны платить 1 % с объявленного капитала[19].

В 1785 г. «Грамотой на право и выгоды городам Российской империи» было окончательно закреплено монопольное право купцов на торговлю, на получение от государства подрядов и откупов. Таким образом, торговая деятельность подвергалась детальной регламентации, в результате чего пострадало купечество третьей гильдии[20].

С одной стороны, выделение купечества в отдельное сословие, наделенное известными правами и привилегиями, ограждало «торговых людей» от произвола чиновников и представителей дворянского сословия, но, однако, любая регламентация предпринимательства несла в себе начала, сдерживающие развитие деловой активности.

Для купечества XVIII в. были характерны следующие черты: неустойчивость купеческих родов; постоянное изменение состава купечества в целом; стремление поместить торговый капитал в промышленность.

Раньше других перевести капиталы в промышленность удалось, как правило, представителям старинных купеческих родов, или тем, кто начал промышлять купечеством с первой четверти XVIII века. Яркими примерами подобных удачливых предпринимателей-промышленников, являются Демидовы, Яковлевы, Баташевы.

В начале XIX века происходит резкое изменение состава купечества. Обусловлено это было несколькими причинами:

1) отказом правительства от протекционистской политики по отношению к развитию купеческой промышленности;

2) внешнеполитическими факторами (континентальная блокада и войны с Наполеоном).

3) Кроме того, в начале XIX века еще одна причина способствовала падению авторитета первогильдийского купечества — наличие нескольких сыновей в семье, что зачастую приводило к распылению капитала. К раздроблению капиталов между наследниками подталкивали и изменения, вносившиеся в гильдейское законодательство (указ о запрещении купеческим братьям состоять в общем капитале при раздельном проживании и т. п.). После раздела капитала в семьях, входивших в верхушку купечества, часть наследников, не получившая достаточной доли для того, чтобы удержаться в числе первогильдейцев, была вынуждена переходить в низшие гильдии, а раздел капитала в семьях купцов третьей гильдии зачастую заканчивался переходом ряда членов семьи в мещанство. Многие купеческие сыновья, наследовавшие от отцов процветавший семейный бизнес, не сумели достойно продолжить дело из-за отсутствия у них необходимых морально-волевых качеств — предприимчивости, деловой хватки, целеустремленности. Имело место и прерывание купеческих династий или отдельных их ветвей из-за отсутствия наследников по мужской линии. Это послужило, в частности, причиной исчезновения известных в Сибири династий тобольских купцов Володимеровых и Хлебниковых, туринских Коноваловых, ялуторовских Медведевых, томских Мыльниковых, енисейских Толстых и Хороших, иркутских Кузнецовых и др \

Таким образом, главным результатом развития предпринимательства в дореформенной России стала борьба двух противоречивых тенденций: поддержка частной инициативы, предпринимательства и в тоже время жесткое администрирование хозяйственной жизни. Наряду с этим противоречивые отношения складывались между представителями купечества и нарождавшегося нового поколения предпринимателей из числа крепостных крестьян. Однако частное предпринимательство уверенно укреплялось, опережая дру-

гие предпринимательские группы и создавая базу для дальнейшего роста производства, ориентированного на расширяющийся внутренний рынок.

На смену петровским предпринимателям, привязанным к интересам казны, экономический либерализм екатерининской эпохи и ее преемников вывел «капиталистых» мужиков, ускоривших как развитие внутреннего, так и вхождение России в мировое хозяйство через бурно развивающуюся хлопчатобумажную промышленность[22].

Дворянские предприниматели, работавшие в основном на нужды государства, к середине XIX в. теряли свои позиции, как, впрочем, и «купцы-фабриканты». Иностранные предприниматели, в отличие от петровских времен, снизили свою деловую активность. Исключение составляло лишь банковское дело. Одним из наиболее известных банкиров-иностранцев в России стал барон Людвиг Штиглиц, придворный банкир, основатель банкирского дома «Штиглиц и К°».

Самым значительным положительным результатом хозяйственных преобразований стало появление мелких частных собственников в сфере кустарной промышленности и мелкой торговли, представлявших собой основу нового поколения предпринимателей. Однако их развитие сдерживалось не только государственной властью, но и слабым развитием новых торгово-промышленных форм и методов хозяйствования. Биржевое, банковское дело, акционирование предприятий еще не играли важной роли в хозяйстве страны.

В первой половине XIX века капиталистический уклад в экономике России завоевывал все более прочные позиции. Несмотря на тормозящее давление крепостной системы, промышленное производство набирало темпы. Быстрый рост мануфактур, рост вольнонаемного труда - характерные черты этого периода. Первая половина XIX века является существенным рубежом в развитии отечественного предпринимательства, как в сфере экономики, так и в становлении буржуазной идеологии. В это время происходит дальнейшее развитие такой тенденции, как сокращение казенных мануфактур и расширение частного предпринимательства. Увеличивается интерес к научно-

техническим достижениям. Начало промышленного переворота, доминирование вольнонаемного труда в промышленности, изменение социального состава буржуазии создают материальные условия для перехода к капитализму.

В это же время появляется совершенно новый тип предпринимателя. Коммерческая деятельность таких предпринимателей носила разнообразный характер, а приобретаемые предприятия они рассматривали либо как средство вложения свободных капиталов, полученных в непроизводственной сфере (откупа, торговля, кредитно-банковские операции), либо как составную часть более обширного производства (механического, машиностроительного, и др.) либо как элемент инфраструктуры пароходных обществ. Начал формироваться пятый тип российского предпринимателя первой четверти XIX века -предприниматель-буржуа.

Под данным термином, мы понимаем такой тип предпринимателя, который сочетает в себе черты «делового человека» времени первоначального накопления капитала и рационально мыслящего капиталиста-промышленника. С одной стороны, он стоял у истоков развития ряда новых отраслей экономики (нефтедобыча, речное пароходство, машиностроение), активно осваивал промышленное дело, требовавшее приложения немалых капиталов, труда и предпринимательского таланта, применяя при этом передовые для того времени способы организации производства (паровые машины) и многопрофильное производство, а с другой стороны, стремился нажиться за счет казенных, подрядов и откупов (например, винных), что характерно для уже рассмотренных типов, а для реализации предпринимательской функции, активно использовал покровительство чиновников и демонстрировал монополистические устремления.

В наибольшей мере продвинулись по пути капиталистического предпринимательства те из предпринимателей, которые, будучи настоящими подвижниками промышленного предпринимательства, являлись владельцами сразу нескольких промышленных предприятий, организуемых в различных отраслях промышленности. Новаторски настроенные представители нового типа пред-

принимателей стремились к улучшению технологии производства и повышению качества производимой продукции. Ментальность наиболее передовой их части включала и такую черту, как осознание необходимости заниматься промышленностью и торговлей «не как ремеслом, а как наукой», поэтому они выступали в качестве инициаторов открытия ремесленных школ и торговых училищ, посылали своих детей для обучения в высшие учебные заведения.

Одной из характерных черт нового типа предпринимателей, являлось то, что они своей энергией, настойчивостью и самоотверженностью раздвигали горизонты первоначального накопления, прокладывая новые торговые пути и осваивая новые промысловые районы, куда вслед за ними со временем устремлялись и другие купцы. Благодаря их рискованности и самоотверженности предпринимались настойчивые попытки организации морской торговли с Китаем и Японией, освоения Северного морского пути и т. д. Инициативой частных торговцев прокладывались и сухопутные караванные пути в Среднюю Азию, Монголию и Китай.

Одной из наиболее ярких черт предпринимателей-буржуа, являлась занимаемая ими активная жизненная позиция, особенно в плане утверждения в общественном сознании идеалов нового промышленного устройства страны, их общая устремленность в будущее, отсутствие обычного для традиционных типов предпринимателей тяги к наживе, скапливанию капитала, широчайший спектр коммерческой деятельности.

В формировании нового типа предпринимателей участвовали представители всех вышеназванных типов. В числе предпринимателей-буржуа можно увидеть представителей старинного дворянского рода Шиповых, мещанина В. А. Кокорева, выходцев из крестьян братьев Рябушинских и С. В. Морозова, представителя сибирских чиновничьих кругов А. Ф. Поклевского-Козелло. Одним из наиболее ярких и характерных примеров формирующегося нового для России типа предпринимателей является объект данного исследования - Дмитрий Егорович Бенардаки.

1.2. Институциональный аспект становления предпринимателя-буржуа на примере Д. Е. Бенардаки

Исследование институциональных факторов, оказавших влияние на предпринимателей, бывших современниками Д. Е. Бенардаки, позволяет говорить о том, что помимо сложившихся в России условий, способствовавших деловой активности, существовали, как правило, частные определяющие факторы, которые в превалирующей мере повлияли на окончательное оформление дальнейшего выбора их деятельности. Для В. А. Кокорева таким фактором являлась принадлежность его к старообрядцам с их специфическим менталитетом и особенностями мировоззрения, для А. Ф. Поклевского-Козелло -принадлежность к чиновничьим кругам вкупе с римско-католическим исповеданием. Основным институциональным фактором, повлиявшим на дальнейшую карьеру Д. Е. Бенардаки, стало то окружение, в котором он вырос — социальная среда Таганрога, где греческое население являлось превалирующим, а предпринимательская деятельность — главенствующей.

Дмитрий Егорович (Георгиевич) Бенардаки родился в июле 1799 года в Таганроге, провинциальном российском городе на берегу Азовского моря. Его отец, грек Георгий Никифорович Бенардаки, приехал в Россию из Венеции и в 1784 году принял российское подданство.

Отец Дмитрия, Георгий Бенардаки, в 1788-1791 гг. служил в Черноморском флоте. Он командовал крейсерским судном «Феникс», сражался под командованием адмиралов Ф. Ф.Ушакова и Д. Н. Сенявина.

После окончания боевых действий Георгий Бенардаки в чине майора в отставке поселился в окрестностях Таганрога, где в числе 22 других греков-дворян был наделен 261 десятиной земли, получив их в безвозмездное пожизненное пользование. Произошло это в 1811-13 гг. на основании Высочайшего повеления от 1808 года .

По всей видимости, семья Бенардаки располагала большими денежными средствами. Об этом свидетельствует письмо Ф. Ушакова Г. Потемкину

от 12 апреля 1791 г., в котором адмирал раскрывал статус крейсерских судов, базирующихся в Севастополе: «За долг почитаю донесть вашей светлости о основании содержания при Севастополе находящихся крейсерских судов. Все находящиеся здесь крейсерские суда оценены, сколько которое стоит. Самая малая часть за оные денег выдана хозяевам, а другим и вовсе ничего не выдано, посему состоят они все под командою тех самых командиров, которые и хозяева оных судов считаются, содержат они матросов наймом от себя и своим кочтом нанимают» . Поскольку одним из таких «хозяев-командиров» являлся Георгий Бенардаки, можно сделать вывод о том, что в Россию он эмигрировал уже имея при себе определенный капитал, который позднее смог увеличить. Таганрогские краеведы в один голос зачисляют Георгия Бенардаки уже в момент его эмиграции в купеческое сословие.

Сведения о некогда широко известной многочисленной семье Бенардаки современные исследователи собирают буквально по крупицам. Таганрогский краевед О. П. Гаврюшкин установил, что после того, как в 1799 году у отставного майора Георгия Бенардаки родился сын Дмитрий, последовало еще несколько рождений. В 1805 г. появилась на свет дочь Зефира (умершая, как полагает О. П. Гаврюшкин, во младенчестве), в 1806 г. — Константин. Неизвестно - были ли у Дмитрия Егоровича другие братья и сестры[25].

Особое внимание стоит обратить на то окружение, в котором прошли детские и юношеские года Дмитрия Егоровича Бенардаки. По нашему мнению, обстановка в которой он рос и воспитывался, оказала определяющее влияние на его дальнейшую судьбу и выбор жизненного пути.

Необходимо отметить, что греки, купцы и военные в многонациональном Таганроге были едва ли не самыми многочисленными. Они массово иммигрировали сюда после русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Война вызвала огромную волну греческой эмиграции[26].

Согласно указу императрицы, греки получили право на переселение в течение года на территорию Российской империи. Эмигрантам предоставлялась денежная ссуда для проезда. Переселенцев перевозили русские кораб-

ли. Для поселения им были предоставлены земли при крепостях Керчи иЕникале, поберегу Азовского моря в Таганроге. Российское государство брало на себя все расходы по возведению «храмов Божьих и всего домострои-

[27]

тельства...», «содержание крепости в надежном для жителей состоянии» .

Екатерина II специальным указом освободила переселенцев на 30 лет от всех податей и рекрутского набора. По истечению этого времени греки должны были платить подати в казну в расчете не из числа душ, а из числа фамилий.

Греческое купечество было наделено такими же правами, как и российское. Императрица повелела: «Для наблюдения внутреннего благочиния и всякого звания торговых дел учредить магистрат из греческого купе-чества способом избрания в оный судей чрез всякие три года...» .

Согласно указу, в новых поселениях создавались военные училища «для воспитания юношества и приготовления оного к службе» и казенные госпитали и аптеки для «сохранения здоровья, как военнослужащих, так и всех тамошних поселян...»

Год спустя русская императрица распорядилась ежегодно отпускать греческим общинам (включая и таганрогскую) по 72 тысячи рублей.

Прибывшим грекам отводились земли по Азовскому морю и, главным образом, в Таганроге. Опираясь на внимание русского правительства, греки, не только служившие в русском флоте, но и собственно из Греции, стали пе-реселяться в Таганрог.

В 9-м номере ежемесячного литературного приложения к журналу «Нива» за 1902 год о Таганроге было написано: «Таганрог представляет из себя настоящий международный уголок южной Европы; здесь вы найдете обширные колонии итальянцев, далматинцев, триестцев; множество адриа-тических славян и уроженцев Неаполя, Генуи и Мессины, переселились сюда с давних времен; не говорю уже о греках, армянах и евреях, которые пере-

[29]

полнили город и захватили в свои руки почти всю торговлю и промыслы» .

Для переселившихся греков в Таганроге комендант Дежедерас отвел на форштадте греческий квартал, который по настоящее время называется

Греческою улицей. В 1781 году здесь была открыта греческая церковь Святого Константина и Елены.

Постепенно греки - дворяне из военных и земледельцев стали из города выселяться, а в городе остались только торговые греки.

26 июня 1819 года Правительственный Сенат издал указ на имя Таганрогского градоначальника, по которому земля за греками признавалась полной их собственностью, и они могли распоряжаться ею по своему усмотрению. На основании этого документа, греческая земля стала формальным путем и на законном основании переходить из рук в руки.

Таганрогский историк П. П. Филевский писал: «В Таганрог переселились преимущественно военные и более зажиточные, которые могли рассчитывать на торговые занятия... Т.о., контингент греческого населения в Таганроге был, так сказать, более аристократичен сравнительно с другими греческими поселениями России» .

В 1781 году было создано Греческое купеческое управление, председателем которого был избран И. М. Розсети. Это была первая выборная общественная организация города Таганрога. 20 июля 1784 года Купеческое управление было преобразовано в Греческий магистрат.

По сведениям Греческого магистрата за 1806 год, в городе, население которого едва перевалило за 7 тысяч жителей, проживало купцов греческого происхождения- 1428, мещан- 191, дворян- 234, разночинцев- 345. Многие приезжие воспринимали Таганрог как некое «греческое царство»[31].

В 1866 году в отчете министру внутренних дел таганрогский градоначальник контр-адмирал И. А. Шестаков дал следующую характеристику городу: «...Таганрог остался иностранным городом, хотя огромное большинство его русские...».

Заняв ведущее положение среди местных купцов, греки во многом способствовали развитию Таганрогского торгового порта в начале XIX века. Греки держали в своих руках многомиллионные экспортно-импортные сделки. Могущество таганрогских купеческих семейств Ралли, Скараманга, Мус-

сури, Рази, Ласкараки и других были хорошо известны не только в России, но и во многих странах Европы. Например, торговый дом Ралли имел филиалы в Таганроге, Ростове, Мариуполе. Его глава Пантелеймон Ралли постоянно проживал в Лондоне, оттуда управлял делами через своих представителей. В Таганроге его представителем был Лука Скараманга, женатый на сестре П. Ралли. Торговый дом Ралли был главным поставщиком русской пшеницы на английскую биржу. С Британией был связан и торговый дом греческих негоциантов Емес, представительство которого было открыто в Таганроге в 1820-е годы и просуществовало до 1914 года. Греки в короткий срок превратили Таганрог в крупнейший центр морской экспортной торговли и сами не остались в проигрыше[32].

Греческое население Таганрога активно участвовало в общественной жизни города. С 1784 по 1836 гг. существовал греческий магистрат, но со временем необходимость в нем отпала, т.к. греки вошли в городскую Думу и активно воздействовали на городскую жизнь. В разное время органы городского самоуправления возглавляли греки С. М. Вальяно, К. Г. Фоти, А. Н. Алфераки, П. Ф. Йорданов.

Греческие негоцианты принимали активное участие в финансировании благотворительных заведений. В истории Таганрога остались имена И. А. Варваци, построившего Иерусалимский монастырь, основавшего первую городскую больницу и детский приют; Г. Депальдо, завещавший городу деньги на строительство Каменной лестницы и создание староприимного дома для престарелых моряков.

Кроме того, необходимо упомянуть и греков, осевших в Петербурге — с Петербурга начинается предпринимательская карьера Бенардаки, и именно там сохранилось немало следов его предпринимательской и культурной деятельности, связанной и с его второй Родиной — Грецией.

В отличие от Таганрога, в столицу Российской империи прибывали в основном представители известных греческих православных родов. К аристократическому кругу принадлежали семьи Кантакузенов и Мурузи.

Среди известных литераторов начала XIX в. — писатель-грек Евстафий Станевич. Воспитанник Коммерческого училища, он стал активным членом державинской «Беседы любителей русского слова».

Крупным российским дипломатом был граф Иоанн Каподистрия — русский и греческий государственный деятель, родившийся в 1776 г. на острове Корфу. Юношей он поступил на дипломатическую службу на родине, в 1802 году ему поручили устроить гражданское управление на Ионических островах и ввести там русские гарнизоны. В 1807 году И. Каподистрия перешел на русскую службу, был причислен к коллегии иностранных дел. В конце Отечественной войны он стал начальником канцелярии императора Александра I. Блестящий талант и успехи в переговорах на Венском конгрессе обеспечили ему быструю карьеру. В 1815 году он назначен министром иностранных дел России и занимал эту должность до 1822 года. Другой греческий дипломат и литератор С. Дестунис также родился на Корфу; учился в Москве. В 1818 году был назначен консулом в Смирну, но с 1826 года жил в Санкт-Петербурге. В науке С. Дестунис известен как историк-эллинист, переводчик Плутарха и византолог.

В середине XIX в., особенно после Крымской войны, греки играли заметную роль в торгово-финансовой жизни Петербурга. От торговли оливковым маслом и вином они успешно перешли к финансовой и банковской деятельности. Среди крупнейших купцов 1 гильдии семья Родоканаки прославилась благотворительностью и основала в Петербурге приют и медицинское общество борьбы с проказой; Ф.Ф. Теодориди, сделав состояние на торговле табаком, уйдя на покой, построил на Васильевском острове гостиницу, имевшую замечательные интерьеры; Главным русским деликатесом — черной икрой — на рынках Европы торговал грек В. Варвакис, которому это право за отвагу, проявленную в русско-турецкой войне, даровала Екатерина II. Одно время начальником полиции Петербурга был грек Иоаннис Горголис.

В Петербурге греки предпочитали селиться вместе, семьями, в кварталах Рождественской части, «на Песках», у Лиговского канала. Они создали

национально-религиозную общину и приглашали из Константинополя архимандрита для служб в Казанском соборе.

Если учитывать, что позднее петербургские греки обратились за помощью в постройке своей, греческой церкви, именно к Д. Е. Бенардаки, то можно сделать вывод о том, что Бенардаки был тесно связан с греческим землячеством столицы и, возможно, даже входил в местную греческую общину.

В биографии Д. Е. Бенардаки его детские и юношеские годы, проведенные в Таганроге и Петербурге, во многом остаются «темным пятном». Достоверно известно лишь, что в 1807 году он поступил в таганрогскую гимназию.

Учебный план российской гимназии начала XIX века был крайне обширным, энциклопедичным. В него входили латинский, немецкий и французский языки, география и история, статистика общая и Российского государства, начальный курс наук философских (метафизика, логика, нравоучение) и изящных (словесность, теория поэзии, эстетика), математика (алгебра, геометрия, тригонометрия), физика, естественная история (минералогия, ботаника, зоология), теория коммерции, технология и рисование.

В гимназии предлагалось иметь восемь учителей и учителя рисования, с нагрузкой от 16 до 20 недельных часов. Каждый учитель вел цикл предметов: философские и изящные науки, физико-математические дисциплины, экономические науки. Это создавало лучшие условия учебной работы педагогов средней школы для привилегированного населения по сравнению с уездными училищами, рассчитанными на простых людей.

В учебном плане гимназии отсутствовал закон божий. Вместе с тем в гимназиях не предполагалось преподавание русского языка.

Так же как и в уставе народных училищ 1786 года, преподавание учебных предметов рекомендовалось связывать с жизнью. Так, например, учитель математики и физики должен был проводить с учащимися прогулки, показывать им мельницы, различные машины, находящиеся на местных предприяти-

ях. Учитель естественной истории собирал с учениками минералы, травы, образцы почв, объясняя учащимся их «свойства и отличительные признаки» [3].

Таким образом, Д. Е. Бенардаки получил по тем временам отличное образование.

Слова С. Т. Аксакова сказанные о Д. Е. Бенардаки: «Очень умный, но без образования» , стоит понимать так, что у Д. Е. Бенардаки не было университетского образования. Между тем «необразованный» Бенардаки прекрасно разбирался в живописи, разговаривал на пяти языках, имел большие познания в литературе, истории, был близок к культурной элите России, весьма уважавшей его. Известный поэт Василий Андреевич Жуковский считал его «самым дельным человеком России». М. Погодин в своих воспоминаниях говорил о нем следующее: «Быв в сношении в течении двадцати лет с людьми всех состояний, от министров до какого-нибудь побродяги, приносящего в кабак последний грош, Бенардаки был для меня профессором»[35]. В это время сам М. Погодин был профессором Московского университета.

Окончив учебу, Д.Е. Бенардаки поступает на военную службу, в 1819 г. он вступил в службу юнкером в Ахтырский гусарский гвардейский полк.

Престиж гвардейской службы в русском обществе был всегда довольно высок. Кандидатуру соискателя офицерской гвардейской должности должен был утвердить сам полковой командир. До поступления в полк добровольцу необходимо было пройти полковые подготовительные курсы и сдать экзамен на офицерский чин. Кроме того, для поддержания соответствующего образа жизни в гвардейских полках требовались немалые по тому времени средства. Гвардейские мундиры обыкновенно заказывались в магазинах офицерских вещей, в расходы офицера гвардейской кавалерии входило и приобретение верховых лошадей, ибо при выходе в полк каждый из офицеров должен был представить двух лошадей, которые подходили под определенные стандарты, применяемые к лошадям, находящимся в распоряжении Гвардии. Данное обстоятельство еще раз служит подтверждением тому, что семья Бенардаки

располагала большими денежными средствами, необходимыми для того, чтобы Дмитрий Егорович мог соответствовать столь высоким требованиям.

Поступление в Гвардию не только давало счастливцу преимущество в один чин перед армейским офицером. Отношения сослуживцев в рамках полка описаны современником так: «Полковые традиции предусматривали известное равенство в отношениях между офицерами, независимо от титула. Надев форму полка, всякий становился полноправным его членом, как в каком-нибудь аристократическом клубе». Офицеры полка держались вместе. Их служебная и частная жизнь регламентировалась многими уставными и неписанными законами, соблюдение которых гарантировало новичку плавное развитие карьеры. Многие яркие личности Гвардии прославились в дальнейшей своей карьере на поприще придворной и государственной службы. Покинув гвардейский полк, но состоя в рядах Офицерского собрания, бывшие гвардейские офицеры порой устремлялись к высотам государственной службы, подбирая в соратники бывших однополчан или оказывая им помощь в их финансовых делах[36].

К числу предпринимательских династий, родоначальники которых были военнослужилыми людьми, относились Потанины, Нерпины, Можайтино-вы, Стукаловы, Парфеновы, Котовщиковы[37]... Примером предпринимателя — выходца из армейских кругов, является представитель клана Шиповых под-полковник Дмитрий Иванович Шипов.

Для офицера всегда считалось главным совершенно другое - преданность Отечеству и любовь к избранной профессии: «Военный найдет в важности и пользе своих обязанностей нужную твердость к их исполнению, а в самом исполнении - средство возвысить себя в собственных глазах и заслужить общее уважение; и если бы усилия его остались временно без вознаграждения, то голос совести и истинная любовь к Отечеству поддержат еще его рвение и преданность»[38].

Отталкиваясь от подобных требований, следует вывод, что военная слава не слишком увлекала Д. Е. Бенардаки. Но необходимо отметить, что служба в

Гвардии не могла не повлиять на его личность - столь высоки были требования, предъявляемые не только к внешнему виду офицера, но и к его поведению, личным качествам, соблюдению и отстаиванию своей чести и достоинства[39].

Центральное место в системе моральных представлений офицерства всегда занимало понятие офицерской чести: «Обладать честью, во все времена, было признано необходимостью для офицерского кадра. При всех остальных хороших служебных качествах офицер не может быть терпим, если он неразборчив в добывании средств к жизни и марает мундир. Кто не может возвыситься до истинного понимания чести, тот пусть лучше откажется от звания офицера, необходимейшему и первому требованию которого он не удовлетворяет»[40]. С честью офицера было тесно связано понятие о чести своего полка, культивировавшееся в армии под влиянием исторических традиций. Славные боевые традиции полков русской армии, передававшиеся из поколения в поколение, служили могучим стимулом развития чувства гордости за принадлежность к своей части и вообще к русской армии. Существование полковых музеев, написание историй частей, широко и торжественно отмечавшиеся полковые праздники и юбилеи полков - все способствовало поддержанию этого чувства. Офицер нес как бы дополнительную ответственность за поддержание своей чести: роняя ее, он ронял не только свое личное достоинство офицера, но и честь своего полка[41].

В тоже время следует заметить, что Д. Е. Бенардаки был гусаром, и это не могло не внести значительные коррективы в его склад ума и образ поведения. В наше время слова «гусарский характер», «гусарствовать», «настоящий гусар», пришедшие к нам из прошлых веков, нередко употребляются в ироническом смысле или даже для осуждения. Когда-то они имели совершенно другое, прямое значение. Так говорили о людях, которые не терялись ни при каких обстоятельствах, могли всегда действовать быстро, напористо, смело. И таких людей было немало, потому что служба в легкой кавалерии требовала от солдат и офицеров именно этих качеств.

Таким образом, офицерский корпус по существу своему объединял лучшее, что было в России в смысле человеческого материала. Служилое сословие вообще было в целом наиболее образованной частью общества (не только до 90% деятелей российской науки и культуры происходило из этой среды, но и подавляющее большинство их сами были офицерами и чиновниками). Как наиболее качественная в нравственном отношении часть общества офицерство чрезвычайно широко использовалось и на гражданской службе, на нем в значительной степени держалось и общегосударственное управление. В XVIII - первой половине XIX века значительная часть отставных офицеров служила по гражданскому ведомству, куда они обычно переводились с повышением в чине. Долгое время бывшие офицеры составляли подавляющее большинство гражданских чиновников средних и старших рангов, не говоря о том, что в гражданских ведомствах оказалось и множество офицеров действительной службы: к 1796 г. на гражданской службе насчитывалось около 1 тыс. офицеров (в самой армии - 2,8 тыс.), причем они составляли до половины всех гражданских чиновников «генеральских» рангов. На должности губернаторов, вице-губернаторов, градоначальников, начальников областей и уездов на окраинах страны также во множестве назначались генералы и штаб-офицеры действительной службы[42].

В 1823 году Д. Е. Бенардаки вышел в отставку в чине поручика, все время своей службы прослужив под командой небезызвестного генерал-майора Дениса Васильевича Давыдова.

Дмитрий Егорович Бенардаки не мог покинуть военную службу, по какой бы то ни было порочащей его честь причине — офицерское сообщество являлось своеобразной кастой, из которой опорочивший честь мундира немедленно изгонялся и всякие контакты с которым прекращались. Поскольку в дальнейшем мы видим случаи активного сотрудничества между Бенардаки и его бывшими сослуживцами, следует вывод, что предлог, под которым он покинул военную службу, был достаточно благовидным. В дальнейшем, многие документы Д. Е. Бенардаки гордо подписывал: «Поручик Дмитрий Бенардаки».

Стоит отметить, что уйдя с военной службы, Д. Е. Бенардаки связи с армейскими кругами не потерял - в числе учредителей «Нижегородской машинной фабрики и Волжского буксирного речного пароходства», то есть будущего Сормовского завода, вместе с Бенардаки был полковник князь Владимир Александрович Меньшиков. Другой учредитель - Лев Викторович Кочубей находился в родстве с князем Виктором Илларионовичем Васильчи-ковым (1820-1878 гг.) - членом комиссии для улучшения по военной части и председатель комиссии для раскрытия злоупотреблений по интендантству Южной и Крымской армий, занимавший пост директора Канцелярии военного министерства, позднее — управляющим военным министерством. В дальнейшем, В. И. Васильчиков будет способствовать тому, чтобы Сормовскому заводу поручили развернуть производство военно-морских судов для Каспийской флотилии. В. И. Васильчиков был сыном Иллариона Васильевича Васильчикова (1776-1847 гг.), который долгое время был командиром, а позднее шефом Ахтырского гусарского полка, в котором служил Бенардаки. Исходя из подобных совпадений, вывод о тесных связях среди высших кругов Российской империи, которые приобрел Д. Е. Бенардаки за время службы в гвардии, стоит расценивать, как имеющий под собой реальные основания.

Оставить престижную военную службу Бенардаки мог лишь в том случае, если был уверен в правильности своего выбора - карьеры предпринимателя, располагал приобретенными за время службы полезными знакомствами, видел перед собой реальные перспективы.

1.3. Специфика реализации предпринимательской функции Д. Е. Бенардаки.

Дмитрий Бенардаки представлял собой тип предпринимателей капиталистов нового поколения, в деятельности которых довольно четко прослеживается наступление новой эпохи в истории отечественного бизнеса.

Для деятельности предпринимателей «новой волны», таких как Д. Е. Бенардаки, А. Ф. Поклевский-Козелло, братья А. П. и Д. П. Шиповых, В. А. Кокорев и др., были характерны следующие черты: широкий спектр деятельности (откупа, золотодобыча, земельные операции, приобретение и основание заводов, нефтедобыча), ориентирование на новейшие технические достижения в области машиностроения для повышения эффективности производства, активная жизненная позиция, особенно в плане утверждения в общественном сознании идеалов нового промышленного устройства страны.

Кроме вышеперечисленных черт, для Д. Е. Бенардаки характерен широкий географический охват его предпринимательской деятельности, включающий в себя Центральную Россию, Среднюю Азию, Сибирь и Дальний Восток.

Первоначально занимаясь винными откупами, Д. Е. Бенардаки параллельно принимает активное участие в пароходном деле в качестве акционера нескольких обществ и, особенно, Камско-Волжского[43]. В 1851 году для облегчения своей предпринимательской деятельности, Бенардаки становится временным 1-й гильдии купцом. Статус временного купца был ему необходим, так как купцам 1-й гильдии дозволялось производить общую торговлю как внутри империи, так и за границей, учреждать заводы, фабрики, строить мореходные суда.

Кроме того Бенардаки являлся владельцем торгового (коммерческого) дома в Санкт-Петербурге, занимаясь крупной оптовой внешней торговлей.

Д. Е. Бенардаки был крупным помещиком — в 1860 году в губерниях Киевской, Подольской. Херсонской, Таврической, Вятской, Вологодской и Оренбургской он владел 620 606 дес. земли и 10 тысяч душ крепостных[44].

Николай Васильевич Гоголь изобразил Д. Е. Бенардаки в образах помещика Костанжогло и мецената Муразова во втором томе «Мертвых душ». Поскольку Н. Гоголь, по словам современников, близко знавших его (Погодин и Аксаков), описывал только то, что видел или знал, нам представляется возможным использовать некоторые выдержки из «Мертвых душ» при описании предпринимательских взглядов Д. Е. Бенардаки: - «У меня нет зданий

с колоннами за фронтонами. Мастеров я не выписываю из-за границы. А уж крестьян от хлебопашества ни за что не оторву»[45], «все думают, что они какие-то Петры Великие. Да ты смотри себе под ноги, а не гляди в потомство; хлопочи о том, чтобы мужика сделать достаточным да богатым, да чтоб было у него время учиться по охоте своей, а не то, что с палкой в руке говорить «учись»»[46].

Чрезвычайно важным для нас являются следующие слова Костанжогло: - «Да я и рассказать вам не могу, какое удовольствие. И не потому, что растут деньги, - деньги деньгами, — но потому, что все это дело рук твоих; потому, что видишь, как ты всему причина и творец всего, и от тебя, как от какого-нибудь мага, сыплется изобилье и добро на все. Да где вы найдете мне равное наслажденье?» . По ним можно сделать вывод, что такой предприниматель страстно тянется к делу как таковому, ему важна даже не нажива, а сам творческий процесс. Этот тип хозяйствующей личности можно соотнести с чистым «предпринимательским духом» Вернера Зомбарта. Это наиболее ценная — творческая, активная, пассионарная составляющая «духа капитализма» (в противоположность второй его составляющей - «мещанскому духу»). «В пестрой ткани капитализма мещанский дух составляет хлопчатобумажный уток, а предпринимательский дух есть шелковая основа»[48].

Недаром образ Костанажогло, основой для которого послужил Д. Е. Бенардаки, является одним из немногих образов подлинного предпринимателя в русской художественной культуре — это человек, соединяющий в себе практическую рациональность дельца со страстной натурой. Рациональный и осторожный мещанин при всей его хозяйственной рачительности и видимой успешности практически никогда не становится героем. Характерный пример: об искреннем восхищении Гоголя идеальным помещиком-предпринимателем Костанжогло свидетельствует серьезный и даже местами пафосный стиль описания его поместья, а при описании вполне крепких и устроенных хозяйств Собакевича и Коробочки чувствуется ирония. Почему же эти помещики при всей их практической сметке оказываются несимпатичны Н. В. Гоголю, ведь они в хозяйственной рачительности, т. е. в практи-

чески-рациональном плане, мало чем отличаются от любимого автором Костанжогло? Тип хозяев, представленный Гоголем в образах Собакевича и особенно Коробочки, ближе всего к «мещанскому типу» у Зомбарта, составляющему инертную основу предпринимательства. Исповедуемые ими жизненные принципы, «мещанские добродетели», — это осторожность, бережливость, стабильность, умение извлекать прибыль из любой мелочи. При этом им чужды широкий деловой размах, смелая инициатива, для них хозяйство — средство к жизни, а не сама жизнь, необходимость и привычка, а не сознательный выбор и страстное увлечение. Естественно, что хозяин-мещанин с его узким практицизмом настолько далек от ценностно ориентированного идеала, что никак не может вызвать симпатий русской творческой элиты. Д. Е. Бенардаки не только был симпатичен творческой и государственной элите России - он входил в нее.

Нам удалось найти сведения, что в 30-е годы ХГХ века, по поручению таганрогских граждан, Бенардаки посещал министра финансов того времени. Сам он говорил об этом так: «В то время министром был граф Канкрин. Известно, что это был государственный человек в полном смысле слова. Он высоко ценил достоинства Таганрогского порта. Таганрогские граждане просили его через меня, между прочим, о гирлах Дона. Он принял живейшее участие в деле»[49].

И далее, уже применительно к периоду реформы 60-х годов, Бенардаки гак говорит о своем видении будущего родного города: «... если соединить железною дорогою Таганрог с Ростовом-на-Дону, если назначить сумму на очищение Дона и устроить получше Таганрогскую гавань, на которую в течение 150 лет не тратилось ни копейки, то мы лучше всего решим вопрос о развитии нашей торговли. Тогда смело мы можем сказать, что Таганрогский порт будет первым не только в России, но и в Европе, потому что будет отпускать ежегодно по нескольку миллионов четвертей пшеницы, чего не в состоянии сделать ни один порт в Европе»[50].

Этот прогноз не сбылся из-за инертности самих горожан и своекорыстия местных деятелей и магнатов. Дмитрий Егорович Бенардаки был не

просто патриотом Таганрога, а крупным предпринимателем, специалистом, который уже в то время занимался углублением Кронштадской гавани.

Отношения к Д. Е. Бенардаки у таганрогских магнатов и местных деятелей было, по-видимому, негативным. Об этом свидетельствует «Альбом Алфераки», хранящийся в таганрогском музее-заповеднике. Это условное название альбома рисунков, изъятого в 1937 году при обыске у кого-то из потомков таганрогской знати. Представляет собой собрание дружеских шаржей и рисунков с изображениями разных лиц прошлого столетия. Один из таких «дружеских» шаржей изображает Бенардаки. На нем можно увидеть и «шутку», которой удостоил цвет местного общества изображенного. Она содержит всего два слова, емких и выразительных: «Осел (обыкновенный)»[51]. Данная «шутка», находит объяснение в «Мертвых душах», где уже упоминавшийся Костанжогло (Д. Е. Бенардаки) говорит: — «У нас дворяне и без того уже кричат на меня будто я, пользуясь крайностями и разоренными их положениями, скупаю земли за бесценок. Это мне уже надоело... Вы не можете себе представить, что они говорят обо мне. Они меня иначе и не называют как сквалыгою и скупердяем первой степени. Себя они во всем извиняют. «Я, говорит, конечно, промотался, но потому, что жил высшими потребностями жизни. Мне нужны книги, я должен жить роскошно, чтобы промышленность поощрять, этак, пожалуй, можно прожить и не разорившись, если бы жить такою свиньею, как Констанжогло»»[52].

Д. Е. Бенардаки действительно скупал у разорившихся помещиков земли и крестьян, активно занимался хлебной торговлей, спекуляциями. О его предприимчивости хорошо свидетельствует следующая деловая операция: в 1837 году он приобретает у наследников И. П. Осокина оба Троицких и Усень-Ивановский медеплавильные заводы. Осокины сохранили своих крепостных - имения Сафийка, Ивановка, село Знаменка и сельцо Верино (Ве-ровка), деревни Максютово, Письмянка. Примерно в это же время, Бенардаки выиграл в карты у внука императрицы Екатерины II графа В. А. Бобринского крепостных крестьян из сел Ивановского, Георгиевского и частично из села

Петровского Епифанского уезда Тульской губернии. Число проигранных в карты составляло 2616 душ. Бенардаки, владевший недавноприобретенными заводами в Белебеевском уезде Оренбургской губернии, а также 73932 десятинами земли при них, чтобы обеспечить свои заводы и земли рабочей силой, вывез сюда выигранных тульских крестьян. Новый владелец расселил их на своих землях, приписанных к заводам, и «заставил их работать на своих землях и медеплавильных заводах». Новые поселения он назвал своим именем и фамилией, именами своих детей и близких родственников. Так возникли деревни Большая Бенардаки (Николаевка). Малая Бенардаки (Константиновка), Андреевка (Леонидовка), а также Елизаветино, Александровка, Екатериновка, Дмитриевка, Анновка [3].

Размах предпринимательской деятельности Д. Е. Бенардаки и его высокие профессиональные качества были высоко оценены современниками. М. П. Погодин писал о нем в своих воспоминаниях «Чем больше умножались его средства, тем шире распространял круг своего действия, принял участие в откупах, продолжал хлебную торговлю, скупал земли, приобрел заводы и в течение пятнадцати лет нажил такое состояние, которое дает ему полмиллиона дохода»[54].

О разнообразной деятельности Бенардаки сообщает в письме брату Николаю Валентин Константинович Крестовников (Крестовниковы - известная московская предпринимательская династия, представители которой в 1850-х гг. основали стеариновый завод в Казани, один из передовых в России). Отмечая огромное состояние предпринимателя, автор пишет, что его капиталы «...весьма заняты в откупах и во множестве разных предприятий, и они (вместе с Кокоревым) вдобавок составляют еще общество для торговли в Малой Азии»[55].

На коммерческую деятельность Д. Е. Бенардаки стоит обратить особое внимание, так как на ее примере особенно четко прослеживаются те трудности, с которыми сталкивались русские предприниматели, действуя на территориях, еще не вошедших в состав Российской империи, или вошедших недавно.

Поражение в Крымской войне 1853-1856 гг. привело к необходимости переключить центр тяжести внешней политики России с Балкан и Ближнего Востока на Средний и Дальний Восток, в первую очередь в Среднюю Азию.

Экспансия в Средней Азии, развитие экономических связей с другими странами Востока давали России возможность восстановить свой военно-политический престиж и создать предпосылки для нажима на основного соперника - Англию.

Проблемы внешней политики, внешней торговли, завоевание и освоение новых рынков для развивавшейся капиталистической промышленности вызывали глубокий интерес российской общественности.

Русских фабрикантов интересовали среднеазиатские ханства как рынки сырья. Крупный текстильный фабрикант А. Шипов указывал на важное значение хлопчатобумажной промышленности в экономической жизни России и на роль Средней Азии как потенциального источника сырья. По мнению Шипова, эта промышленность наиболее способствует «созиданию новых капиталов», что важно «в государстве, где ощущается недостаток в капиталах, например, в России»: «Ни одна промышленность по ценности ее и по количеству рабочих рук, полезно занимаемых, особенно по содействию в успехах естественных наук и практического их применения, далеко не может равняться с хлопчатобумажной»,- отмечал Шипов и указывал на необходимость оградить русских фабрикантов «внутри своей страны от опасного соперничества чужеземных фабрик», а главное— обеспечить бесперебойное снабжение предприятий хлопком. «О снабжении сим основным материалом бумажных мануфактур, дабы не остановить оные надолго, необходимо заботиться во всякой стране и стараться всеми способами отвратить все те неблагоприятные обстоятельства, которые могут произвести столь длительную остановку мануфактуры» — писал он.

Шипов приводил в пример Англию, начавшую выращивать хлопчатник в Индии и в Австралии, чтобы ослабить зависимость от ввоза американского хлопка. Российская империя «может употребить свои усилия чрез искусные

коммерческие или иные сношения к водворению и усовершенствованию... возделывания хлопка в Средней Азии, ибо из того должны произойти весьма важные для развития производительных сил России последствия...» .

В различных кругах России складывалось единое мнение: Средняя Азия — выгодный и перспективный рынок сбыта русских товаров и источник сырья.

В 1857 г. В. А. Кокорев, Н. Е. Торнау и Н. Новосельский основали акционерное «Закаспийское торговое товарищество» с капиталом 2 млн. руб. для «сбыта российских изделий в Персию и Среднюю Азию и для вывоза оттуда всего того, что надобность и польза укажет». Проект устава этого общества был представлен в Кавказский комитет и утвержден в 1858 г.

Товариществу предоставлялось право создавать «заводы и фабрики для выделки изделий из произведений, как получаемых им из Азии, так равно и отправляемых туда». Это общество закупало в Иране и Средней Азии хлопок, шерсть, марену, бакалейные товары и сбывало туда железо, сталь, медь и мануфактурные изделия. На него распространялась привилегия, которой пользовался переставший к тому времени существовать Московский торговый дом - получать по казенной цене металлы с государственных заводов на 45 тыс. руб. в год.

В том же 1858 г. Дмитрий Егорович Бенардаки обратился в Министерство государственных имуществ с ходатайством о разрешении организовать постоянное рыболовство в Красноводском заливе и открыть меновую торговлю с туркменскими племенами на побережье этого залива — «завести торговую факторию на Красноводском заливе и иметь при оной небольшую флотилию, если он получит разрешение на лов рыбы и бой тюленя вдоль упомянутого берега» . Генерал Катенин, командир отдельного оренбургского корпуса, счел его предложение «в высшей степени полезным». Он готов был предоставить для охраны склада товаров и «рыболовных заведений» военный отряд в 250 человек с тем, чтобы его содержал Бенардаки. В своем рапорте он писал: «...действия торгового общества на восточном берегу Каспийского моря могли бы быть одним из самых верных средств к утвержде-

нию нашего влияния на туркмен и к уничтожению зависимости их от Хивы, с которой они по необходимости находятся в торговых сношениях»[58].

Министр государственных имуществ Муравьев, как и департамент Генерального штаба, тоже нашел предприятие Бенардаки «весьма полезным для Прикаспийского края»[59]. Однако провести в жизнь проект Бенардаки в тот период не удалось. Как свидетельствует письмо департамента Генерального штаба Министерству государственных имуществ от 13 мая 1859 г., «вопрос об устройстве укрепления, которое для охраны фактории признается необходимым тесно связать с другими предприятиями, требует предварительного разъяснения многих других обстоятельств»[60].

К сожалению, в письме не давалось объяснения обстоятельствам, препятствовавшим осуществлению проекта Бенардаки. Можно предположить, что они связаны, как с недостатком точной информации о положении дел в Средней Азии, так и с опасением того, что активное проникновение русских предпринимателей в Среднюю Азию может повлечь за собой конфликт с Великобританией, которая имела сильные позиции в среднеазиатских ханствах. Это подтверждается дипломатической корреспонденцией из Лондона, в которой указывалось на огромное внимание, уделявшееся в Англии русской торговле в Средней Азии: «Английскому купечеству не нравятся распространение пароходства на Каспийском море и образование Закаспийской компании»[61]. Состоявшиеся в 1857-58 гг. дипломатические и торгово-экономические экспедиции Н. П. Ханыкова и н. В. Игнатьева в Хорасан, Хиву и Бухару потерпели неудачу. Закрепиться в районах, важных для развивавшегося в России капитализма, дипломатическим путем не удалось.

В связи с этим царское правительство в последующий период начинает более активно применять военные методы, дополняя ими дипломатическое воздействие, переходит к военной разведке, а затем и к широкому военно-политическому наступлению на основные интересовавшие его территории — ханства Средней Азии с целью их завоевания. Однако, к тому времени внимание Д. Е. Бенардаки оказывается прикованным к другому региону — Дальнему Востоку.

В мае 1858 г в маньчжурском городке Айгуне был заключен русско-китайский договор о разграничении границ. На основании Айгунского договора границей между Китаем и Россией признавалась река Амур от слияния Шилки и Аргуни до устья Уссури Территории к востоку от реки Уссури временно, до специального разграничения, объявлялись совместным владением Плавание по Амуру разрешалось только русским и китайским судам. Окончательное разграничение по реке Уссури было осуществлено Пекинским договором 1860 г.

Воссоединением с Россией открывается новый этап истории Приамурья. В это время совершается процесс превращения Приамурья в неотъемлемую составную часть хозяйственного и национально-государственного организма - подобную Поволжью, Уралу, Сибири. Процесс национального интегрирования в Приамурье начался намного позднее, но совершался в неизмеримо более короткие исторические сроки.

Судьба Приамурья сложилась так, что оно вновь вошло в состав России, когда страна переживала переломный момент своей истории. С наступлением эпохи капитализма, именно он, и оказывался единственной непосредственной перспективой экономического развития Приамурского края. Такая перспектива в сочетании с богатыми природными ресурсами и близостью к внешним рынкам обусловливала возможности более быстрого, чем во многих других районах страны, отягощенных сильными пережитками крепостничества и других архаичных порядков, роста производительных сил края.

Совсем не случайно известие о заключении Айгунского договора вызвало прилив энтузиазма, прежде всего в среде российской буржуазии и предпринимательства. В Енисейской губернии 18 крупных предпринимателей оказали финансовую помощь экспедиции генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского в сумме 12 765 рублей.

Среди тех, кто оказал финансовую поддержку Н. Н. Муравьеву в сумме 1500 рублей *fry*, был и Дмитрий Егорович Бенардаки, который, помимо всего прочего, занимался в Сибири винными откупами и разработкой своих золо-

тых приисков на реке Енисей. В состав экспедиции Н. Н. Муравьева-Амурского входил горный инженер штабс-капитан Николай Павлович Аносов. Позднее он прославится, как признанный первооткрыватель промышленного золота в Амурской области, а его изыскания будет финансировать Д. Е. Бенардаки.

Дмитрий Егорович Бенардаки не мог не видеть перспектив развития Амурской области, и стремился стать винным монополистом в приамурских землях. В дневнике брата императора Александра II, великого князя Константина Николаевича, содержится следующая запись от 28 сентября 1859 года: «Ездил в Сибирский комитет. Было замечательное канальское откупное дело Бенардаки, где он хотел себе достать Амурскую область, да чтоб казна ему подарила 4 миллиона...» . В прошении Бенардаки было отказано.

Еще за год до заключения Айгуньского договора, 14 ноября 1857 года Дмитрий Бенардаки вместе с купцом Василием Рукавишниковым представил в Сибирский комитет устав компании, которая ставила целью занятия китобойным промыслом и рыбной ловлей в Тихом океане, добычей полезных ископаемых, торговлей, намеревалась содержать пароходы на Амуре. Устав компании был утвержден, и Бенардаки возглавил ее.

Компания была создана с целью «...развить в Приамурском крае деятельность промышленную и торговую», «избавить Амур от мелких хищников-спекулянтов и водворить рациональную торговлю». Задачи перед компанией ставились довольно обширные: снабжать население края различными товарами, вести внешнюю торговлю через тихоокеанские портовые города, развивать промысловую ловлю рыбы и охоту на пушного зверя, заниматься разведкой и разработкой полезных ископаемых, создавать промышленные предприятия и т.п. Акционерами Амурской компании стали крупнейшие представители торгового капитала России: Д. Бенардаки, В. Рукавишников, творцы «Амурского дела» Н. Муравьев, А. Миддендорф и Г. Невельской. Все это создавало неплохие предпосылки для ее успешной деятельности. Компания широко развернула свою деятельность. В Хабаровке она построила три

больших дома под магазины и ряд складских помещений. Г. И. Невельского включают в состав директоров, как специалиста по морскому делу и знатока Амура. Компания отправляет адмирала в Англию и Бельгию для закупки четырех морских и трех речных пароходов. Адмирал оказался плохим коммерсантом. Г. И. Невельской не смог правильно спланировать поставки из Европы на Дальний Восток, в результате одно судно погибло во льдах устья Амура. Но самым страшным для компании был произвол российской бюрократии, приведший ее к разорению.

При утверждении проекта Амурской компании в правительственном Сибирском комитете в ее устав, разработанный под руководством Муравьева, вносились существенные поправки, которые выхолащивали из первоначального замысла предпринимательское содержание. Так, в частности, запрещалась продажа в собственность компании казенной земли, на которой располагались ее постройки; не разрешался свободный наем рабочей силы (только при наличии паспортов или видов на жительство), прием на работу ограничивался сроком 7 лет; не дозволялось иметь собственную гербовую печать; правление Амурской компании обязывалось ежегодно представлять генерал-губернатору Восточной Сибири балансовый отчет и т.п. Подобные ограничения лишали акционерное общество самостоятельности и ставили его под жестокий контроль администрации. После подобной корректировки компания не могла решать провозглашенные в уставе задачи.

«Предполагалось, что местные амурские власти проникнутся теми же взглядами на К°, как и власти иркутские, и не только не будут делать ей убытков и притеснений, а облегчать ее задачи отводом, например, постоянных мест под магазины товаров, перевозкою наиболее спешных грузов на казенных пароходах, трюмы которых нередко оставались пустыми и т.п.». В действительности администрация Приморской области поступала прямо противоположным образом: реквизировала суда, принадлежащие Амурской компании, присваивала другую ее собственность или заказывала такие товары, которые потом не выкупались. Неудивительно, что к началу 1860-х гг.

компания обанкротилась, а ее акции скупил по 17 коп. председатель правления Дмитрий Егорович Бенардаки, причем огромные убытки понесли, как сам Н. Н. Муравьев, так и другие вкладчики[64].

Таким образом, если в Средней Азии предпринимательские устремления Д. Е. Бенардаки потерпели неудачу из-за опасения российским правительством внешнеполитических осложнений, то причины краха Амурской компании заключались, прежде всего, в отсутствии каких-либо надежных гарантий для предпринимательской деятельности. А. Людорф, один из иностранных капиталистов, пытавшихся организовать торговлю в Приморской области в конце 1850-х - начале 1860-х гг., писал губернатору Н. Н. Муравьеву, что для подлинной либерализации товарообмена на русском Дальнем Востоке нужна «неприкосновенность частной собственности», как «первое условие благоустройства в государстве». Это действительно, была бы надежная гарантия для успешной торговли, как внутренней, так и внешней [5].

Интерес Д. Е. Бенардаки к Средней Азии и Амурскому краю не исчерпывался только лишь коммерческими факториями и компаниями. Бенардаки активно занимался разведкой природных ископаемых в этих регионах, финансировал поисковые партии, разыскивающие полезные ископаемые, в первую очередь — золото. И, если в Туркестанском военном округе и Сырдарь-инской области главным препятствием для золотодобычи послужило «убогое содержание розсыпи» , то в Приамурье «только г. Бенардаки решился осно-вать правильное золотое дело в таком отдаленном крае» .

Кроме коммерции и золотодобычи, особенности реализации предпринимательской функции Д. Е. Бенардаки можно проследить и в его горнозаводских делах.

В конце 1850-х гг. Бенардаки приобретает несколько металлургических предприятий, значительно расширив сферу своего промышленного предпринимательства. В границах Замосковного горного округа на посессионном праве он становится владельцем Песоченского завода в Перемышльском уезде Калужской губернии, а также Серенского в Козельском уезде той же гу-

бернии. В это же десятилетие Бенардаки покупает Авзяно-Петровский железоделательный завод в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии[68], Песковский и Кирсинский заводы в Вятской, входившие уже в границы Уральского горного округа .

Все новоприобретения, требовавшие огромной траты денег, делались, прежде всего, с целью обеспечения потребностей в металле пароходостроительного производства на Сормовском заводе и были обусловлены необходимостью перехода от сборки пароходов из деталей, привезенных из-за границы, к налаживанию собственного их производства.

Успех Сормовского предприятия во многом был обеспечен деятельностью технического и управленческого персонала, осуществлявшего грамотное руководство производственной частью, на что Д. Е. Бенардаки всегда обращал большое внимание.

В целом технической стороне дела на заводах Бенардаки уделялось большое внимание, благодаря чему их можно было отнести к числу передовых в отрасли.

К специфике реализации предпринимательской функции Дмитрия Егоровича Бенардаки относятся следующее: широкий охват его деятельности, включающий в себя не только географические рамки, но и многообразие форм и методов приложения его деловых качеств; отсутствие авантюризма, тщательный просчет и предварительную разведку при вложении капитала, широкий кругозор и прогрессивные взгляды при планировании. хозяйства. Бенардаки был вхож в высшие круги Российской империи и умело использовал это обстоятельство для достижения поставленных целей. Для него характерен динамичный характер производства, нацеленный на постоянное расширение торгово-производственной базы. Все это позволяет говорить о Д. Е. Бенардаки, как о новом для России типе предпринимателя - «ненасытном предпринимателе», устремленном к построению хозяйства исключительно расширенного типа.

Примечания

[1] См.: Манько, А. В. Казна красна деньгами: Финансовая летопись царской России. / А. В. Манько. - М.: «ТЕРРА - Книжный клуб», 1999. - С. 208.
[2] См.: Зарубина, Н. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. / Н. Н. Зарубина. -М., 1998. - С. 46-66.
[3] См.: Разгон, В. Н. Сибирское купечество в XVIII-первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. / В. Н. Разгон. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998.-С. 16.
[4] См.: Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. / Ф. Бродель. - М.: «Время мира», 1988. - С. 140.
[5] Там же. - С. 400.
[6] См.: Вебер, М. Избранные произведения. / М. Вебер. - М.: «ИНИОН», 1990. - С. 47-53.
[7] См.: Зомбарт, В. Буржуа. Этюды по нравственной истории современного экономического человека. / В. Зомбарт. - М.: «Наука», 1994. - С. 15.
[8] См.: Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. - М. Вебер. - М., 1994; Зомбарт, В. Буржуа. / В. Зомбарт. - М., 1994; Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. / К. Маркс. - М., Политиздат, 1978; Маркс, К. Экономические рукописи 1857—1861 гг. Ч. 1. / К. Маркс. — М., Политиздат, 1980.

См. Ксавие, Э. Исследования об Амуре и торговле Восточной Сибири // Журнал мануфактур и торговли. / Э. Ксавие. - 1859. Т. 8. № 11. - С. 58
[10] См.: Манько, А. В. Указ. Соч. - С. 266.
[11] Там же.-С. 264-265.
[12] См.: Разгон, В. Н. Указ. Соч. - С. 195 - 196.
[13] См. Мартынов, С. Д. Финансы и банкирский промысел. / С. Д. Мартынов. - СПб.: «Петрополис», 1993. - С. 33.
[14] См. Разгон, В. Н. Указ. Соч. - С. 519.
[15] См.: Брегель, Э. Я, Денежное обращение и кредит капиталистических стран. / Э. Я. Брегель. - М.: «Финансы», 1973. - С. 305 - 307.
[16] Там же.-308-309.

См.: Рындзюнский, П. Г. Сословно-податпая реформа 1775 г. и городское население / Г. П. Рындзюнский. // Общество и государство феодальной России. — М.: «Наука», 1975. -С. 87.

См.: Козлова, Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е - начало 60-х годов). / Н. В. Козлова. - М.: «Археографический центр», 1999. - С. 319 - 323.
[19] См.: ДєІМКин, А. В. Купеческие наказы 1767 г. в Уложенную комиссию / А. В. Демкин. // Купечество в России. XVI - первая половина XIX в. М.: «ТЕРРА», 1997. - С. 219 - 231.
[20] См.: Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. - Ульяновск, «Изд-во гос. науч. учр. Средневолж. науч. центр», 2000. - С. 19-20.
[21] См.: Разгон, В. Н. Указ. Соч. - С. 124.
[22] См.: Манько, А. В. Указ. Соч. - С. 247 - 248.

"См.: Гусева, А. Бенардаки Дмитрий Егорович. - Бенардаки Егор. - Бенардаки Константин Егорович / А. Гусева. // Энциклопедия Таганрога. - Таганрог: «Антон», 1998. - С. 187. [24] См.: Адмирал Ушаков. Документы. Т.1 / Под ред. Р.Н. Мордвинова. М.: «Военмориз-дат», 1951.-С. 477.

См.: Гаврюшкнн, О. П. Вдоль по Питерской (хроника обывательской жизни). / О. П. Гаврюшкин - Таганрог, «Ампир», 2000. - С. 314 — 319.

[26] См.: Филевский, П. История города Таганрога. / П. Филевский — Таганрог: «Сфинкс», 1996.-С. 91.
[27] Там же - С. 93.
[28] Там же - С. 94.
[29] Там же-С. 12.
[30] Там же - С. 66.
[31] **Цымбал, А.** Греки Таганрога. / А Цимбал. // Энциклопедия Таганрога. - Таганрог: «Ан тон», 1998 - С. 82-83.
[32] Там же - С. 84
[33] Антология педагогической мысли России второй половины XIX - начала XX века. - М.: «Наука», 1998.-С. 270.
[34] См.: **Аксаков,** С. Т. История моего знакомства с Гоголем / С. Т. Аксаков. // Гоголь в воспоминаниях современников. - М., 1952 —С. 109.
[35] См.: **Погодин, М. П.** Год в чужих краях. Т. IV / М. П. Погодин. - М., 1844 - С. 75.
[36] См.: **Блондель,** А. Л. Взгляд на обязанности и дух военного звания / А. Л. Блондель. - СПб., 1836.-С. 15.
[37] См.: **Разгон, В. Н.** Указ. Соч. - С. 76.
[38] См.: **Блондель,** А. Л. Указ. Соч. - С. **16.**
[39] Там же. - С. 327.
[40] См.: **Галкин, М.** Указ. Соч. - С. 22.
[41] Там же. - С. 332.
[42] Там же. - С. 337.
[43] См.: **Шубин, И.** А. Волга и Волжское судоходство. / И. А. Шубин. - М., 1927 - С. 809.
[4] См.: **Николаенко, А. Н.** Бенардаки / А. Н. Николаенко. // Н. В. Кукольник и Таганрог: Сборник публикаций. - Таганрог, 1998 - С. 77.
[45] См.: **Гоголь, Н. В.** Избранные сочинения. Том второй. / Н. В. Гоголь. - М.: «Художест венная литература», 1978.-С.389.
[46] Там же.-С. 390.
[47] Там же-С. 393.
[48] См.: **Зомбарт, В.** Буржуа. / В. Зомбарт. - М., Наука, 1994. - С. 19.
[49] См.: См.: **Николаенко, А. Н.** Указ. Соч. - С. 78
[50]Там же-С. **78.**
[51] Там же-С. 82.
[52] См.: **Гоголь, Н. В.** Указ. Соч. - С. 392.
[53] См.: РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 590, лл.6-8, 22-24.
[54] См.: **Погодин, М. П.** Указ. Соч. - С. 80.
[55] См.: **Крестовников, Н. К.** Указ. Соч. С. 71 - **72.**
[56] См.: **Халфин, Н. А.** Политика России в Средней Азии (1857-1868). / Н. А. Халфин. - М.: «Издательство восточной литературы», 1960. — С. 66.
[57] Там же-С. 70.
[58] Там же-С. 73.
[59] Там же-С. 75.
[60] Там же-С. 80-81.
[1] Международная информация. // Вестник промышленности. — 1859. — т. 1. — № 2. — С. 151.
См.: **Броднева,** А. **В.** Из истории красноярской журналистики XIX — нач. XX вв. / А. В. Броднева. // Енисейской губернии — 180 лет. - Красноярск, 2003. - С. 156 — 165.
[63] См.: **Николаенко, А. Н.** Бенардаки / А. Н. Николаенко. // Н. В. Кукольник и Таганрог: Сборник публикаций. - Таганрог, 1998. — С. 78.
[64] См.: Должиков, В.А. М.А. Бакунин и Сибирь (1857-1861 гг.)./ В. А. Должиков. - Ново-сибирск, 1993. - С. 29 - 32. [65]
Там же-С. 33.

См.: Краевский, Д. О поисках золота в Туркестанском военном округе, в Сыр-Дарьинской области, в 1866-1867 гг. / Д. Краевский. // Горный Журнал. - 1868. - № 4. - С. 308 - 314.

[67] Рапорт горному департаменту горнаго инженер-капитана Аносова об открытии золота по Амуру, от 3 0 июля 1866 г. // Горный Журнал. - 1866. - № 10. - С. **161.**

[68] См.: **Шубин, И. А.** Указ. соч. С. 809.

[69] См.: **Мукомолов, А. Ф.** На южноуральских заводах. / А.Ф. Мукомолов. - М.: «Наука», 2001.-С. 19-21.

II. СТАНОВЛЕНИЕ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ «ИМПЕРИИ» ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ-БУРЖУА Д. Е. БЕНАРДАКИ

2.1. Роль винных откупов в формировании крупного капитала

Отставка с военной службы Дмитрия Егоровича Бенардаки оказалась очень своевременной: в 1826 году были вновь разрешены винные откупа. Молодой отставной гусарский поручик «с капиталом в 30 или 40 тысяч рублей» принимает участие в торгах по винным откупам, проходивших в Петербурге, и неожиданно для многих выигрывает эти торги, приобретая право торговать водкой своего производства. С этого успеха и начинается предпринимательская деятельность Дмитрия Егоровича Бенардаки.

Откуп - право, дававшееся частному лицу на сбор различных платежей. «Откупная система, распространившаяся с 17-го в., включала передачу на откуп таможенных, кабацких, проезжих,... лавочных, конских пошлин, а также сбор с мельниц, бань, харчевен, солодовен и пр. Наиболее крупными откупными статьями были таможенные и кабацкие сборы, а с отменой в середине 18-го в. внутренних таможен винные откупа становятся основой откупной системы... Широкое распространение практики винных откупов... было вызвано также появлением в Сибири и на Урале частных винокуренных заводов, владельцы которых... стремились к получению откупов, так как могли в откупных местах реализовывать без торгов часть вина, производившегося на их заводах» .

Винные откупа являлись системой взимания казной дохода от реализации (продажи) алкогольных напитков. Организационно винный откуп обеспечивался кабаком «на откупу», при прекращении откупщиком своей деятельности этот же кабак возглавлял «на вере» выборный либо назначаемый кабацким головой «целовальник». На каждый кабак, приписанный к определенной территории, фискальные органы распределяли доходную разверстку. Правовой основой винных откупов был контракт, заключаемый на торгах

правительственным органом с откупщиком. Контракт регламентировал порядок реализации (продажи) алкогольных напитков (цену, время, условия и т.д.). Откупщик не являлся частным лицом и именовался «коронным поверенным», т.е. доверенным царя с весьма широкими полномочиями. Доходы, получаемые откупщиком от реализации алкогольных напитков, согласно «Уставу о винокурении», были собственностью короны. Откупщики не получали от казны платы за свою деятельность. Легальными источниками их личных доходов являлись: 1) изготовление и реализация алкогольных напитков пониженной крепости; 2) продажа закуски; 3) денежные штрафы с лиц, нарушавших закон (изготовлявших и вне кабака продававших спиртные напитки). Однако основные доходы откупщики получали за счет обмера, обсчета покупателей крепких алкогольных напитков, фальсификации водки.

Откупная система способствовала обогащению откупщиков, собиравших в 2-3 раза большие суммы доходов, чем они сами вносили в казну. Откупная система являлась одним из источником первоначального накопления капитала, способствовала разорению мелких товаропроизводителей. Отдача на откуп (сроком на 4 года) вначале оформлялась по отдельным питейным заведениям, а во времена Бенардаки - уже по городам, уездам и губерниям.

Российская империя с ее многообразием экономических, хозяйственных укладов жизни отличалась значительным разнообразием путей накопления. В исторической литературе одним из этих путей уделялось больше внимания, другим меньше. Значительный интерес был проявлен к изучению вопросов развития фабричной промышленности из крестьянских кустарных промыслов, к формированию капиталов в хлебной, чайной торговле. Другим путям накопления капиталов, в частности «питейному делу», сфере производства и торговли вином, повезло меньше.

Приобретение крупных состояний в винно-откупном деле является одним из самых характерных путей формирования крупных капиталов в дореформенной России. Здесь чаще, чем в других секторах экономики, складывались самые громкие богатства, причем в самые сжатые сроки. Значение вин-

ных откупов для государственных финансов было очень велико. Доход с винной торговли в последние годы существования откупной системы, ликвидированной в 1863 г., составлял 46% всех поступлений в государственную казну, опережая, начиная с 1840-х гг., поступления от прямых налогов — подушной подати и оброка с государственных крестьян, вместе взятых. Достаточно сказать, что в Англии, к примеру, он не превышал 24% всех государственных доходов, во Франции — 9%, в Пруссии - 6%. За 140 лет (с начала XVIII века и до 1863 г.) существования винного откупа в России «питейный» доход казны увеличился, по некоторым оценкам, в 335 раз[2].

В 1817 году правительство Александра I сделало попытку отказаться от практики винных откупов, передав оптовую продажу спиртного казенным чиновникам и оставив частникам лишь розничную торговлю. Однако в результате этого поступления в казну резко снизились. Чиновники оказались больше заинтересованы в пополнении своих кошельков, чем государственного. И после восхождения на престол Николая I по инициативе министра финансов Е. Ф. Канкрина винный откуп был вновь разрешен. И это уже вскоре положительно сказалось на государственном бюджете. Поступления в казну до начала 1860-х гг., согласно официальной статистике, непрерывно возрастали, увеличившись почти в два раза: с 64,6 млн. руб. в 1825 г. до 126,4 млн. руб. в 1861 г.

Новая прослойка откупщиков-разночинцев стала быстро выделяться в обществе. Среди откупщиков были представители разных конфессий и сословий: и купцы (И. Мясников, А. Попов, старообрядец В. Кокорев), и дворяне (князья Долгоруков, Гагарин, Куракин, А. Голицын, граф П. Шувалов), и такие, как выходец из небогатой еврейской семьи витебский предпринима-тель Евзель Гинцбург .

Одним из крупнейших винных откупщиков России стал отставной поручик Дмитрий Бенардаки. Именно винный откуп стал источником первоначального накопления его капитала, отправной точкой его возвышения, как предпринимателя.

Происхождение денег, с которыми Бенардаки в 1826 году участвовал в торгах, остается неизвестным. Можно предположить, что Дмитрий Егорович Бенардаки прибег к помощи отца или друзей из числа офицеров-однополчан. Вполне возможно, что ему оказало помощь греческое землячество Петербурга.

Уже через шесть лет после выигранных торгов отставному гусарскому поручику греческого происхождения принадлежал весь винодельческий промысел в Петербурге с магазинами и складами.

Победа Бенардаки на этих торгах была отнюдь не случайной. Стоит еще раз отметить тот факт, что поручик Д. Е. Бенардаки служил в гвардии и обладал необходимыми связями во властных кругах. Достаточно упомянуть живших в то время в Петербурге генерал-адъютанта Дмитрия Николаевича Сенявина (1763-1831 гг.), командира отца Д. Е. Бенардаки во время Русско-Турецкой войны; князя Иллариона Васильевича Васильчикова (1775 или 1776-1847 гг.), полкового шефа Ахтырских гусар, в те времена командующего войсками Санкт-Петербурга. С большой долей вероятности, среди знакомых Бенардаки был женатый на сестре князя, Марии Васильевне Васильчи-ковой, князь Виктор Павлович Кочубей — сенатор, министр внутренних дел, а с 1827 года - председатель Государственного Совета и Комитета министров. Сын В. П. Кочубея, Лев Викторович, в будущем станет компаньоном Бенардаки в Сормове. Таким образом, Д. Е. Бенардаки имел активное лобби в самых высших эшелонах власти. Кроме того, он выгодно отличался от многих предпринимателей того времени тем, что имел блестящие деловые способности, был энергичен, талантлив, обладал прекрасными связями в греческой диаспоре Таганрога и Петербурга, имел солидное образование.

Д. Е. Бенардаки не останавливается и расширяет свое дело. Позднее он становится одним из крупнейших винных откупщиков Сибири. На заключительном этапе существования откупной системы (1857—1862 гг.) в сибирских откупах почти безраздельно господствовали предприниматели из чиновничье-дворянского сословия: А. Рюмин, Д. Бенардаки, В. Базилевский, А. Абаза, ежегодно выбиравшие из казны 1—1,5 млн. ведер вина на сумму 4—6 млн. руб. сер.

Таблица 1.

Крупнейшие винные откупщики в Сибири
в первой половине XIX в. (до 1847 г)*

Фамилия	Сословие, чин	тыс. руб. ассигн.
Мясников И.	ростовский купец	19955
Попов А.	верхотурский купец	12159
Пономарев Д.	коллежский асессор	7853
Кузин К.	харьковский купец	6675
Голицын А.	князь	6396
Базилевский И.	надворный советник	4597
Заемников А.	арзамасский купец	4149
Бенардаки Д.	поручик	4061
Мартынов С.	полковник	3945
Григорьев И.	надворный советник	3940

* См.: Разгон, Н. Н. Винные откупа как форма накопления капиталов в Сибири (вторая половина XVIII - первая половина XIX вв.) / Н. Н. Разгон. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII - начало XX вв.): Межвузовский сборник научных статей. — Барнаул.: Изд-во Алт. университета, 1995.-С. 31.

Зачастую откупщики объединялись, образуя своеобразные синдикаты. Так было проще диктовать свои условия на винном рынке и вытеснять с него конкурентов. В торгах на сибирские откупа крупные откупщики из Европейской России участвовали объединенными компаниями, имевшими связи в правительственных кругах дворян и чиновников. Зачастую перед началом торгов они скупали залоги, внесение которых было непременным условием заключения откупных контрактов, и уже тем самым фактически лишали мелких откупщиков возможности участия в торгах. Д. Е. Бенардаки создал такой синдикат вместе с другим известным откупщиком, будущим банкиром Василием Алек-

сандровичем Кокоревым[4]. Компаньоны взяли откуп на Бессарабию, Москву, Петербург и все уезды по линии Николаевской железной дороги. Деятельность этого синдиката принесла в государственную казну 137 миллионов рублей.

Данные о доходах самих винных откупщиков расходятся, что обусловлено разной методикой подсчетов и неполнотой данных. Так, согласно данным А. Я. Киттары, в 1856 г. 82 млн. руб. от продажи алкоголя попали в казну, а остальные 69 млн. руб. достались откупщикам. Видный экономист тех лет И. К. Бабст оценивал ежегодные совокупные доходы откупщиков в гораздо большем размере. По его оценкам, их ежегодный доход в одних только великорусских губерниях простирался от 182 до 202 млн. руб., а по всей империи в целом доходил до 600 млн. руб. Примерно схожими были и оценки других исследователей — от 500 до 600 млн руб. А бывший в свое время министром внутренних дел и хорошо знакомый с ситуацией в откупном деле граф А. А. Закревский приводит еще более высокую и твердую цифру совокупного дохода откупщиков в эти годы, определяя ее в 781285000 руб. серебром ежегодно.

Принимая во внимание сведения о числе винных откупщиков в стране (на четырехлетие 1859-1863 гг. их было 216) и приведенные данные о размерах их совокупного ежегодного дохода в этот период (если опустить крайние цифры, то это, в среднем, 300-500 млн. руб.), среднестатистический ежегодный доход каждого откупщика можно оценить никак не менее 1 млн. руб., или даже более. Изымая из него половину суммы на штатные и нештатные расходы по обслуживанию откупа (есть сведения, что издержки откупщиков составляли до половины их доходов), получаем сумму чистой прибыли в среднем до 500 тыс. руб. на каждого откупщика — колоссальное состояние по тому времени. Это, конечно, весьма приблизительная цифра, но и она дает представление о финансовой мощи данной группы российских предпринимателей. Так, капитал откупщика-старообрядца В. А. Кокорева оценивался перед реформой в 6-7 млн, руб, Е. Г. Гинцбурга — до 8 млн. руб. серебром.

В значительной мере подтверждают вышеприведенные расчеты имеющиеся данные о суммах обязательных платежей, уплачиваемых за год откупщиками в качестве сбора в казну за право владения питейным откупом на четырехлетие 1859-1863 гг. Так, совокупная сумма обязательных платежей 216 лиц, участвующих в питейных откупах, за год составляла 127769488 руб. 32 коп., что в пересчете на каждого в среднем составило ежегодных платежей на сумму 591525 руб. 40 коп. Понятно, что уплатив такие высокие суммы, откупщики рассчитывали получить в качестве дохода и, большей частью получали значительно большие суммы. Даже согласно официальным данным, доход самого откупа превышал доходы казны от него в разные годы в 50-х — начале 60-х гг. XIX вв. в 1,4-1,7 раза[5].

Таким образом, можно с определенностью говорить, что к моменту отмены крепостного права и развития новых экономических отношений в стране сформировалась достаточно заметная по численности группа предпринимателей-откупщиков, ставшая одной из самых мощных по своим финансовым возможностям групп российских предпринимателей. Ее представителям были присущи целый ряд характерных качеств и черт, способствовавших быстрой адаптации к новым экономическим условиям посткрепостнической эпохи, переключению на новые формы и направления предпринимательской деятельности, новые источники обогащения.

Эта была одна из самых социально разнородных и межнациональных групп российской буржуазии, лишенная многих признаков замкнутости и корпоративности, присущих другим группам. Среди откупщиков были лица разного звания, состояния и происхождения, разной национальности и вероисповедания.

Важной особенностью откупного предпринимательства было то, что оно чрезвычайно способствовало возникновению и укреплению тесных связей откупщиков с верхами дворянского общества, с сановной правительственной бюрократией. Еще более тесные связи имели винные откупщики с представителями власти на местах, с местной администрацией. Это были са-

мые прочные узы — денежные. Существовала целая система взяток, подкупов, дарений, носившая практически легальный характер.

Бенардаки, конечно, не стал бы одним из наиболее богатых откупщиков, если не смог бы приспособиться к этой системе, если не стремился бы поставить чиновников в зависимость от денег, которые им давал. Симбирскому губернатору А. М. Загряжскому Бенардаки подарил карету[6]. Сменившему Загряжского губернатору И. С. Жиркевичу Дмитрий Бенардаки предложил: «Мы, откупщики, имеем коренное правило — ежемесячно часть нашей прибыли уделять начальству, и я смею просить вас оказать мне такую же благосклонность, как и предместники ваши допускали: дозволить, в случае нужды, предлагать от души пособие». Губернатор отказался от «пособия», но просил согласиться на более выгодные для государства условия в важном для репутации Жиркевича контракте[7].

Дмитрий Егорович Бенардаки, чтобы пробить «свое дело», денег на подкупы, балы и приемы не жалел. Например, генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву-Амурскому, он угодил тем, что принял на службу в свою откупную контору ссыльного М. Бакунина.

Вот очень любопытная выдержка из прошения Бенардаки министру финансов на получение выгодного откупа на вино «с обоснованием»: «...без водки русской человек жить не может: она для него жизненный эликсир, живая вода, универсальное лекарство; греет его в стужу, прохлаждает в зной, предохраняет от сырости, утешает в скорби, веселит в радости...»[8]. Это водочное красноречие стало известно в дворянских кругах Петербурга и дало повод С. А. Соболевскому, известному в то время поэту, писавшему эпиграммы на сановных лиц, назвать коммерсанта «кабакомудрый» Бенардаки:

Во имя странного святого
Поставлен их славянский скит.
На бочке пенника простого
Блаженный Кокорев сидит.
Пред ним, коленопреклоненный.

Не чуждый также откупов,
Кадит усердно муж почтенный,
Творец «Беседы» Кошелев.
И воскадит ему он паки,
Пока ему не сломит рог
Кабакомудрый Бенардаки,
Продавший дважды Таганрог .

Упомянутый в эпиграмме Александр Иванович Кошелев (1806 - 1883 гг.) был издателем журнала «Русская беседа», владел винокуренным заводом, также занимался откупными операциями.

Методы, которыми наживались откупные состояния хорошо известны, и слово «откупщик» приобрело устойчивый бранный оттенок. Приемы «рассыроплиивния» питий и продажи их по «непомерно возвышенным ценам» не были секретом для министерства финансов. Оно даже разослало губернаторам специальное распоряжение — устранить «притеснение» откупщиков со стороны гражданской администрации, поскольку это «может иметь весьма неблагоприятные последствия в общественном мнении откупщиков при предстоящих торгах». Бюджет внешне блестящего николаевского государства почти наполовину состоял из питейного дохода[1] , Бенардаки же был одним из самых талантливых исполнителей государственного заказа.

После прихода к власти Александра II, в правление которого газеты России обрели свободу слова, на откупщиков хлынул вал критики. В итоге в 1863 году система винных откупов была отменена. Но «чрезмерная монополия» откупщиков содействовала формированию у них целого ряда специфических черт. Это особенно заметно на примере Дмитрия Егоровича Бенардаки: способность проводить масштабные хозяйственные, торговые и финансовые операции, умение вовремя мобилизовать крупные денежные средства, сформировать деятельный персонал для обслуживания откупа. При этом откупщики проявляли удивительную энергию и организационный размах, открытость, контактность, умение приобретать нужные связи и использовать

их к своей выгоде. Ко времени отмены откупной системы бывшие откупщики были готовы к переключению своей энергии на новые направления деятельности. Период первоначального накопления для них закончился, и все свои силы и капиталы многие из них направляют на поиск новых источников обогащения.

К 1863 году — моменту отмены системы винных откупов, состояние Д. Е. Бенардаки оценивалось приблизительно в 20 миллионов рублей — столько принесли ему винные откупа и другие источники обогащения[11].

Накопленные на откупах капиталы Бенардаки умело инвестировал в кяхтинскую торговлю, байкальское пароходство, закупал землю, заводы, щедро жертвовал на благотворительные нужды, направлял на развитие образования.

Так, Дмитрий Егорович Бенардаки стал пионером, а позднее - одним из крупнейших и преуспевающих золотопромышленников Сибири. Он был одним из первых зачинателей пароходного дела на озере Байкал. Наряду с другими откупщиками (Е. Кузнецовым, Ф. Соловьевым и др.) он щедро жертвовал на проведение Амурской экспедиции, а после политического и военного утверждения России на Амуре, являлся одним из основных пайщиков компании по торгово-экономическому освоению этого края (Амурская компания).

В целом откупная система, являвшаяся формой реализации монопольного права казны на производство и продажу вина, играла важную роль в процессе накопления капиталов в феодальный период.

Для Дмитрия Егоровича Бенардаки откупа стали важнейшим источником накопления капитала, благодаря которому сформировалась финансовая основа для его участия в других видах предпринимательской деятельности.

2.2. Золотодобывающие концессии предпринимателя-буржуа

Появление и развитие в Сибири золотопромышленности, один из пионеров в этой отрасли, купец В. Скарятин сравнил с «переворотом», поколе-

бавшим «все устои общественного организма края». В золотодобывающих губерниях Сибири практически все предпринимательские операции были направлены к золотопромышленности, «связаны с нею и ей подчинены» ".

По всей видимости, главной причиной, которая привлекла Дмитрия Егоровича Бенардаки в золотодобывающую промышленность стало то обстоятельство, что по сравнению с другими отраслями промышленности, золотодобыча требовала минимальных вложений в основной капитал, а большие затраты оборотного капитала окупались сторицей в случае обнаружения богатых месторождений (прибыль от разработки наиболее богатых приисков в 1840-1850-е гг. доходила до 100% и более). В городах, расположенных в золотодобывающих губерниях, золотопромышленностью занималось большинство купцов, состоявших в первой и второй гильдиях.

Будучи одним из крупнейших винных откупщиков Сибири, Бенардаки не мог упустить из вида столь выгодное вложение капитала.

В 1830-1840-х гг. Енисейская губерния давала в год 70-75% всей добычи золота в России. За период с 1833 по 1871 г. в золотодобывающих округах Восточной Сибири было заявлено и отведено для разработки 1188 приисков[13].

Лишь немногие из владельцев золотых приисков реально участвовали в организации их эксплуатации (Д. Е. Бенардаки, И. Н. Асташев, Ф. И. и В. И. Базилевские). Значительная часть золотопромышленников принадлежала к категории, которую генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков называл «паразитами». Они, «не имея капитала и не желая вовсе заниматься золотопромышленностью», пользовались своими привилегиями и «ссужали своими именами лиц, действительно занимавшихся золотопромышленностью, но не имевших на это право»[14]. В числе последних могли быть и купцы, лишенные права владеть приисками по гильдейскому (купечество третьей гильдии), либо национальному признаку (купцы-евреи).

Купцы-золотопромышленники охотно объединялись в компании с представителями дворянской аристократии и отставными чиновниками, которые, используя свои связи, могли добиться отвода выгодных для разработ-

ки золотоносных площадей, помочь отсудить месторождения у конкурентов, заполучить так называемые «казенные остатки» — участки, остававшиеся после отвода заявляемых к разработке площадей по законодательно установленной норме. Со своей стороны купцы предлагали капитал и управленческие услуги по поиску и разработке месторождений.

Наиболее крупными совместными компаниями, образованными в 1830-1850-е гг. золотопромышленниками, были: компании коллежского советника И. Асташева и верхотурского купца С. Попова (основана в 1832 г.); коллежского советника Ф. Горохова, полковника Н. Атопкова и томских купцов Е. и К. Филимоновых (1839 г.); надворного советника П. Голубкова и иркутского купца Е. Кузнецова (1840 г.); поручика Д. Е. Бенардаки и екатеринбургских купцов Аники и Якима Рязановых (1840 г.); И. Асташева и екатеринбургских купцов А. И. Баландина и братьев Рязановых; И. Асташева и купцов Т. Толкачева и А. Коробкова[15].

Распространенность компанейской формы организации золотодобычи объяснялась потребностью в объединении капиталов, вызванной, с одной стороны, необходимостью значительных затрат, связанных с поиском и добычей золота, а с другой — стремлением золотопромышленников, столь свойственным раннему периоду золотопромышленной лихорадки, разведать и закрепить за собой как можно большее количество золотоносных участков. В результате к 1861 г. уже было зарегистрировано 459 золотопромышленных компаний и товариществ. Наиболее крупными золотопромышленниками в этот период стали Н.Ф. Мясников, Ф. И. и В. И. Базилевские, И. Г. Щеголев, и сам Д. Е. Бенардаки.

К концу 50-х гг. Бенардаки владеет пятью золотыми приисками: Николаевским, Александровским, Еликодининским, Михайловским, Платоновским.

К 1868 г. «К° Бенардаки владеет на праве аренды шестью приисками: «николаевским» Ламздорфа, «еликодининским» княгини Трубецкой, «несчастным» Кейпина, «счастливым» Бушмана, «тайным» Л. Бенардаки и «алек-

сандровским» Башмакова». Кроме того, на реке Безъименке, Д.Е. Бенардаки совместно с купцами Рязановыми владел прииском Воскресенским .

Таким образом, Д.Е. Бенардаки по праву считался одним из наиболее крупных золотопромышленников Сибири. Он был вместе с купцами-старообрядцами Якимом и Аникой Рязановыми совладельцем Удерейской компании. В екатеринбургской золотопромышленной компании его компаньонами были генерал-майор П. П. Ушаков, граф В. А. Адлерберг и почетный гражданин Я. И. Расторгуев (Мамин-Сибиряк).

Золотодобыча его приисков не может не впечатлять: «На прииске Воскресенском: с 1853 года по 1859 добыто и промыто песков 31001700 пудов. Получено золота 84 пуда 33 фунта 13 золотников 24 доли. Содержание в 100 пудах 1 золотник 4 *Vi* доли». На прииске Николаевском за 13 лет (с 1853 по 1866 гг.) было добыто 169 пудов 13 золотников золота. На «александровском» прииске - за 4 года (1856 по 1860 г.) - около 60 пудов золота. Для сравнения: компания Ф. Горохова и Е. и К. Филимоновых во второй половине 1840-х - начале 1850-х гг. намывала ежегодно свыше 100 пуд. золота на сумму свыше 2 млн. руб. сер., компания П. Голубкова и Е. Кузнецова в течение 1842-1845 гг. добыла 306 пуд. (в среднем 76,5 пуд. в год), а в 1846 г. — 140 пуд. (чистая прибыль составила 1 млн руб.), компания И. Асташева, Т. Толкачева и А. Коробкова за 1842-1845 гг. — 191 пуд. (47,8 пуд. в год)[17]. Т.о. компании, которыми владел или в которых входил на правах пайщика, Д. Е. Бенардаки, ни в чем не уступали остальным золотодобывающим компаниям Восточной Сибири.

Д. Е. Бенардаки с начала 1860-х гг. переключается на разработку амурских золотых приисков. В верховьях реки Амур Дмитрий Егорович стал организатором и владельцем компании, которая вскоре оказалась самой крупной золотодобывающей компанией в России.

Накануне отмены откупов к Дмитрию Егоровичу обратился инженер Николай Павлович Аносов, выпускник института Корпуса горных инженеров, работавший на Нерчинском заводе. В первые лее месяцы работы,

Н. П. Аносов открыл крупные россыпи золота по руслу речки Бальджи, за что был представлен к ордену Св. Анны III степени и получил пенсию в 600 руб. ежегодно до выработки открытых им приисков. С 1854 г. он был чиновником по особым поручениям при губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве-Амурском, занимался поисками золота в Амурском крае, проводил геологическое изучение берегов Амура.

Ожидалось, что в ближайшем будущем для привлечения на Амур русских на вновь приобретенных землях будет разрешена частная золотодобыча. Поэтому предложения Аносова о финансировании поисково-разведочных работ, сулившие немалую выгоду, заинтересовали предпринимателя Дмитрия Бенардаки, и в январе 1862 года он заключил с Аносовым договор о том, что инициативный горный инженер на деньги Бенардаки организует поиск и разведку золота в наиболее перспективном районе.

В итоге последовавших затем переговоров в марте 1862 года Бенардаки договорился с другим откупщиком, коллежским регистратором В. С. Каншиным и купцом И. А. Иконниковым об организации совместных поисково-разведочных работ. В 1865 году правительство разрешило частную добычу золота в Приамурье, и компаньоны подали заявки на несколько золотоносных площадей, тем более что зимой 1865-1866 гг. в верховьях рек Ольдой и Ур Н. П. Аносов открыл богатейшие россыпи золота. В 1867 году заявки были утверждены, и золотопромышленники подписали договор о создании Верхнеамурской компании, первого частного и наиболее крупного золотопромышленного предприятия на Амуре (приводится с сокращениями):

«Договор Д. Е. Бенардаки, В. С. Каншина, А. В. Каншина (по доверенности Н. Д. Бенардаки), А. В. Лубкина и И. А. Иконникова об учреждении Компании под наименованием Верхне-Амурская золотопромышленная компания.

Поисковыми партиями в Амурской области открыты на законном основании заявлены и отведены нижепоименованные золото-содержащие прииски: А. Заявленные на имя Дмитрия Егоровича Бенардаки:

а) Верхнє-Дмитриевский, - по правой вершине речки Джалинды, теку щей с правой стороны в р. Уркан или Ур, правый приток реки Зеи;

б) Вознесеновский по речке Малому Янкану или Перевальной, впа дающей с левой стороны в Большой Янкан...

в) Нижне-Дмитриевский по речке Джалинде...

B. Заявленные на имя Надворного Советника Николая Дмитриевича Бенардаки: Успенский..., Николаевский..., Николаевский...

Заявленные на имя Коллежского Регистратора Василия Семенова Кан-шина, из коих им продано в собственность сыну своему Подпоручику Андрею Васильевичу Каншину три пая или тридцать третья и одна треть части:

а) Петропавловский...

б) Васильевский...

D. Заявленные на имя Потомственного Почетного гражданина Ивана Алексеева Иконникова:

а) Троицкий — по речке Больдыжак...

б) Нижне-Ивановский...

в) Верхне-Ивановский...

Для правильной и успешной разработки этих приисков мы согласились между собою составить компанию и признавать общею нашею собственно-стию вышеупомянутые одиннадцать приисков»[18].

Этот же договор свидетельствует о том, какое значение придавалось четкой организации и хозяйственному ведению дел на золотых приисках:

«...Вышеозначенное компанейское предприятие наше делится нами на сто равных частей или паев, из числа оных сорок три пая принадлежит Дмитрию Егоровичу Бенардаки; двадцать семь - Каншину; двадцать пять Николаю Дмитриевичу Бенардаки и четыре пая - Ивану Алексеевичу Иконникову.

Деньги для производства ежегодных золотопромышленных работ вно-сятся каждым компанионом пропорционально числу принадлежащих ему паев, в размерах и сроки, большинством компанионов утвержденными. Если же кто из компанионов не внесет в срок причитающиеся на его часть суммы, то

оная может быть внесена другими компанионами и возвращается из золота, следующего к выдаче компаниону оказавшемуся неисправным с причислением к сумме, за него внесенной полупроцента на капитал и полупроцента неустойки, считая и то и другое за каждый месяц.

...Каждый из компанионов может продать стороннему лицу свое участие в настоящей компании, только с согласия большинства голосов остальных компанионов... Лицо, купившее паи, получает право решительнаго голоса в Главном Управлении только в том случае, когда им будет приобретено не менее десяти паев...

...Главное распоряжение делами Компании принадлежит Главному Управлению, которое составляется из компанионов имеющих право решительнаго голоса, или из их представителей и должно находиться в С.-Петербурге...

...Товарищ-распорядитель заведует всеми делами Компании на основании доверенности и от имени всех компанионов... Восьмое. По отдаленности приисков, Главное Местное Управление делами в Амурской области вверяется особому Главноуправляющему, который назначается и увольняется большинством голосов членов Главного Управления и получает надлежащую доверенность, а также инструкцию за подписями всех компанионов...

.. .Каждый из компанионов имеет право посылать на компанейские прииски или куда признает нужным доверенных от себя лиц, для обзора правильности ведения золотопромышленных дел и для ревизии всех хозяйственных отраслей оных, посему для таковаго довереннаго должны быть открыты Главноуправляющим все счетныя и хозяйственныя книги и документы...

...Определение размера приисковых работ на каждый золотопромышленный год производится Главным Управлением, заключения котораго сообщаются для исполнения Главноуправляющему делами в Амурской области...

.. .Главноуправляющий делами в Амурской области представляет в С-Бургское Главное Управление: о промывке песков и добыче золота ежене-

дельные сведения; о приходе, расходе и остатке сумм,— ежемесячные сведения; о ходе работ — ежемесечные сведения; по прошествии же промысловаго года, непременно к первому числу Февраля месяца следующаго года, представляется им полный годовой отчет.

...Из денег, получаемых Товарищем Распорядителем от добытаго на компанейских приисках золота прежде всего должны быть им покрыты все расходы, потребности и сметы, утвержденные на основании сего условия постановлениями Главнаго Управления и только остающиеся за таковыми уплатами свободныя денежныя суммы могут быть отчислены в дивиденд, по постановлению большинства голосов компанионов, пропорционально их участиям.

...Продолжение поисков в Амурской области золота, посредством людей, служащих Компании и на ея капиталы, допускается лишь с тем, что все такими способами открытые золотосодержащие прииски поступают в полную собственность Компании».

Не были забыты и заслуги Н.П. Аносова: «Согласно обязательствам, до учреждения настоящей Компании данным каждым из нас открывателю наших приисков в Амурской области, Горному Инженер-Капитану Николаю Павловичу Аносову, о предоставлении ему попудных денег, назначаем выдавать ему, г. Аносову, за общий наш счет, по четыреста рублей серебром с ка-ждаго пуда шлиховаго золота, добытаго на следующих приисках, им открытых: по речке Джалинде:

1) с Нижне-Дмитриевскаго;

2) Нижне-Ивановскаго;

3) Васильевскаго и Верхне-Ивановскаго;

по речке Болдыжаку с Троицкаго;

по речке Малому Якану с Петро-Павловскаго;

кроме сего, назначаем выдавать г. Аносову, за общий же наш счет, по двести рублей серебром с каждаго пуда шлиховаго золота, добытаго на приисках Успенском при р. Малому Якану; Николаевском по левой вершине речки Джалинды и Верхне-Дмитриевском по правой вершине речки Джалинды...»[19].

И уже в 1868 году прииск Васильевский, первый из открытых и один из наиболее богатых амурских приисков стал возвращать затраченные капиталы - за 1868 г. на нем было добыто более 50 пудов золота (819 кг). Верхнеамурская компания продолжила поиски новых золотоносных районов, и вскоре у нее появились прииски на р. Зее.

Стоит подробнее остановиться на дальнейшей судьбе Н. П. Аносова. После организации совместно с Д. Бенардаки Верхнеамурской компанию для разработки золота в верховьях Амура, он в 1873 г. организует вторую золотопромышленную компанию - Среднеамурскую, добывавшую золото в верховьях рек Зеи и Селемджи. В 1875 г. Н. П. Аносов участвует в организации Ниманскую компании для разработки золота, открытого по его изысканиям на реке Ниман. На золотодобывающих приисках Николай Павлович, идя по стопам своего отца, выдающегося русского ученого-металлурга и талантливого организатора горнозаводской промышленности Южного Урала Павла Петровича Аносова, внедрял передовую технику, высокопроизводительные машины для промывки золота. За разведку золота на Амуре, Н. П. Аносов был награжден орденом Св. Владимира IV степени и пожалован званием камер-юнкера. В период работы на Дальнем Востоке он принимал активное участие в деятельности Сибирского отделения Русского географического общества, являясь его членом-корреспондентом. Последние годы жизни провел в Петербурге, занимаясь благотворительной деятельностью. За вклад в улучшение жизни детей-сирот был награжден орденом Св. Анны II степени. Умер в Петербурге 17 сентября 1890 г.

К началу 1890-х гг. Верхне-, Среднеамурская и Ниманская компании, сконцентрировали в своих руках 60% всей добычи золота, а к началу XX века Амурская область стала лидером золотодобычи в Российской империи.

При жизни Д. Е. Бенардаки, на его золотых приисках применялся исключительно, так называемый, хозяйственный способ добычи золота. При этом способе все расходы на разведку россыпей, обустройство приисковых станов, приобретение машин и устройств для промывки песков и их транс-

портировки, их доставку в тайгу брали на себя золотопромышленные компании. В этом немалая заслуга принадлежит, несомненно, Н. П. Аносову. Стоит вспомнить, что его отец, Павел Петрович Аносов, сыграл выдающуюся роль в практике золотодобычи в России: изобрел и внедрил новые золотопромывальные машины, в т. ч. с паровым приводом, предложил и испытал способ получения золота из золотосодержащих песков методом плавления в печах. сконструировал и внедрил переносные конно-чугунные и конно-железные дороги для перемещения тяжелых грузов на приисках и заводах Златоустовского горного округа.

Располагая прекрасным руководителем поисковых партий и, без сомнения, осведомленный о выдающихся достижениях его отца, Бенардаки без колебаний пошел на большие расходы по обустройству хозяйственного способа золотодобычи.

Хозяйственный способ добычи требовал большого количества служащих, горных мастеров, механиков, ведущих надзор за правильностью ведения работ, исправностью техники. Приисковые служащие так же, как и рабочие получали установленную договорами заработную плату, практически не зависящую от объемов золотодобычи, и поэтому не рисковали остаться в конце сезона без денег. Для поощрения рабочих, даже назначались специальные вознаграждения: «Для поощрения Компанейских служащих к открытиям в пользу Компании золотосодержащих розсыпей, Главноуправляющему делами в Амурской области предоставляется право назначать в виде награды от пятидесяти до ста пятидесяти рублей серебром с каждаго пуда шлиховаго золота открывателям тех приисков, которые будут заявлены и отведены на имя Компании и по пробным разведкам окажутся благонадежными и будут Компаниек» разрабатываться...».

Вместе с тем хозяйственный способ добычи позволял применять более сложную и производительную технику, требовавшую большого количества обслуживающего персонала и крупных затрат на ее приобретение, но быстро окупавшую понесенные затраты.

Рабочие, нанятые на прииски, не обязательно занимались непосредственно добычей золота. Они выполняли работы по подготовке полигона, строительству помещений, обслуживанию машин и механизмов, лошадей. Вербовку рабочих, доставку их на прииски, а по истечении срока контракта — обратно, также проводилась за счет Верхнеамурской компании.

Д. Е. Бенардаки с затратами никогда не скупился. Особенно с затратами на новую технику. Стремление внедрять на своих предприятиях последние достижения инженерно-технической мысли будет сопровождать его всю жизнь.

Недаром, первым мероприятием Верхнеамурской компании была постройка дороги от пристани Джалинда на Амуре до своих приисков. По этой дороге были перевезены и смонтированы на месте бочечные машины - наиболее совершенные золотопромывочные устройства того времени. Помимо Приамурских приисков, такие бочечные машины стояли на каждом прииске Д. Е. Бенардаки. В отношении применяемой техники, прииски, принадлежащие Д. Е. Бенардаки, выгодно отличались от остальных золотодобывающих компаний. Самым распространенным золотопромывочным устройством на большинстве компаний в Восточной Сибири был и оставался старательский лоток.

Наиболее совершенными золотопромывочными устройствами были так называемые бочечные машины, перерабатывавшие в смену до 40 куб. сажен (примерно 400 куб. м) породы. Эти устройства представляли собой стационарно установленные бочечные грохота, приводимые в движение при помощи водяного колеса.

Отсортированная в бочках мелкая фракция поступала на шлюз, где происходило улавливание золота, а крупная транспортировалась в отвал. Бочечные машины позволяли перерабатывать песчано-галечные смеси без предварительного обогащения и сортировки. Порода к завалочному люку машины подвозилась обычно на таратайках — тележках, перевозимых лошадьми.

«Американка» (она же — «проходнушка») — небольшой узкий шлюз, который делали не шире 12 вершков (приблизительно 0,5 м) дно которого вначале перегораживали поперечными порожками-плинтусами, между которы-

ми укладывалось сукно. Позднее на дно американки стали укладывать связанные из прутьев маты. Сверху по всей длине шлюз покрывали грохотом -деревянной доской с отверстиями. Пески, подаваемые на грохот, перемещались по нему под струей воды специальными гребками. Галька при этом собиралась вручную и выбрасывалась в отвал, а обогащенный песок через отверстия попадал на дно, где на плинтусах и сукне улавливалось золото.

Американки имели очень широкое распространение на приисках. Их устанавливали в хвостовых частях бочечных машин как дополнительный узел для улавливания золота.

Бутара устроена более сложно. Обычно бутары состояли из двух частей: головки, снабженной грохотом, и собственно шлюза. Для увеличения улавливаемости золота в головке устанавливали «обороты»: доски, расположенные под уклоном и тоже обычно покрываемые шинельным сукном. Чаще всего обходились одним оборотом, но иногда последовательно укладывались две или три доски, с уклоном в противоположном направлении.

На дно шлюза для улавливания золота устанавливали деревянные плинтусы или чугунные трафареты, под которые настилали все то же шинельное сукно или волосяные коврики.

Бутары различались по размеру. Большей частью это были «ручные» устройства, т. е. такие, которые загружались вручную. Иногда использовались и «конные», большие по размеру, бутары, пески для загрузки которых подвозились таратайками. Производительность конных бутар составляла 1,5-2 кубических сажени (15-20 куб. м) в день, причем непосредственно на промывке работало 3-4 человека .

В золотодобывающем деле Д. Е. Бенардаки терпел и неудачи, порой весьма крупные. К одной из таких неудач относится провал в добыче золота на башкирских землях Оренбургской губернии в 1859-60 гг. «Местности, окортомленныя отставным поручиком Бенардаки в Кубеляцкой волости, по контракту, заключенному в 1859 году, заключающие в себе два отдельных прииска, Спасский и Владимирский, разрабатывались только в течении лета

1860 года; ... будут ли они снова возобновлены ... неизвестно. Сколько удалось узнать из частных сведений, причиной остановки работ была не совсем удачная операция прошедшаго 1860 года, не окупившая расходов, на нее за-долженных.

На остановленных приисках устроены хорошия золотопромываленныя машины, находящиеся в бездействии и свидетельствующие о нерациональном ведении предприятия, ибо промысловое управление, не исследовав достаточно местности и не озаботившись предварительным запасом песков, устроило большие золотопромываленныя механизмы, установ которых был сопряжен с значительными издержками, а между тем не был обеспечен предва-

рительными разведочными работами»" [71] . Как видно, Бенардаки не озаботившись должной разведкой местности, понес большие расходы по транспортировке и установке золотопромывочных машин. Больше таких крупных промахов Бенардаки не допускал и с этого времени тщательная разведка полезных ископаемых становится одной из характерных черт его предпринимательской деятельности.

Помимо Сибири и дальнего Востока, Д. Е. Бенардаки направлял поисковые партии для поисков золотоносных площадей и в Среднюю Азию, однако, к промышленной добыче золота там не приступил — по всей видимости, вследствие скудности открытых участков.

Что же касается тщательной разведки местности, то к ней прибегала только незначительная часть золотопромышленников, принадлежавших к крупному сибирскому купечеству: томский купец Ф. Попов, екатеринбургский купец Ф. Машаров и вязниковский купец А. Толкачев, нерчинский купец Х. Кандинский и иркутские купцы К. Трапезников, П. Герасимов, П. Федченко[22].

Несмотря на то, что золотодобывающий бизнес служил источником накопления крупных капиталов, степень их устойчивости была даже меньшей, чем в других, менее прибыльных, отраслях промышленного производства. Многие из первых золотопромышленников, став в короткое время, благодаря

открытию богатых месторождений, обладателями крупных состояний, так и не смогли придать своему бизнесу прочное основание и, тем более, сделать его наследственным. Уже в 1850-1860-е гг. разорились томские золотопромышленники Ф. Горохов, Филимоновы, Сосулины, Поповы, красноярские Г. Машаров, И. Ларионов, В. Латкин, иркутские П. Федченко, А. Мыльников, нижиеудинский Н. Пономарев, селенгинские Кандинские. Пришли в расстройство дела и ряда золотопромышленников из уральских и европейских губерний — Красильникова, Голубкова и др.

Помимо истощения к середине XIX в. наиболее богатых из разведанных золотоносных месторождений, потребовавшего перехода к более трудоемкой и технологически сложной разработке пластов с меньшим содержанием золота, к банкротствам золотопромышленников вели также: а) порожденное стремлением закрепить за собой как можно большее количество золотоносных площадей, рискованное кредитование, на основе привлечения больших сумм кредитных средств под огромные проценты, доходившие до 10 в месяц; б) трудности с наймом и дороговизна рабочей силы; в) характерный для многих из зачинателей сибирской золотопромышленности расточительный образ жизни; г) отсутствие личного управления делами принадлежавших им компании со стороны многих золотопромышленников, передоверявшихся уполномоченным и управляющим, многие из которых действовали не столько в интересах хозяев, сколько в целях собственного обогащения и наживы[23].

Д. Е. Бенардаки, благодаря тому, что лично участвовал в управлении своими компаниями, располагал значительными денежными средствами, умело вкладывал капитал, не скупился на новейшую золотодобывающую технику, избежал практически всех упомянутых выше ошибок и сохранил свое весомое положение в этом виде бизнеса за своими наследниками.

Золотодобыча стала для Бенардаки еще одним выгодным средством вложения капитала, приносящим большой доход и окупающим вложенные деньги.

2.3. Горнозаводской комплекс в «бизнес-системе» Д. Е. Бенардаки

«Промышленность есть главная основа народнаго богатства»" - так начал Д. Е. Бенардаки свое прошение министру Государственных имуществ Михаилу Николаевичу Муравьеву о разрешении ему обустройства «заведений для приготовления мяса впрок и солонины; заводов кожевенных и для выварки сала; а также разных складских магазинов для оптовой торговли вышеупомянутыми предметами» в Самарской губернии. Это «несомненное убеждение» Д. Е. Бенардаки проходит через всю его предпринимательскую деятельность.

Как заводчика, Д. Е. Бенардаки характеризуют те же черты, что и в другой его предпринимательской деятельности — винных откупах и золото-промышленности — неудержимость, тяготение к техническим новшествам, широкий географический охват. Бенардаки просто не умел останавливаться на достигнутых рубежах - прекрасно понимая весь риск и затраты, связанные с горнозаводским делом, он начинает покупать заводы и не останавливается до тех пор, пока не становится одним из крупнейших горнозаводчиков России.

Первыми заводами Д. Е. Бенардаки стали башкирские Верхне- и Ниж-не-Троицкий и Усень-Ивановский медеплавильные заводы, расположенные в Белебеевском уезде Оренбургской губернии. Троицкий (Верхне-Троицкий) завод был построен Иваном Гавриловичем Осокиным, происходящим из крепостных крестьян Троицко-Сергиева монастыря, разбогатевших на хлебной торговле. Завод был пущен 2 февраля 1754 г., имел 4 плавильные печи, 2 гармахерских горна (для очистки и выжига расплавленной меди от примесей), один расковочный молот, производил 3-5 тыс. пудов меди в год. В 1757 г. заводы перешли по наследству Ивану Петровичу Осокину, который 13 сентября 1761 г. запустил в действие Нижне-Троицкий медеплавильный завод с 4 печами, 2 горнами и 4 молотами. В первый же год работы на нем выплавлено 3642 пуда, чистой меди. В том же году И. П. Осокин построил в верховьях реки Усень Усень-Ивановский завод, имевший 8 печей, и 1 молот. В январе 1837 г. эти заводы были проданы поручику Дмитрию Егоровичу Бе-

нардаки за 1,7 млн. руб. асе, через 10 лет после начала его предпринимательской деятельности[25].

Заводы состояли в залоге Государственного Заемного банка на остаточную сумму в 262 878 руб. Новый владелец обязался уплатить этот долг, который вошел в сумму покупки. По условиям купчей, утвержденной в 1838 г., он сразу выплачивал Осокину 937 122 руб., а остальные 500 тыс. руб. обязывался отдать через год без начисления процентов.

Но к 1838 г. Д. Е. Бенардаки сумел полностью выплатить лишь банковый долг. Чтобы выполнить условия сделки с Осокиным, ему пришлось тут же вновь заложить свои заводы. В июле он подал прошение и предоставил свидетельства на залог 1626 ревизских душ его Троицких заводов. Владелец рассчитывал получить за них 406 500 руб. асе. «на условиях 37-летних правил». 5 октября банк выдал в ссуду 325 200 руб. из расчета 200 руб. за рев. душу, а не* 250, как рассчитывал заводчик. Свое решение банк объяснил тем, что ни в одном из свидетельств не было указано, «все ли упомянутые души суть горнозаводские или часть их состоит на пашне». Доказав их принадлежность заводам, 20 октября 1839 г. Бенардаки добился дополнительного начисления к той же ссуде 81 280 руб. Тогда, по-видимому, он сумел расплатиться с Г. И. Осокиным за купленное имение[2] .

По доверенности от владельца управление Троицкими заводами принял отставной инженер-майор Ф. Ф. фон Квален, которому пришлось столкнуться с несколькими сложными проблемами. Одной из них был недостаток рабочих рук. От имени хозяина он подал в губернское правление прошение о покупке 255 рев. душ уничтоженного в 1836 г. Архангельского завода Красильниковых, «как необходимых для заводских работ». Однако эта покупка вызвала сомнение у Бенардаки, не изменится ли при этом статус его заводов, поскольку они считались владельческими, а крестьяне Красильниковых — посессионными. Уже в собственном прошении в Сенат он просил разъяснить, «на каком из двух прав» перейдут к нему купленные крестьяне и не приведет ли это к перечислению заводов в разряд посессионных. Е. Ф. Канкрин предполо-

жил, что такая покупка «не может изменить основных прав заводов». «Я полагаю, — отвечал он на запрос Сената в июне 1838 г., - что... крестьяне Архангельского завода в случае покупки их к заводам Бенардаки должны только оставаться неотделяемою принадлежностью сих заводов на праве посессионном, но самые заводы Бенардаки во всех прочих отношениях не теряют через то прежних прав своих». По-видимому, покупка эта была совершена и, как предполагал министр, не привела к изменению статуса заводов" .

Другой острой проблемой являлись бедные «песчаные» руды, для плавки которых требовалось большое количество печей. Ко времени покупки действовали 14 печей, выплавлявших до 10-11 тыс. пуд. меди в год. Однако с начала 1840-х гг. руды «совершенно прекратились, а печи сделались лишними». Бенардаки распорядился остановить четыре из них, расположенные на Нижне-троицком заводе. В декабре 1842 г. Горный совет Министерства финансов утвердил это решение заводчика на том основании, что ему предоставлено законом право распоряжаться своими заводами «во всем пространстве прав полной собственности». Следствием этого стало уменьшение выплавки в среднем до 8,7 тыс. пуд., которая сохранялась вплоть до конца крепостной эпохи .

Вероятно, общее понижение конъюнктуры медного рынка в середине XIX в. заставило Дмитрия Егоровича обратить свой взгляд на более доходные промышленное занятие - производство пудлингового железа.

Нижне-Троицкий медеплавильный завод прекратил существование 1 января 1842 г. и был позднее перепрофилирован в суконную фабрику («Ниж-не-Троицкая суконная фабрика»), датой основания которой считается 1852 г. Фабрика выпускала сукно шинельное, башлычное, шароварное, обувное, одеяльное. Предприниматель участвовал в поставках сукна в казну. По данным на 1859 г. на заводе действовало 13 аппаратов, а объемы поставок в Казанскую комиссариатскую комиссию составляли 12 550 аршин[29].

В 1866 г. Бенардаки продает Нижне-Троицкую суконную фабрику казне. Верхне-Троицкий и Усень-Ивановский заводы продолжали работать до середины 60-х годов XIX века, но в связи с высокой себестоимостью выплав-

ляемого металла (с отменой крепостного права за все работы приходилось платить наличными), были закрыты.

В 1857 г. Бенардаки вошел в число акционеров Главного общества Российских железных дорог, организованного правительством с целью создания в стране развитой железнодорожной сети. Скорее всего, именно в контексте этого перспективного проекта и следует рассматривать дальнейшие действия Дмитрия Егоровича, связанные с уральской металлургией.

Еще в 1856 г. он уполномочил своего поверенного губернского секретаря Ю. А. Волкова «заняться отысканием рудных и минеральных месторождений в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии... и всем нужным для устройства вновь чугуноплавильных и железоделательных заводов». Волков снарядил поисковую партию и открыл пять железорудных месторождений на реках Сойве и Бад-ел. По «приблизительным испытаниям» руды, содержавшей от 40 до 45 % металла, должно было хватить на долгие годы. В голове промышленника возник грандиозный замысел построить там целый комплекс металлургических предприятий с 10 доменными, 50 пудлинговыми и 28 сварочными печами, паровыми молотами и паровыми же цилиндрическими мехами, ориентированный на производство рельсов. Рабочих предполагалось нанимать «из окрестных крестьян».

11 февраля 1857 г. уполномоченный Бенардаки просил об отводе будущим заводам земель и лесов «для вечного их действия», исходя из того, что годовая выплавка железа должна составить миллион пудов «с употреблением растительного горючего материала в виде сырых или прожаренных дров или угля». Министр финансов и министр государственных имуществ, исходя из того, что новые заводы будут «полезны казне и благодетельны для окрестного населения, лишенного всякой возможности к заработкам в настоящее время», разрешили Вологодской палате отвести нужные заводам лесные площади[30].

Видимо, не без участия высокопоставленных соучредителей Главного общества железных дорог (в числе которых был сам император) подготовка грандиозного проекта Бенардаки продвигалась быстрыми темпами. Уже 22 фев-

раля Уральское Горное правление затребовало план будущих заводов, а 5 июля Вологодская палата государственных имуществ уведомила, что готова отвести 640 998 дес. земли с 506 250 дес. леса. Наконец 27 августа 1857 г. было получено разрешение строить заводы и пустить их в действие в течение пяти лет. Однако этому замыслу не суждено было осуществиться. В сентябре 1858 г. Волков извещал, что «предположение Бенардаки не оставлено совершенно... но только предположение о местности, на которой должны быть возведены постройки, изменилось». Более основательная разведка местности показала «скудное содержание найденных там рудных месторождений». 1 апреля 1859 г. Бенардаки известил Горный департамент о том, что «предположение его об устройстве в том крае горных заводов не состоялось».

В такой ситуации он обратил внимание на уже действовавшие в перспективном, на его взгляд, северном крае единственные Кирсинско-Кажимские заводы тульского купца А. И. Маликова. Эти предприятия находились тогда в довольно сложной финансовой ситуации по причине накопившихся долгов и состояли в казенном присмотре. Тем не менее, Кирсинско-Кажимские заводы выглядели вполне перспективными: к ним было отведено до 300 тыс. дес. земли и более 200 рудников. В свете предстоящей крестьянской реформы вовсе не казалось недостатком и отсутствие большого количества собственных крепостных (по 10-й ревизии их было всего 194 рев. д. при всех пяти заводах). При наличии достаточного капитала можно было поправить положение и поднять упавшую при Маликове до 70 тыс. пуд. годовую производительность заводов.

Не имея средств расплатиться с долгами, Маликов уже давно приискивал покупателя на свои приуральские заводы и нашел его в лице Бенардаки. 16 декабря 1857 г. сын купца Д. А. Маликов заключил в Москве «запродажную запись». Сумма, которую намеревался заплатить Бенардаки, составляла 700 тыс. руб. сер. 11 июля 1858 г. в Петербурге (где в собственном доме на Невском проспекте проживал отставной поручик) была совершена купчая крепость. К тому времени заводы уже полгода действовали «в усиленном виде на

капитал Бенардаки», а 20 сентября после передачи заводов главный начальник уральских заводов распорядился снять с них казенный присмотр[3] .

Квалифицированная часть рабочих на Нювчимском, Нючпасском и Кажимском чугуноплавильных и железоделательных заводах состояла из обученных заводскому делу крепостных крестьян Вятской и Великоустюжской провинций. После отмены крепостного права заводы перешли на использование вольнонаемной рабочей силы, что, однако, сочеталось с прежними методами эксплуатации, одним из которых являлась принудительная оплата труда работников продукцией завода или продуктами из заводской лавки.

На Кажимском заводе работали 2 печи и 1 молот, на Нючпасском — 3 горна, 3 молота и 1 печь. На Нювчимском заводе: 6 горнов, 6 молотов и 1 печь. Печи и горны действовали здесь посредством огня - через духовые трубы, а молоты - при помощи воды, припускаемой с прудов. На заводах ежегодно вырабатывалось чугуну до 100 000 пудов. Железо сплавлялось по рр. Сысоле и Вычегде в Устюг и другие города.

Кажимский железоделательный и литейный завод являлся единственным в Вологодской губернии железоделательным заводом, вырабатывающим железо и сталь из чугуна, доставляемого с Нючпасского и Нювчимского заводов. Завод работал на древесном топливе, а заводские механизмы приводились в движение водой р. Кажим, с помощью 7 водяных колес.

Нювчимский завод, помимо чугуна и железа, выпускал также и художественное литье: чугунные подсвечники, пепельницы, рамки для портретов, тарелки и блюда с рельефами и т. п.

Через год состоялась еще одна покупка: за 275 тыс. руб. Дмитрий Егорович приобрел у Н. Е. Тимашева два Авзяно-Петровских железных завода в Оренбургской губернии. Таким образом, в дополнение к Троицким заводам во владении отставного поручика оказались сразу два горнозаводских округа, один из которых располагался на Северном, другой - на Южном Урале. Д. Е. Бенардаки попытался провести модернизацию производства в обоих округах, направленную на замену устаревшего кричного способа выделки железа пудлингованием[32].

Верхне-Авзянопетровский чугуноплавильный и железоделательный и Нижне-Авзянопетровский железоделательный заводы, основанные столетием раньше графом П. Шуваловым на притоке р. Белой в Башкирии и, работавшие, как единый комплекс, к тому времени уже не раз меняли владельцев. От Шувалова они перешли к К. Матвееву, затем заводы купили Демидовы, которые в 1796 году продали их М. Губину. К этому времени, заводы находились в сложном положении, производство было убыточным. Рудная база позволяла получать 44 % чугуна, в то время как на лучших заводах, работающих на богатой руде, выход металла достигал 67 %. На 34-м месте из ста российских заводов авзянские домны были и по топливной эффективности. Тем не менее, завод ежегодно выплавлял до 90 тысяч пудов чугуна, на кричных фабриках выделывалось 54-57 тысяч пудов товарного железа. В собственности семьи Губиных предприятие работало до 1859 года, когда его приобрел Дмитрий Бенардаки. При нем работа заводов значительно оживилась. Ряд технических новшеств: установка на обоих заводах пудлинговых печей, прокатных станов, паровых машин и электропривода позволили довести в 1861 году выпуск чугуна до 190 тысяч пудов. В поселке были построены новая школа (сейчас - музыкальная школа), ряд управленческих и жилых зданий. Через восемь лет после его смерти, в 1878 году закончилось начатое при Бенардаки строительство здания Казанско-Богородской церкви, которое в наши дни занесено в списки исторических ценностей. В ту пору Авзяно-Петровские заводы по объемам и качеству продукции на равных конкурировали с Белорецкими[33].

На Кирсинско-Кажимских заводах новую технологию успели внедрить на одном Кирсинском заводе. Но кризис и начавшиеся в стране реформы не позволили Бенардаки осуществить все свои планы. По мнению управляющего Кирсинско-Кажимского округа Н. Е. Могула, это было связано «с затруднениями, встреченными в найме опытных рабочих и упадком цен на Нижегородской ярмарке на железо, выделанное кричным способом». Еще одним препятствием для дальнейшего развития заводов стала отмена винных откупов в 1862 г., в ре-

зультате чего Бенардаки понес крупные убытки и оказался должен казне «откупную сумму за содержание питейных сборов в Восточной Сибири» .

Заводские дела после этого расстроились до такой степени, что по решению Д. Е. Бенардаки 14 октября 1864 г. заводоуправление просило разрешения приостановить на три года действие Кажимского, Нючпасского и Нювчимского заводов. В январе 1865г. на них была прекращена выплавка чугуна, в октябре - выделка железа. 24 марта того же года Бенардаки предписал закрыть остававшиеся еще в действии Кирсинский и Песковский заводы. Несмотря на то, что владелец обещал обеспечить рабочих годовым запасом провианта (как требовалось в таком случае законом), Уральское Горное правление получило ходатайство от крестьян «о продолжении заводского действия». Возможно, поэтому судьба Кирсинских заводов была решена по-иному. 2 июля 1865 г. Комитет министров разрешил передать их казне «в уплату состоявшей на нем недоимки по откупам Восточной Сибири». 20 мая 1866 г. купчая крепость была совершена и два уже бывших завода Дмитрия Егоровича Бенардаки за условную сумму в 500 тыс. руб. сер. поступили в ведомство Министерства финансов .

Незадолго до этого, 20 декабря 1865 г., была совершена купчая крепость на земельные дачи Троицких заводов (111120 дес), а также приобретенные Бенардаки в 1858 и 1859 гг. имение Сычевка в Одесском уезде (9481 дес.) и хутор в Анапском уезде (3118 дес). Они поступили в ведомство Министерства государственных имуществ за 920582 руб., также зачтенных в счет долга бывшего откупщика. Когда 19 марта 1866 г. казна вступила во владение приобретенными землями и лесами, производство на остававшихся еще в собственности владельца заводах было остановлено. В сентябре 1868 г. на запрос Министерства финансов, будет ли он восстанавливать их работу, Дмитрий Егорович пообещал один из двух еще не разрушенных Троицких заводов («деревянный») сломать, а другой («каменный») оставить на прежнем месте и находившиеся под ним земли приобрести в собственность. Осуществить этот план помешала смерть предпринимателя, последовавшая в 1870 г.

Действие вологодских заводов Бенардаки также не было возобновлено в положенный срок. В апреле 1868 г. исправник Кажимских заводов доносил, что ни от заводоуправления, ни от владельца «не получал никаких распоряжений о принятии мер к восстановлению заводского действия». В апреле 1870 г. от Бенардаки все-таки поступило прошение об отсрочке возобновления заводов еще на год. Но ответа на ходатайство Дмитрий Егорович, скорее всего, не дождался: в том году он скончался, оставив своими наследниками трех сыновей — статского советника в должности церемониймейстера Николая, коллежского асессора Леонида и губернского секретаря Константина. Доставшееся им после отца наследство (действующие Авзяно-Петровские и недействующие Кажимские и Троицкие заводы), обремененное к тому же так полностью и не выплаченными долгами по винному откупу, в 1875 г, было взято в опекунское управление и в дальнейшем уничтожено или распродано по частям с публичных торгов[36].

В 1843 году Бенардаки становится совладельцем завода Берда в Петербурге. Предприятие Френсиса Берда, занимающее тогда одно из ведущих мест в металлургии и машиностроении, испытывало финансовые затруднения. Бенардаки стал его совладельцем (возможно, именно для того, чтобы стать совладельцем этого завода он и купил Гутуевский остров, на котором стоял завод Берда). Налаживание на заводе чугунного, литейного производств, серийного изготовления паровых машин и пароходов Бенардаки поручил в 1844 году инженеру А. Узатису. Завод Берда в 1881 году внук основателя продал акционерному обществу Франко-русских заводов.

В границах Замосковного горного округа на посессионном праве Бенардаки становится владельцем Песоченского завода в Перемышльском уезде Калужской губернии, а также Серенского в Козельском уезде той же губернии.

Металлургические предприятия Бенардаки рассматривает как средство выгодного вложения капитала. По всей видимости, Дмитрий Егорович Бенардаки хотел стать одним из «железных королей» России, вровень с такими известными горнозаводчиками, как Демидовы, Баташевы, Шепелевы, Маль-

цовы. Он не останавливается только на покупке уже действующих горных заводов и планирует строить новые заводы с нуля. Еще одним подтверждением таковых его стремлений становится ходатайство о разрешении добычи железной руды и каменного угля в Касимовском уезде Рязанской губернии для предполагаемого открытия им железоделательного завода, поданной в Министерство государственных Имуществ в 1860 г.

Демонстрируя прекрасное знание проблем металлургической промышленности, вставших перед Россией в середине XIX века, Д. Е. Бенардаки писал: «Высокие цены на железо в России, с одной стороны показывают на недостаточность его производства, а с другой, обременяют излишними расходами все вообще промышленности, употребляющие железо; даже и бедный земледелец и тот, вероятно, платит лишнюю полтину в год на удовлетворение своей потребности в железе, что в общей Государственной экономии составляет предмет важный...

Высокие цены на железо проистекают преимущественно от отдаленного положения наших наиболее производительных заводов — Хребта Ураль-скаго, от медленности оборота денежных капиталов, задолжаемых на железное производство, что заставляет многих заводчиков продавать свой товар оптом и даже вперед на сроки, а это обстоятельство породило между производителями и потребителями железа посредничество крупных железных торговцев, которые силою обстоятельств сделались почти монополистами, и для увеличения своих барышей, могли произвольно возвышать цены на железо, в ущерб миллионов потребителей,

Уменьшение цены на железо, понижение тарифа, не достигнет своей цели... потому, что иностранное, дешевое железо, как это уже показал опыт, не удовлетворяет, своим качеством потребителей; а совершенное уничтожение привозной пошлины на железо, наводнит Россию хорошими сортами иностранного железа и тогда совершенно убьет русское железное производство - это основание народной промышленности и даже материальной силы

Государства. И что тогда будет с торговым балансом и переводным курсом, которые и без того очень плохи?

Я полагаю, что самое полезное и радикальное средство понижения цен на железо, есть возбуждение и поощрение промышленных людей мерами Правительства, к развитию железнаго производства в Центральной России, с возможно-расчетливым употреблением на это производство леснаго горюча-го материала» [7].

В своем прошении, Бенардаки просил предоставить ему «исключительное право на 50 лет отыскивать и добывать железные руды и каменный уголь в Рязанской Губернии, Касимовскаго уезда, Нармушацкой волости в землях села Ветина и деревнями: Ждановой, Ананьиной, Давыдовой, Эйкси и Эрденевой, то есть в такой местности, в которой по настоящее время не были заявлены и добываемы». Для обработки открытых руд, Бенардаки планировал устроить и пустить в действие чугуноплавильный завод, гарантируя, что если в течении первых пяти лет на этом предприятии не будет добыто и отправлено на обработку 300 тысяч пудов руды, то он будет лишен всяких прав на добычу руды в указанном районе. Бенардаки был готов заплатить по пятьдесят рублей за десятину земли, на которой должны будут проходить горные работы, и сто рублей за десятину земли в месте, удобном для обустройства завода .

Д. Е. Бенардаки перед подачей прошения, «поручил опытному технику исследование в геогностическом отношении некоторой части Рязанской Губернии и он открыл хорошия железныя руды; и довольно верныя признаки нахождения там каменнаго угля». Прошение Бенардаки было отклонено, поскольку «исключительное право на добывание минералов одному ему не может быть допущено, как стесняющее частную промышленность».

Одним из слабоизученных аспектов горнозаводской деятельности Д. Д. Бенардаки является его деятельность в отраслях, порой не связанных с основным производством, но формирующих довольно обширные заводские комплексы и играющих важную роль в их структуре. Заводское хозяйство Бенардаки

включало в себя стекольное, металлургическое, машиностроительное, кожевенное, и некоторые другие производства.

В Жиздринском уезде Калужской губернии между с. Огор и д. Слобода Бенардаки имел стеклянный завод с 75 рабочими и с производством в 1 710 руб.[39], в с. Огорки — парусно-полотняную фабрику в 32 стана с 250 рабочими и производимой продукцией на сумму 9 708 руб. ° Кроме того, в Калужском уезде действует его гвоздильная фабрика (в 1856 г. при 390 рабочих там было произведено продукции на сумму 28 440 руб.)[41]

Еще один завод Бенардаки подробно описывает «Промышленная хроника» В. И. Татаринова: «Завод — лесопильный Поручика Бенардаки, в с.петербургском уезде, за Малою Охтою, на берегу р. Охты. Здание завода деревянное, длиною 15, шириною 8, вышиною 3 *Уг* сажени на каменных столбах и каменная пристройка для помещения паровой машины. Бревна, лежащия на берегу, скатываются в канаву перед самым заводом, где постоянно держится теплая вода от паровой машины; отсюда дерево, назначенное к распилке, втаскивается, посредством цепи, действующей с помощию осо-баго механизма, во второй этаж, для чего сделаны от канавы в заводе отлогие подъемные помосты. За тем дерево вкладывается в пильную раму и режется в доски требуемой ширины. Пильных рам три, в них 39 пил, но во время действия количество их может уменьшаться, смотря по толщине досок. Для приведения пил в движение устроены сложные механизмы в нижнем и верхнем этажах, приводимые в действие паровою машинное высокаго давления в 25 сил. После завода четыре навеса для складки досок. Рабочих 70 человек, помещающихся в трех отдельных домах. Очень остроумно придумано отопление: оно производится получаемыми при действии завода опилками, и т.о. не только ничего не стоит, но еще и служит к очищению завода»[42].

В 1862 году на С. Петербургской выставке мануфактурных произведений отставной поручик Дмитрий Бенардаки был удостоен публичной похвалы за представленные кожи: «Новоустроенный Гутуевский кожевенный завод Бенардаки доставил на выставку образцы отличнаго кожевеннаго товара,

машинных ремней, пожарных рукавов, кожаных ведер и т.п. На сей раз положено этому заводу, на котором вводятся в большом масштабе улучшенные способы производства, объявить публичную похвалу». Стоит отметить, что кожевенный завод Бенардаки, на Гутуевском острове, существовал всего два года (с 1860 г.) и «не приведен еще к окончанию. На заводе имеется паровая машина в 10 сил. Рабочих предполагается иметь 100 человек и выделывать ежегодно по 20 т. тяжелых и легких кож»[43].

В 1866 году на выставку мануфактурных изделий, Д. Е. Бенардаки представляет продукцию своего стекольного завода, расположенного вблизи Выборга и получает «малую серебряную медаль за хорошия оконныя стекла». Журнал «Промышленность» констатирует: «Стеклянный завод его находящийся близ Выборга, представил стекла двойные, легерные, полуторныя и бемския, в состав коих входит поташ и сода. Стекло очень глянцевитое, хотя и с приятною зеленью, однако по цвету далеко уступает стеклам завода Рад-цига. Эта зелень может легко происходить от песка, который употребляется при варке стекла, и не составляет недостатка. Стекло много бы улучшилось при усовершенствованной правке. Заводом г. Бенардаки управляет инженер-технолог Серебрянников. Изделий приготовляется в год на сумму 35 т. руб. Сбыт их производится в Финляндии, С.-Петербурге и Москве»[44].

Вместе с Василием Александровичем Кокоревым, Бенардаки являлся учредителем акционерной компании «Общество для приготовления продовольственных и разных животных продуктов, а также торговли ими», основанной в 1857 г. Уставный капитал общества составил 1 500 000 руб. Под его началом в Ростове-на-Дону была устроена скотобойня, салотопенный и кожевенный, позднее и стеариновый завод[45].

Мотивация предпринимательской деятельности Бенардаки в тех или иных отраслях производства могла быть самой различной. Во-первых, для него это была возможность на практике применить производимые на его же машиностроительном предприятии машины и оборудование. Например, в 1853 году на Сормовской машинной фабрике нижегородский механик Кор-

саков «освидетельствовал и произвел пробу четырех паровиков, назначенных на фабрики Г. Бенардаки»[46].

Во-вторых, Бенардаки организовывал многоотраслевое производство для того, чтобы использовать имеющиеся у него резервы рабочей силы. Например, к посессионным металлургическим предприятиям порой было прикреплено столь большое число рабочих, что всех их обеспечить работой не представлялось возможным. Поэтому внутри промышленного комплекса происходило своего рода межотраслевое перераспределение труда.

В-третьих, предпринимательскую деятельность в столь отдаленных от металлургии отраслях можно расценивать, как средство обеспечения нужд порой довольно многочисленного населения горнозаводских хозяйств, представлявшего, хотя и локальный, но довольно стабильный рынок сбыта производимой продукции.

В-четвертых, предпринимательскую деятельность в разных отраслях Д. Е. Бенардаки мог расценивать, как возможность получения максимально возможной прибыли и максимального обогащения. Кроме того, по сравнению с металлургической промышленностью другие отрасли были менее регламентированы и не столь явно контролировались государством, что давало дополнительные возможности производственно-финансовых маневров, часто неосуществимых в металлургии.

В целом, оценивая горнозаводскую деятельность Дмитрия Егоровича Бенардаки, стоит отметить то, что она не была настолько провальной, как это может показаться. С 50-х годов XIX века она является определяющей в его предпринимательской деятельности. Если в 1857 году, по данным Санкт-Петербургской таможни, стоимость привезенного Бенардаки товара оценивалась в 58 850 рублей, а вывезенного — в 42 525 рублей[47], то один лишь чугунолитейный Песоченский (Митинский) завод Бенардаки (число домен - 1, рабочих - 500 чел.), в 1856 г. произвел продукции на сумму 44286 руб[48]. В 1869 году на Нижегородскую ярмарку с заводов Бенардаки поступило в продажу 150 000 пудов железа[49].

Проблемы, с которыми столкнулся Бенардаки, были в первую очередь связаны с общим тяжелым положением горнозаводской промышленности России в первой половине XIX века. Малоемкий внутренний рынок, медленный торговый оборот, большие процентные ставки в финансовых операциях, отсутствие хороших путей сообщения - вот лишь немногие причины кризисного положения отрасли. Д. Е. Бенардаки пытался преодолеть трудности, как расширением металлургической базы путем постройки новых горных заводов, так и в совершенствовании технической базы производства. Заводы, приобретенные Бенардаки, достались ему уже в тяжелом состоянии, и он сделал все, чтобы улучшить положении своих предприятий, в том числе провел такую дорогостоящую операцию, как полное перепрофилирование завода.

Кроме того, необходимо отдать должное Бенардаки — он не остановился только лишь на горнозаводской деятельности, но организовал крупное многоотраслевое хозяйство, весьма эффективно работающее.

2.4. Сормовский пароходе- и машиностроительный завод.

Среди прочих заводов Дмитрия Егоровича Бенардаки, Сормовский пароходе- и машиностроительный завод стоит особняком. Его с полным основанием можно назвать «жемчужиной» промышленной империи Бенардаки — как по его техническому оснащению, так и по тому вниманию, которое оказывал заводу его создатель и владелец.

Появление Сормовского завода не случайно и тесно связано, как с изменениями в экономическом развитии России в первой половине XIX века, так и с личностью самого Д. Е. Бенардаки.

В условиях общего экономического развития России, в первой половине XIX века, крепостное хозяйство в стране стало приходить в упадок. В недрах слабевших крепостнических отношений развивался капиталистический строй. В промышленности второй четверти XIX века стал больше применяться вольнонаемный труд. В 30-50-х годах XIX века русская промышлен-

ность вступила в полосу технической революции, которая коснулась также сухопутного и водного транспорта. В России стали строиться первые железные дороги. На реках страны получали все большее и большее распространение паровые суда (на Волге они впервые появились в 1817 году). Все это вызывало усиленный спрос на новые транспортные средства, создавало благоприятные условия для развития промышленных предприятий, обслуживающих транспорт.

Д. Е. Бенардаки к моменту основания Сормовского завода уже имел опыт пароходостроения — в начале 40-х годов XIX века вслед за купцом и винным откупщиком Н. Ф. Мясниковым, Бенардаки построил на озере Байкал два парохода («Бенардаки» и «Граф Муравьев-Амурский»). Кроме того, Бенардаки являлся совладельцем завода Берда в Петербурге — одного из немногих предприятий, строивших паровые речные суда. Как предпринимателя, Бенардаки не могло устраивать то положение, в котором находился волжский речной транспорт. Вплоть до 40-х годов волжские просторы не видели регулярного пароходного сообщения. В те времена речной грузовой транспорт представляли беляны, расшивы, мокшаны, коломенки, барки, полубарки, шитики, дощаники и множество иных разновидностей судов, использующих немеханическую тягу. Все они приводились в движение парусами и бурлаками, а до 200 судов - лошадьми. В пароходостроительном деле Бенардаки видел, как и выгодное средство для вложения капиталов, так и ту сферу, которая могла бы возвысить его над остальными промышленниками. Подстегивали и конкуренты. С 1843 по 1861 г. г. в Нижнем Новгороде было основано 16 пароходных товариществ и обществ[50].

Инициативу по организации промышленного производства паровых судов в Волжском бассейне взяла на себя созданная 8 марта 1849 года в Петербурге компания «Нижегородской машинной фабрики и Волжского буксирного и завозного пароходства». Она же была и основательницей Сормовского завода. Директорами главного правления стали: тайный советник князь
Л. В. Кочубей, флигель-адьютант свиты его императорского величества, полно

ковник, князь В. А. Меньшиков, а третье кресло осталось за миллионером гвардии поручиком Д. Е. Бенардаки.

Стоит подробнее остановиться на учредителях данной компании. И Кочубей и Меньшиков происходили из известных дворянских родов, были близки к верхам Российской империи. Граф Лев Викторович Кочубей (1810-1890 гг.), был одним из сыновей Виктора Павловича Кочубея (1768-1834 гг.), сенатора, члена Государственного совета, министра внутренних дел, с 1827 г. - председателя Государственного совета и Комитета министров.

Генерал-адъютант Владимир Александрович Меньшиков (1815-1893 гг.), был сыном Александра Сергеевича Меньшикова (1787-1869 гг.) фаворита императора Николая I, члена Государственного Совета, начальника главного Морского штаба, в Крымскую войну - главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму. Если предположить, что инициатива в организации компании принадлежала Бенардаки, то в плане подбора компаньонов он старался заранее обеспечить признание и известность зарождающемуся предприятию со стороны государства.

«Выказывая свое патриотическое стремление к развитию механического искусства и промышленности внутри России», участники компании «Нижегородской машинной фабрики и Волжского буксирного и завозного пароходства» на первом же учредительном собрании постановили, что будут перевозить товары и пассажиров по судоходным путям Волжского бассейна на пароходах и баржах собственного производства. В этих целях компаньоны решили построить в окрестностях Нижнего Новгорода судостроительное предприятие.

Нижний Новгород представлял наиболее удачное место для постройки завода по целому ряду причин, из которых определяющими были:

1. непосредственное расположение в бассейне реки Волги, для которого и предназначалось строительство пароходов;
2. наличие кадров нижегородских, балахнинских и городецких судостроителей;

3. близость Нижегородской ярмарки, способной обеспечить практически всеми вспомогательными товарами, необходимыми для постройки пароходов;

4. наличие в Нижнем Новгороде канатных, парусно-полотняных, и других предприятий;

5. легкость получения неограниченного количества лесных материалов с реки Чижи[51];

Для строительства завода в районе Нижнего Новгорода была выделена огромная сумма по тому времени — 500 тысяч рублей серебром. Для выбора места строительства завода и его заведывания был избран отставной майор, воспитанник института корпуса горных инженеров - Алексей Иванович Узатис, впоследствии ставший зятем Д. Е. Бенардаки. По поручению компании он подыскал место между деревнями Соромово и Мышьяковка. Владелица земли, действительная статская советница Крюкова продала свои одиннадцать с половиной десятин волжского берега за 6 тысяч рублей серебром. В купчей сказано, что компания приобрела у Крюковой землю: «начиная от межи государственных крестьян Козинской волости, деревни Соромовой вниз по течению реки Волги, вдоль правого ее берега». Эту важную торговую сделку Балахнинский уездный суд утвердил 21 июля 1849 года. Этот день считается днем рождения Сормовского завода.

Вначале завод занимал всего две десятины земли с пятью деревянными и пятью каменными корпусами. В первоначальном виде Сормовский завод состоял из токарного и слесарного отделений, чугунолитейной с кузницей, котельной мастерской и верфи для сборки судов. В донесении балахнинского земского исправника за 1850 год об этом предприятии сказано: «Машинная фабрика устроена в течение лета и осени 1849 года по проекту отставного майора Алексея Ивановича Узатиса и расположена в трех зданиях. Главное (среднее) - двухэтажное, нижний этаж каменный, верхний - деревянный, на 25 сажен. В одном из боковых зданий помещается котельное, а в другом — литейное и кузнечное заведения. Еще особо — пять жилых флигелей и запасные сараи»[52].

Осенью того лее года в цехах и мастерских было установлено выписанное, преимущественно из Бельгии, оборудование. Монтажные работы выполнялись под руководством бельгийского инженера. Первоначально на Сормовском заводе имелось 18 токарных, строгальных, сверлильных и точильных станков. В кузнечном отделении установили паровой молот легкого веса и большие мехи с приводом для поддувания воздуха к 20 печам и горнам. Работу станков и механизмов обеспечивали две стационарные паровые машины мощностью 5 и 25 лошадиных сил.

Еще до завершения постройки фабричных корпусов, на временных стапелях началась работа по постройке пароходных корпусов. С ноября 1849 года шаг за шагом развертывалась производственная деятельность и внутрицеховых помещений. Нижегородская машинная фабрика в то время была единственным предприятием во всем Волжско-Камском бассейне, которая приступила к производству пароходов.

В мае 1850 г. был спущен на воду первый пароход, построенный сормовскими корабелами. Он имел символическое название «Ласточка». Это было небольшое колесное судно с деревянным корпусом и двигателем мощностью 25 лошадиных сил. Первенец завода был пароходом-«забежкой» — забегал вперед и бросал якорь идущего против течения грузового судна. Канат, привязанный к якорю, наматывался на специальный ворот (кабестан), который вращали люди или лошади (на коноводках) или паровые машины. Такое судно, называвшееся кабестаном, подтягивалось к якорю, и медленно двигалось вверх по реке.

Вторым судном, построенным на Сормовском заводе был двухтрубный кабестан «Астрахань» с мощностью машины в 60 лошадиных сил.

Эти два судна и открыли первую в России навигацию от Нижнего Новгорода до Астрахани летом 1850 года. Всего было построено тогда 11 кабестанов, «забежек» и буксиров с деревянными корпусами, с общей мощностью машин в 448 лошадиных сил[53].

Паровые машины, устанавливаемые на заводе и строящихся пароходах, отличались большой надежностью - на испытаниях двух паровиков «одного для паровой машины, поставленной на фабрике для действия сверлильных, стругальных, точильных и других машин», второго — для парохода «Ласточка», «оба выдержали давление в 12 атмосфер, то есть тройное против того, при котором они назначены действовать».

Первые пароходы, построенные на Сормовском заводе, «Заря» (60 л.с.) и «Стрела» (60 л.с), были собраны в 1851 г. из частей, привезенных из Бельгии. В этом же году были спущены на воду еще 2 буксирных парохода, «Звезда» (60 л.с.) и «Комета» (120 л.с), а также кабестан «Камышин» (24 л.с). Первый пароход «Орел» с металлическим корпусом в Сормове заложили 8 сентября 1851 года, а 30 апреля 1852 года его спустили на воду. В июне «Орел» совершил пробный рейс из Нижнего Новгорода в Рыбинск.

За 1852 год сормовские судостроители спустили на воду еще 9 паровых судов, из них 4 железных. Если первые пароходы оставались собственностью компании Нижегородской машинной фабрики и Волжского буксирного и заводного пароходства, то с ростом производства значительная доля продукции пошла заказчикам. Угличскому купцу К. Журавлеву передали два кабестана и две «забежки». Кавказский наместник М. С. Воронцов получил из Сормова железный пароход «Кура» и к нему две железные баржи.

Заказчики не сетовали на качество сормовской продукции. Штурман Маркиан Иванов, доверенное лицо князя Воронцова, принимая суда, отмечал, что «пароход в 60 сил и две железные баржи по освидетельствованию оказались как размерами, так и устройством противу условия совершенно согласными, равно машина в действии по сделанной пробе вполне удовлетворительна»[54].

Пароходы на Сормовском заводе строились русскими мастерами и из русских материалов. «Железо здесь получается с Урала, с демидовских заводов, лес - из Костромской губернии, с реки Унжи, снасти — с фабрик, находящихся в Нижнем Новгороде и Муроме». Чугун, медь, олово, свинец, инст-

рументы, пенька, пакля, масла, краски и другие материалы приобретались на соседней Нижегородской ярмарке. Дрова и угли древесные поставляли преимущественно жители заволжских деревень. Все металлические части, начиная от гайки, вырабатывались тоже па месте. Только трубки для котлов выписывались из Англии.

Выдерживая и охраняя курс на независимость, владельцы машинной фабрики не хотели ни в чем отставать от века, от внедрения в производство новинок техники. Предметом особой заботы было устройство более современной судостроительной верфи, располагавшейся в полуверсте от фабричных зданий, на правом берегу Волги. В 1851 году там построили два деревянных крытых эллинга. Длина одного из них равнялась 30, другого - 25 саженям. В них предполагалось строить только железные суда, деревянные по-прежнему должны были собираться под открытым небом. За 1853 год верфь пополнилась новыми эллингами. Расширилась и площадка сухого дока с приспособлениями для вытаскивания судов на берег. На территории верфи имелись и подсобные службы: склады, кузницы, чертежная с плацем. Со стороны Волги затон и верфь защищались песчаной косой, на которой впоследствии возвели деревянную дамбу и ледорезы для охраны построек от разрушения половодьем.

В середине 50-х годов на Сормовском заводе появилось более совершенное оборудование. Увеличилось количество станков, и возросла мощность двигателей. Теперь завод имел 39 станков, приводимых в движение машинами, 60 ручных тисков и верстаков, 35 печей и разных кузнечных горнов, три паровых котла и две паровые машины мощностью 12 и 25 лошадиных сил.

Такое оснащение в сочетании с мастерством рабочих, которые освоили технику, позволяло совершить новый шаг в развитии судостроения. За 1854-1855 годы с верфи Сормова было отправлено 17 готовых *к* плаванию судов. Это были буксиры, кабестанные пароходы и «забежки». Железные буксиры «Волна» и «Дельфин» имели двигатели мощностью 120 сил. Создание таких

судов считалось большим достижением в отечественном пароходостроении. По прочности и отделке сормовские суда, по заключению специалистов, могли соперничать с иностранными.

Всего до конца 1854 года сормовичи выстроили 34 парохода, почти треть из которых была с железными корпусами[3] .

В 1854 г. Дмитрий Егорович Бенардаки предложил преобразовать паевое товарищество в акционерное общество. Так как продажа акций сулила новые, дополнительные доходы, пайщики с этим предложением согласились. 7 мая 1854 года прежняя компания Нижегородской машинной фабрики и Волжского буксирного и завозного пароходства стала именоваться Камско-Волжским акционерным пароходным обществом. Капитал этого общества превышал 800 тысяч рублей[56].

В 1853-1856 годах Сормовский завод поручил крупный государственный заказ на производство военно-морских судов для Каспийской флотилии. Подобный заказ благоприятно отразился на развитии завода. Сормовский завод получил большие заказы на строительство девяти колесных пароходов типа «Кура» по 240 л. с. и типа «Секира» по 320 л. с. , а также на четыре впервые изготовленные на заводе винтовые военно-транспортные шхуны по 320 л. с. типа «Курд», вооруженные 4-фунтовыми орудиями.

Кроме того, в эти же годы из Сормова для вновь организующегося Астраханского порта было отправлено станочное оборудование и несколько пароходных и стационарных паровых машин.

Выполняя военные заказы, сормовские судостроители не останавливали работу и по другим контрактам: строили речные пароходы и баржи, клепали котлы, собирали станки, производили ремонт судов, принадлежавших как отдельным владельцам, так и пароходным объединениям.

Нижегородский губернатор, высказывая общее мнение знатоков пароходного дела о растущей популярности Сормовской машинной фабрики, в одном из своих отчетов писал: «Несмотря на столь короткое время своего действия, она успела получить в производстве своем огромные размеры и из-

вестность... Ее пароходы в легкости, прочности и ходкости мало уступают пароходам с бельгийскими машинами».

Завоевав первенство в создании отечественного парового флота на такой важнейшей водной магистрали, как Волга, судостроители Сормова добивались приоритета и в изготовлении иного рода машин и оборудования. В 1858 году здесь была построена первая на Волге паровая землечерпательная машина.

Значительно увеличились масштабы производства в результате налаживания изготовления собственных комплектующих, хотя полной независимости от ввоза некоторых иностранных деталей достичь не удалось. До 1861 г. завод выпустил 60 паровых судов общей мощностью до 32 тыс. инд. сил, а его обороты превышали 300 000 руб. сер. в год .

«Промышленная хроника» за 1858 год отмечает: — «В Нижегородской губернии котлы и пароходы строились преимущественно на Сормовском заводе, принадлежащем компании Камско-Волжскаго пароходства, - именно котлы и машины для пароходов военных железных, назначенных для плавания по Каспийскому морю - «Бурлака» в 30 сил, и «Астрахани» в 160 сил, и

со

буксирнаго парохода «Случайный»» .

О характере продукции Сормовской машинной фабрики можно составить представление из следующей таблицы:

Таблица 2.

Ведомость Нижегородской машинной фабрики Камско-Волжского пароходного общества за 1856 г.*.

Наименование изделий	Количество изделий	Цена изделия
Для астраханского порта по заказу Морского министерства: паровые машины	3	23900
станки и оборудование	37	29878

1.	2.	3.
пароход Астора в 60 л. с.	1	42104
пароход Бурлак в 30 л. с.	1	17000
я графини Строгановой: паровая машина в 25 л. с.	1	9427
Для Г. Шереметова: паровая машина в 2 л. с.	1	750
Для Купца Плангунова: цилиндр бумаго-прядильный	1	675
Для Г. Бенардаки: лесопильная машина в 25 сил	1	14000
Починка вещей разным лицам	—	12676
Изготовление деталей и вспомогательных устройств	6	45840
ИТОГО	52	196416

* РГИА, ф. 383, оп. 22, 1866 г., д. № 3613, л. 1.

Хотя производство пароходов было профилирующим, на Сормовском заводе выпускались и другие виды продукции. По данным 1859 года в ассортименте продукции мы видим паровые машины низкого, среднего и высокого давления (преимущественно для собираемых здесь же пароходов), металлообрабатывающие станки различных типов: «сверлильные, долбильные, строгальные, резальные и винторезные» и др. Всего же в этом году было выпущено продукции на сумму 316500 руб.[59]

Успех предприятия во многом был обеспечен деятельностью технического и управленческого персонала, осуществлявшего грамотное руководство производственной частью. В начальный период, из-за отсутствия соб-

ственных специалистов-судостроителей, были приглашены бельгийские мастера: по корпусам — Арно, по механизмам - Кадо. В 1861 г. техническое руководство заводом возглавил инженер А. Г. Некрасов. Его помощниками были механик Ф. С. Беляев и французский инженер Жорисон.

Управляющим заводом и пароходством был А. И. Узатис, внесший неоценимый вклад в становление и развитие дела. С именем директора Узатиса связаны все основные совершенствования элементов Сормовских пароходов. Это и улучшение формы и обводов корпуса с одновременным уменьшением его массы и усилением прочности; изготовление металлических корпусов; повышение коэффициента полезного действия движителей за счет применения гребных колес с поворотными плицами; повышении давления пара в котлах за счет улучшения конструкции; улучшение конструкций паровых машин[60].

Успехам способствовали известный в России инженер М. М. Окунев, автор судостроительной энциклопедии «Теория и практика кораблестроения», являвшийся консультантом Сормовского завода. Его сын Константин в начале 1870-х гг. некоторое время был директором предприятия.

В целом, технической стороне дела на заводе уделялось большое внимание, благодаря чему его можно было отнести к числу передовых в отрасли. В середине 50-х годов XIX века Сормовский завод завоевывает первенство в создании отечественного парового флота. Уже в 1856 году до 45% всех отечественных пароходов Волжско-Камского бассейна составили суда сормовского производства. Никакой другой завод страны того периода не мог тягаться с ним по выпуску речных пароходов. Даже такой серьезный конкурент, как Шепелевские предприятия (а точнее, Сноведский завод), где тоже строились суда, в том числе и для Волги, по количеству и по качеству продукции уступал Сормовскому заводу.

На протяжении ряда лет Сормовский завод пользовался в основном металлом с Урала. Но привозной металл не всегда соответствовал требованиям судостроения. На заграничные поставки металла рассчитывать было тоже рискованно. Встал вопрос о создании в Сормове собственной металлургической базы.

Весной 1857 года Камско-Волжское пароходное общество решило строить невдалеке от машинной фабрики железопеределочный цех. К осени одноэтажное здание цеха удалось возвести полностью. Оборудование для него тоже было подготовлено на месте. Оно состояло из паровой 100-сильной машины, трех паровых котлов и парового молота в 3 тонны. Кроме того, в помещении цеха установили прокатные станы с вальцами, паровой пресс, механические ножницы и прочие приспособления, необходимые для прокатки и калибровки металла. В начале 1858 года железопеределочный цех вступил в строй. Он предназначался для приготовления котельного и корабельного железа.

Пуск железопеределочного цеха способствовал увеличению потенциальных возможностей завода. Теперь прямо в Сормове из сырых материалов по мере надобности могли вырабатываться различные профили и сорта железа и стали. С помощью этого цеха владельцы предприятия надеялись вообще создать надежный опорный пункт в развитии производительности предприятия и, конечно, ожидали прилива новых доходов. Однако, планам скорейшего развития завода был нанесен серьезный удар. Еще в 1857 году разразился уже не первый по счету экономический кризис. Он не миновал на этот раз и Россию. Здесь кризис особенно остро проявился как в промышленности, так и в денежно-кредитной сфере.

В стране сократилось промышленное производство, на 11 % уменьшился объем внешней торговли (в первую очередь экспорт), острый кризис переживала биржа.

Кризис также серьезно отразился и на платежеспособности Сормовской фабрики. Кредиторы требовали денег, а их недоставало. Пришлось прибегнуть к распродаже значительной части имущества. 3 февраля I860 года «директоры... общества Камско-Волжского пароходства... на основании общего собрания... продали одному из числа акционеров упомянутого общества, отставному поручику Дмитрию Егоровичу Бенардаки. собственную общества Камско-Волжского пароходства машинную фабрику с принадлежащею к ней судостроительной верфью и железопеределочным цехом». Скупив

все акции «Нижегородской машинной фабрики и Волжско-Камского буксирного и завозного пароходства», Д. Е. Бенардаки стал единоличным хозяином предприятия .

Бенардаки прекрасно распорядился своей покупкой, начав усиленную модернизацию и реорганизацию предприятия. Фабрика была преобразована в мощный завод. На месте ремонтных мастерских были построены новые корпуса, а так же сухой док. Благодаря высокому качеству продукции пароходы были признаны одними из лучших в России, и прежде всего по устройству корпусов.

В первый же год нового хозяйствования в механической мастерской завода появились новая мощная паровая машина и несколько токарных станков. В железопеределочном цехе были установлены подъемный кран, две газовые сварочные печи, вентиляторная машина и прочие механизмы.

Примерно через год после перехода предприятия в руки Бенардаки в России было отменено крепостное право. Отмена крепостного права создала более благоприятные условия для дальнейшего роста капиталистической промышленности и, в частности, Сормовского завода. Однако положительное влияние реформы 1861 года проявилось не сразу. Вступление России на путь «свободного» буржуазного развития, особенно в первом пореформенном десятилетии, происходило довольно робко, с грузом оставшихся феодальных пут. Эти причины оказывали действие и на волжское судоходство. В начале 60-х годов XIX века почти на 28% сократилась выплавка чугуна на Урале. В тяжелом состоянии находилась хлопчатобумажная промышленность. В Поволжье часто наблюдались неурожаи. Все это, вместе взятое, повлияло и на развитие судоходства, ибо не хватало грузов. Пароходовладель-цы и отдельные, даже крупные, пароходные объединения («Польза» и «Дружина») лишались прибылей от перевозки грузов и разорялись. Очень чувствительно была подорвана доходная часть баланса и у Сормовского завода, имевшего главными кредиторами хозяев речного транспорта.

Первые три пореформенных года Сормовский завод строил суда нового типа. Это были так называемые туера, или «цепные пароходы», которые применялись на порожистых частях рек Шексна, Свирь и в верховьях Волги.

В то же время па заводе изготовлялись с помощью пудлингования различные сорта железа и стали, тянулась проволока, ковались гвозди, отливались гири. Завод по-прежнему выполнял заказы на железные буксиры, паровые машины, газовые сварочные и нагревательные печи, паровые прокатные машины и производил ремонт судов. Бенардаки был неутомим. Его можно было видеть и в цехах на территории завода, и в затоне, и в конторе управляющего. Он вел переписку и переговоры с заказчиками и разного рода дель-цами . Поначалу замыслы Бенардаки как будто стали сбываться: прибыль возрастала. Однако вскоре завод постигли временные неудачи. В 1864-1867 годах производство сократилось с 306 тысяч до 161 тысячи рублей.

Неудачи были связаны с тем, что большая часть деятельности Сормовского завода по обслуживанию парового судоходства на Волге. Каме и Оке имела сезонный характер, а прочие заказы, как правило, были случайными, непостоянными. Это далеко не устраивало заводовладельца. Со второй половины 60-х годов Бенардаки направляет свое внимание на другую, в то время более выгодную и перспективную отрасль промышленности - на железнодорожное дело.

В России в это время разыгралась «железнодорожная горячка». В 1861 году страна имела всего 1488 верст рельсовых путей сообщения. А к началу 70-х годов их протяженность возросла в 7 раз.

Небывало высокие масштабы железнодорожного строительства требовали огромных капиталовложений. Деньги преимущественно ссужала государственная казна. Приток сотен миллионов рублей превратил это железнодорожное дело в «золотое дно» для предпринимателей.

В числе тех, кто хотел «погреть руки» на казенных заказах, был и Дмитрий Бенардаки. Он надеялся занять выгодное положение в поставках

металлопродукции для железнодорожного строительства. В конце 60-х годов XIX века производство на Сормовском заводе вновь оживает.

Самым благоприятным стал 1869 год. Более десятка пароходов, малых и больших, сделали сормовичи в том году. Кроме того, было отлито из металла много тысяч пудов различных железнодорожных принадлежностей. Стоимость реализованной продукции составила 410 500 рублей. По сравнению с началом десятилетия годовой оборот удвоился. Успешной перестройке производства во многом способствовала растущая металлургическая база. Завод располагал и большим резервом квалифицированных мастеровых, которых можно было сразу привлечь к новому производству. Эти обстоятельства, а также сравнительно дешевые средства сношений (через Московско-Нижегородскую железнодорожную линию) со всей сетью строящихся железных дорог ставили Сормовский завод в привилегированное положение среди многих предприятий России.

Но успехи одного года полностью дела не поправили. Завод работал намного ниже своих возможностей. За десятилетие, с I860 по 1869 год, со стапелей Сормовской верфи сошло всего 40 паровых судов. Наиболее крупным из них был железный пароход «Лев». Изготовили его в 1867 году. Это судно являлось самым мощным на Волге — в 1 тысячу индикаторных сил. По качеству отделки, по остойчивости и прочности корабельного корпуса, а также в целом по ходовым и тяговым показателям буксир «Лев» превосходил пароходы знаменитой системы Ллойда.

В 1869 г. на заводе начинаются работы по постройке сталеплавильной печи системы Сименса - Мартена . Это событие связано с именем горного инженера Александра Александровича Износкова.

До приезда в Сормово А. А. Износков более пяти лет работал на металлургическом заводе в Златоусте, служил окружным механиком. В 1867 году он побывал на Парижской выставке, где познакомился с конструкцией мартеновской печи. За границей Износкову удалось осмотреть и ряд заводов, оборудованных мартеновскими печами.

Вернувшись на родину, молодой инженер предлагает строить такие же печи на русских заводах. Но администрация златоустовских казенных заводов не поддержала инициативу окружного механика, и он был вынужден уйти со службы. Вскоре Износков покинул пределы Урала и приехал в центр Европейской России. Однако ни в Петербурге, ни в Москве его планы также не нашли поддержки. Лишь Д. Е. Бенардаки разглядел в молодом инженере великолепного организатора передовой технологии стального литья.

Из русских материалов, без помощи иностранцев А. А. Износков взялся в кратчайший срок выстроить на Сормовском заводе сталеплавильную печь системы Сименса - Мартена.

В сентябре 1869 г. развернулись подготовительные работы. Для кладки печи подобрали местных мастеровых. Они умели плотно притесывать камень к камню. Саму печь и специальные камеры под печным подом выкладывали, в клетку из динасового огнеупорного кирпича. Износков по ходу работ внес отдельные усовершенствования: улучшил форму свода, расширил рабочее пространство ванны печи.

Печь строилась в заранее возведенном кирпичном здании. Это давало возможность не прерывать кладку и в зимнее время.

Пуск первой мартеновской печи состоялся в начале апреля 1870 года. Весть об этом событии, имевшем огромное значение в развитии отечественной металлургии, быстро облетела все промышленные центры России.

Первая, так называемая, кислая мартеновская печь совсем не походила на современные ни по форме, ни по количеству выдаваемой продукции. Ее полезный объем (садка печи) составлял всего 2,5 тонны. Однако по тому времени, и эти масштабы оценивались как очень значительные.

Для работы при мартеновской печи подобрали несколько человек, издавна знакомых с металлургией. Одни были выписаны по просьбе Износкова из Златоуста, с Княже-Михайловской фабрики, где они занимались тигельным приготовлением стали по методу металлурга П. П. Аносова. Других -техника Н. Н. Кузнецова, рабочих Плечкова и Казакова — перевели от пуд-

линговых печей железопеределочного цеха. Этот костяк мастеровых людей во главе с Износковым и приступил к освоению технологии сталеварения в мартеновской печи.

Сначала дело не ладилось, но неудачи Износкова не смущали. Исследуя каждую из них, он ставил все новые и новые опыты. После полуторамесячного периода освоения мартеновская печь впервые в России стала давать добротную сталь.

Уже за первые стальные болванки, которые экспонировались в 1870 году на Всероссийской промышленной выставке в Петербурге, выставочный комитет экспертов присудил хозяину Сормовского завода Д. Е. Бенардаки «за введение литья стали по способу Сименса — Мартена» бронзовую медаль. Это была первая награда предприятия.

Сталевары Сормова, совершенствуя свое мастерство, за короткий срок достигли еще лучшего результата. В 1872 году на Московской политехнической выставке сормовская сталь была отмечена еще более высокой наградой. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете присудило Сормовскому заводу Большую золотую медаль.

Сормовская сталь, так быстро завоевавшая всеобщее одобрение, шла на изготовление рельсов, вагонов, всевозможного железнодорожного оборудования. Металлургическое производство на прогрессивной технической основе дало владельцу завода новые преимущества перед конкурентами.

Благодаря умелому управлению Д. Е. Бенардаки Сормовский завод стал одним из крупнейших, известных всей стране многопрофильных промышленных предприятий. Речные суда, морские шхуны Сормовского завода можно было встретить по всей России. В отечественном судостроении Сормову принадлежало одно из ведущих мест.

В завещании Д. Е. Бенардаки, составленной в 1870 г., Сормовский завод описан, как «...машинная фабрика, заключающая в себе заводы: машиностроительный, железопрокатный, сталепрокатный, судостроительный и ва-

гонный...Прочие же отделения завода: машино-сборное, чугунно-литейное, машинное, кузнечное, локомобильное, котельное, материальное с сталелитейное... При заводе этом имеется машин и прочих заводских вещей три ты-

[64]

сячи девятьсот.восемьдесят два...» .

В «Сормовском деле» отразились все выдающиеся предпринимательские качества Дмитрия Егоровича Бенардаки. Он предугадал нужное время — начало промышленного переворота, сумел подобрать отличную команду специалистов, вложил в «Сормовское дело» свой талант руководителя, огромные финансовые средства и все свое влияние, как среди высших кругов Российской империи, так и среди других предпринимателей. Можно смело заключить, что Д. Е. Бенардаки не только создал Сормовский завод — он превратил небольшую фабрику в легенду русской металлургической промышленности.

Применение современных технологий и устройство многопрофильного предприятия с расчетом на будущее его расширение, являлось жизненно необходимым для «предпринимателя нового типа». Прекрасно разбираясь в металлургической промышленности и тех трудности, что она испытывала в описываемое время, а также понимая весь риск золотодобывающего бизнеса, Бенардаки в «Сормовском деле» подготавливал альтернативный источник дохода, который в меньшей степени подвержен риску банкротства и, в то же время, соответствовал новой экономической конъюнктуре.

Аналогичную картину можно наблюдать и в деятельности других предпринимателей-буржуа - современников Бенардаки.

Так, давний компаньон Бенардаки, Василий Александрович Кокорев, после создания- «Закаспийского торгового товарищества», развернул обширную торговлю со Средней Азией и Персией. По делам фирмы ему часто приходилось бывать в Баку — уездном городе Шемахинской губернии, представлявшем собой в ту пору небольшую сторожевую крепость. Знакомый с исследованиями немецкого химика Юстуса Либиха - одного из создателей агрохимии - о выходах на поверхность земли нефти и возможностях ее использования, В. А. Кокорев обратил внимание на большие залежи нефти в окре-

стностях Баку, и в 1857 году построил неподалеку Сураханский завод по добыче и перегонке нефти.

Растущее производство отягощало предпринимателя огромными издержками. Чтобы усовершенствовать технологию, В. А. Кокорев пригласил для консультации доцента Санкт-Петербургского университета Дмитрия Менделеева.

Менделеев предложил ввести круглосуточную перегонку нефти, освоить производство эмалированных бочек, организовать нефтеналивную морскую перевозку и проложить нефтепровод от завода к берегу моря. То есть, по сути, сформулировал в виде идей (реализованных Кокоревым на практике) модель современной нефтяной промышленности.

Сураханский завод В. А. Кокорева быстро начал приносить доход — несмотря на то, что цены на керосин падали. А вскоре Кокоревым и К° было учреждено акционерное общество - Волжско-Каспийское пароходство «Кавказ и Меркурий». И теперь в руках Кокорева оказалась не только нефть, но и собственные средства ее перевозки, что позволило снизить транспортные издержки. В 70-е годы XIX века Сураханский завод был преобразован в «Бакинское нефтяное общество», которое, собственно, и вывело Баку в число крупных промышленных центров.

Предприниматели братья Н. П. и Д. П. Шиловы, также бывшие коллегами Д. Е. Бенардаки по винным откупам, с конца 50-х годов XIX века переключили свою энергию на промышленную сферу, став владельцами двух горных заводов. Они выступили инициаторами учреждения пароходного общества «Дружина» и вошли в состав Норской мануфактуры[65]. В 1852 г. в Костроме приступил к работе крупный механический завод «Братья Н. П. и Д. П. Шиловы», специализировавшийся на постройке паровых двигателей для пароходов, паровых стационарных машин, котлов для фабрик и заводов, гидравлических прессов, сверлильных, ткацких и прядильных станков и пр. Завод сооружался по плану известного инженера Вазинского. Численность рабочих достигала 722 человек, завод производил продукции на 570 тыс. руб. в год[66].

На этих примерах прослеживаются аналогии с «Сормовским делом» Бенардаки. Для предпринимателей, подобных Бенардаки (т.е. предпринимателей-буржуа), было характерно быстрое реагирование на изменение экономической конъюнктуры, успешная ее реализация, открытие перспективного предприятия, большие вложения в его развитие, привлечение научных кадров, для улучшения и расширения производства, и в итоге создание передового производства, одного из крупнейших в России. Конец 70-х гг. XIX века показал, насколько они были правы в выборе перспективной сферы деятельности, перейдя уже в первой половине XIX века от винных откупов и золотодобычи к индустриальной промышленности.

Примечания

[1] См.: Сведения о питейных сборах в России. - СПб. - I860- Ч. III - С. 239.

См.: **Гавлин,** М. Л. Роль винных откупов в формировании крупных капиталов в России. конец XVIII—XIX вв. / М. Л. Гавлин. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 6. / Под ред. Л.И. Бородкина. - М.: «Наука», 2001. - С. 98 - 99.

[3] См.: Гавлин, М.Л. Указ. Соч. - С. 95.

[4] См.: **Крестовников, Н. К.** Семейная хроника Крестовниковых: В 3 кн. Кн. 2. Письма и воспоминания. / Н. К. Крестовников - М., 1904 - С. 71 - 72.

[5] См.: **Гавлин, М. Л.** Там же. - С. 101 - 102.

См.: **Стогов,** Э. **И.** Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. /Э. И. Строгое. - М., 2003 - С. 128.

См.: Матханова, Н. П. Полномочия губернатора в XIX веке: закон и жизнь. К постановке проблемы / Н. П. Махатнова. // Проблемы истории местного управления Сибири XVII-XX веков. Вып. И. Региональная науч. конф. 18—19 дек. 1997 г.: Тез. докл.— Новосибирск, 1997. - С. 25 - 31.

См.: **Финюкова** М. О. Улица Бенардаки // ОМЗ: Объединенная машиностроительная газета. - 2004. -№ 21 - С. 11.

[9] См.: Соболевский, С. А. Миллион сочувствий. / С. А. Соболевский. - М., 1991 - С. 77.

[10] См.: Сведения о питейных сборах в России. - СПб. - I860.- Ч.I - С. 137.

[11] См.: **Гавлин, М.** Л. Там же. - С. 100.

См.: **Скарятин, В. Д.** Заметки золотопромышленника. Ч. 1. / В. Д. Скарятин. - СПб., 1862.- С. 2.

[13] РГИА, ф. 1265, оп. 5, д. 87, л. 7.

[14] Положение на золотых приисках Восточной Сибири. // Горный журнал. - 1846. - Ч. 2. Кн. IV. - С. 159-170; Кн. V. - С. 297-325.

Краткий очерк развития частной золотопромышленности, с начала допущения ея в Россию по настоящее время.//Горный журнал. - 1861. — № 7. - С. 107.

[16] Описание золотоносной местности на р. Енашимо, находящейся между устьями р. Огне и мартемьяновским ключом. // Горный журнал. - 1868. - № 4. - С. 20.

[17] Описание некоторых приисков Енисейскаго округа. // Горный журнал. - 1865. — № 10. — С. 6-7.
[18] РГИА, ф. 57, оп. 1,д.1,л.45.
[19] Там же.
[20] См. **Афанасьев , П. Ю.** Добыча золота в Зейском районе в 19 веке / П. Ю. Афанасьев. // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов.- Благове щенск - 1996 - С.60 - 64.
[21] См.: **Михайлов, Н.** Заметки о современном положении частной промышленности на вотчинных башкирских землях Оренбургского края и о мерах, придпринимаемых к разви тию ея. / Н. Михайлов. // Горный журнал. - 1862. - № 2. - С. 383 — 384.
[22] См.: Разгон, В. Н. Сибирское купечество в XVIII-первой половине ХГХ в. Региональ ный аспект предпринимательства традиционного типа. / В. Н. Разгон. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998.-С. 570.
[23] Там же - С. 572.
[24] РГИА, ф. 383, оп. 4, д. 3561. л. 43.
[25] РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 590, лл. 6 - 8, 22 - 24.
[26] См. Неклюдов, Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. / Е. Г. Неклюдов. — Нижний Тагил, 2004. — С. 433.
[27] РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 590, лл. 29 - 33, 34.
[28] См.: Неклюдов, Е. Г. Указ. Соч. - С. 434.
[29] См.: О заподряде сукон и каразеи для армии и флота на 1859 год // Журнал мануфактур и торговли. - 1859. - **Т.** 5. - № **1** - 3. - С. 5.
[30] См.: **Неклюдов, Е. Г.** Указ. Соч. - С. 434 - 435.
[31] Там же-С. 435-436.
См.: **Арсентьев, Н. М.** Промышленная Россия первой половины XIX века: Замосковный горный округ в планах и чертежах / Н. М. Арсентьев, А. М. Дубодел. - М., 2004. - С. 143.
[33] См.: Мукомольников А.Ф. На южноуральских заводах. - М., 2001. - С. 19-21.
[34] См.: Неклюдов, Е. Г. Указ. Соч. - С. 434 - 435.
[33] Горнозаводская производительность в России в 1866 заводском году. // Горный журнал - 1868.-№ 9.-С. 338.
[36] См.: Неклюдов, Е. Г. Указ. Соч. - С. 434 - 435.
[37] РГИА, ф. 383, оп. 22, д. 33049, лл. 62 - 63 об.
[38] Там же.
См.: Материалы для географии и статистики России. Собранные офицерами генерального штаба. Т. 9, ч. 1. Калужская губерния / Сост. М. Попроцкий. - Спб., 1864. - С. 51.
[40] Там же. С. 45.
[41] См.: **Тарасенков, И.** Мануфактурно-заводская промышленность Калужской губернии / И. Тарасенков. // Журнал мануфактур и торговли. - 1858. - Т. 4. Кн. 10 - 12. - С. 4 - 5.
[42] См.: Приложение. Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов, полу чивших награды на санкт-петербургской мануфактурной выставке 1861 года // Промыш ленность. - 1862. - Т. 6. Кн. 7 - 12. - С. 114.
[43] См.: О выставке мануфактурных произведений в Санкт-Петербурге в 1861 году // Про мышленность. - 1862. - Т. 5. Кн. 1 - 6. - С. 75.
[44] См.: Официальный отчет о выставке 1865 г. // Промышленность. - 1866. -Т. 7-С.111.
См.: **Крестовников, Н. К.** Семейная хроника Крестовниковых: Кн. 2. Письма и воспо-минания. / Н. К. Крестовников. - М., 1904. - С. 71 - 72.
[46] О действиях Губернских Механиков. // Журнал Мануфактур и Торговли. - 1853. - Т. 4 - С 111-112.
[47] Краткий отчет С.Петербургской таможни за 1857 г. // Журнал Мануфактур и Торговли. - 1858-**Т. 1.**-С. 26.
[48] См.: **Тарасенков, И.** Указ. Соч. - С. 4.

[49] **См.: Скальковский, К.** Торговля металлами на Нижегородской фабрике. / К. Скальковский // Горный Журнал. - 1869. - № 10. - С. 150.
[50] См.: **Парусов, А. И.** 100 лет завода «Красное Сормово» им. А. А. Жданова / А. И. Парусов, П. И. Шульпин. - Горький, 1949. - С. 17.
[51] См.: **Шубин, И. А.** Волга и волжское судоходство: (История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). / И. А. Шубин - М., 1927- С. 808.
[52] РГИА, ф. 383, оп. 22, д. № 3613, л. **1.**
[53] См.: **Татаринов, В. И.** Промышленная хроника. / В. И. Татаринов // Журнал мануфактур и торговли. - 1858. -Т. 1. Кн.1.-С. 33.
[rf] См.: **Парусов,** А. **И.** Указ. Соч. - С. 24 - 26.
[55] См.: **Седов,** А. В. История Красного Сормова. / А. В. Седов - М., 1969.- С. 35.
[56] Об учреждении акционерной Компании пароходства по рекам Каме, Волге и Оке, под названием Камско-Волжскаго пароходнаго общества. // Журнал Мануфактур и торговли. — 1854.-Т. 2-С. 26.
[57] См.: **Шубин, И. А.** Волга и волжское судоходство: (История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). / И. А. Шубин - М., 1927.— С. 808 — 809.
[58] См.: **Татаринов, В. И.** Промышленная хроника. / В. И. Татаринов // Журнал мануфактур и торговли. - 1858. - Т. 1. Кн. 1. - С. 35 - 36.
[59] См.: Механические заведения в России в 1859 году. С. 57.
[60] См.: **Шубин, И.А.** Указ. соч. С. 809.
[61] См.: **Седов,** А. В. Указ. Соч.- С. 36.
[62] См.: Седов А. В. Указ. Соч. - С. 37.
См.: **Барышников, М. Н.** Деловой мир России: Ист.-биогр. справочник. / М. Н. Барышников. - СПб., 1998. - С. 340.
[64] РГИА, ф. 219, оп. 15, д. 23327, лл. 169-169 об., 174.
[65] См.: Арсентьев, Н. М. Промышленная Россия первой половины XIX века: Замосковный горный округ в планах и чертежах / Н. М. Арсентьев, А. М. Дубодел. - М., 2004. - С. 73 —74.
[66] См.: Сизинцева, Л. И. Царство красного кирпича / Л. И. Сизинцева // Памятники Отечества. Наука, 1991. №1. - С. 88.

III. КУЛЬТУРНОЕ И ПРОМЫШЛЕННОЕ НАСЛЕДИЕ Д. Е. БЕНАРДАКИ

3.1. Благотворительная и меценатская деятельность Дмитрия Егоровича Бенардаки

Наиболее традиционной формой участия предпринимателей в общественной и культурной жизни являлась благотворительность, виды и размеры которой были самыми разнообразными. По мнению некоторых исследователей, благотворительность для российских предпринимателей «...являлась определенной исторической традицией, что позволяет оценивать ее как типичную классовую черту».

Вопрос о том, что такое благотворительность, не так прост. По определению А. А. Гусейнова и Р. Г. Апресяна, благотворительность — это «деятельность, посредством которой частные ресурсы добровольно распределяются их обладателями в целях содействия нуждающимся людям, решения общественных проблем, а также усовершенствования условий общественной жизни». Г. А. Ноздрин, занимавшийся этой проблематикой, считает, что под благотворительностью следует понимать любую социальную помощь со стороны частных лиц, обществ, общин и органов местного самоуправления юридическим и физическим лицам, учреждениям в сфере нематериального производства. При этом благотворительность следует отличать от государственного призрения, хотя это и достаточно близкие явления[1].

Щедрые пожертвования на общественные нужды, на развитие культуры и образования, на нужды церкви и здравоохранения, забота о сиротах, инвалидах, бездомных, заключенных и других категориях обездоленного населения, — все это было обычной статьей расходов российских предпринимателей.

Исходя из всего вышесказанного, неудивительно, что благотворительность была одной из важнейших аспектов бытия предпринимателя Дмитрия

Егоровича Бенардаки. Именно за благотворительную деятельность император Александр II пожаловал Д. Е. Бенардаки звание потомственного российского дворянина[2].

Среди благотворительных фондов, основанных предпринимателем, стоит отметить «Общество вспомосуществования нуждающимся учащимся Второй Петербургской мужской гимназии», которое занималось детьми только этой гимназии, вносило плату за обучение, снабжало учащихся обувью и учебниками. Другое учреждение - «Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов» - работало исключительно с детьми, осужденными за мелкие преступления .

По меньшей мере, одна из построенных Бенардаки школ — в башкирском поселке Авзян - и по сей день принимает своих учеников. В Екатеринбурге, золотопромышленная компания, в которой он был совладельцем, в 1863 году подарила женскому училищу купленный ею дом. Школы для детей служащих строились и на приисках Верхнеамурской компании. При Авзяно-Петровских заводах Бенардаки построил больницу.

Одной из характерных особенностей благотворительности в Российской империи, которую хотелось бы отметить, являлось то, что благотворители точно знали, куда и на что шли их деньги. Например, Дмитрий Егорович содержал в числе многого другого ясли-приют при обществе «Помощь детям». И вот какие отчеты о расходовании своих средств он регулярно получал: «На первое января ... остается в наличности пять тысяч шестьсот десять рублей сорок с половиной копеек. На одежду, обувь и ремонт оной истрачено восемьдесят рублей двадцать копеек с половиной...»[4].

Кроме воспитательных и образовательных учреждений, объект данного исследования, также, по традиции, характерной для большинства российских предпринимателей, оказывал финансовую поддержку церкви. Он содержал единственный в Греции русский Свято-Пантелеймонов монастырь и строил православные храмы едва ли не при каждом своем заводе, что в принципе

являлось характерным для эпохи. К числу наиболее известных храмов, построенных на его деньги, относятся: каменный православный храм при русской дипломатической миссии в Афинах, каменный православный храм в башкирском поселке Авзян, деревянный храм - на приисковом стане Васильевского прииска и неизвестно, сколько таких же на других приисках.

В этой связи, следует отметить, что благотворительная деятельность Д. Е. Бенардаки представляла собой достаточно весомый вклад в развитие культуры, как России, так и Греции. Например, на деньги российского предпринимателя в Афинах были построены Национальный музей и Национальная библиотека. За эти заслуги греческое правительство удостоило своего великого земляка звания почетного гражданина Греции[5].

На средства Бенардаки в Санкт-Петербурге была выстроена Греческая церковь, освященная в память одного из самых почитаемых в Греции святых - Дмитрия Солунского. Церковь располагалась на Летней Конной площади на берегу (впоследствии засыпанного) Литовского канала. По преданию денег, собранных проживающими в Петербурге греками, на строительство не хватило. Тогда Бенардаки построил храм в честь своего святого покровителя на собственные средства, а общинные деньги были переданы русской миссии для возведения церкви в Афинах.

Данный храм является еще одним примером того, как внимательно Бенардаки относился к вложению своего капитала - будь то завод или же благотворительная деятельность. С той же тщательностью, с какой предприниматель следил за вводом на своих заводах новейшей техники, он заботился о внутреннем благоустройстве Греческой церкви.

Крестообразное здание в греческом стиле, увенчанное массивным куполом, имело хорошую акустику; равномерный свет сквозь окна с матовыми стеклами освещал настенные изображения. Со стороны восточного фасада были возведены пристройки для диаконника и ризницы, к западной апсиде примыкал притвор с возвышающейся звонницей. В подвальном этаже были

устроены отопительные пневматические печи. По примеру греческих церквей под куполом вместо паникадила был укреплен обруч (хорос) для свечей, изготовленный из оксидированного серебра. Интерьер был отделан красным мрамором, пол — белым. Роспись и орнаментику церкви исполнили соответственно художники П. М. Шамшин и Бремсон. Живописные изображения были расположены ярусами, все надписи выполнены на греческом языке. Росписи южной апсиды и купола были посвящены Христу, северной — Богоматери. Алтарную апсиду украшала «Тайная вечеря». Резной иконостас орехового дерева имел два яруса, образа писаны маслом по золотому фону. Царские врата украшала сцена Благовещения, северные двери - изображение архангела Гавриила, южные — святого Стефана Первомученика.

Храм вмещал до 1000 прихожан, службу проводили священники, приглашаемые из Греции; он подчинялся греческому посольству. Греческую обедню специально для храма написал композитор Брагин, руководивший его хором.

Кроме престольного праздника, особенно торжественно греки отмечали Благовещение, 25 марта - день освобождения Греции от турецкого ига и царские дни греческого королевского дома. В храме хранились списки чтимых греками чудотворных икон: Благовещения и Пресвятой мученицы Параскевы, древний образ «Милующей» и крест с частицей Животворящего Креста.

Показав значимость храма для культурной жизни столицы, перейдем к восприятию его современниками, что, безусловно, скажется на результатах анализа деятельности объекта исследования в данном направлении. Инвестор и строитель Дмитрий Бенардаки проследил, чтобы здание церкви еще на стадии проектирования держалось общего стиля храмов Греции и Афона, и в результате журнал «Нива» в 1884 году отметил, что «Греческая церковь во имя святого великомученика Димитрия Солунского, построенная на Песках, между Четвертою и Пятою Рождественскими улицами, представляет собой в нашей столице один из лучших в мире образцов византийского зодчества». Не были также забыты и те, чьими трудами была построении церковь - при

закладке в стену южной пристройки к алтарю была вделана доска с надписью: «Православный храм сей во имя святого Димитрия Солунского заложен во славу Божию 25 мая 1861 года усердием и иждивением отставного поручика Димитрия Егоровича Бенардаки в бытность полномочным министром греческого короля в Санкт-Петербурге князя И. М. Суццо при сотрудничестве греческого генерального консула И. Е. Кондоянаки по проекту, составленному строителем сего храма профессором архитектуры Р. И. Кузьминым»[6].

Кроме благотворительной деятельности, Д. Е. Бенардаки прославился как крупный меценат. Стоит отметить, что благодаря своему острому уму и широкому кругозору, Д. Е. Бенардаки весьма высоко оценивал талантливых людей, терпимо относился к их слабостям, предпочитал сам оценивать творчество писателей, поэтов и художников, ни на кого не равняясь, что, безусловно, можно охарактеризовать, как пример создания им режима наибольшего благоприятствования для их творческой деятельности.

Для примера, стоит привести дружбу Д. Е. Бенардаки с Н. В. Гоголем. Они познакомились летом 1839 года на курорте в Мариенбаде. М. П. Погодин рассказывает о мариенбадском знакомстве Гоголя и Бенардаки: «Мы все гуляли вместе. Бенардаки, знающий Россию самым лучшим и коротким образом, бывший на всех концах ее, рассказывал нам множество разных вещей, которые и поступили в материалы «Мертвых душ»». Их приятельские отношения в дальнейшем привели к обоюдной пользе для обоих. Н. В. Гоголь высоко оценивал Бенардаки, видя в нем источник полезной для себя информации, он «выспрашивал его о разных исках, и, верно, дополнил свою галерею оригинальными портретами, которые когда-нибудь увидим на сцене». Тот же М. П. Погодин свидетельствует, что образ Дмитрия Бенардаки был использован Гоголем при описании двух персонажей «Мертвых душ» — помещика Костанжогло и миллионера-откупщика, филантропа и благотворителя Афанасия Ивановича Муразова: «Мы все гуляли вместе. Бенардаки, знающий Россию самым лучшим и коротким образом, бывший на всех концах ее, рас-

сказывал нам множество разных вещей, которые и поступили в материалы «Мертвых душ», а характер Костанжогло во второй части писан в некоторых частях прямо с него» .

Бенардаки оказывал Гоголю финансовую помощь, и, как писал С. Т. Аксаков: «Замечательно, что этот грек Бенардаки ... был единственным человеком в Петербурге, который назвал Гоголя гениальным писателем

и знакомство с ним ставил себе за большую честь!» .

Бенардаки также общался с М. Ю. Лермонтовым и В. А. Жуковским, часто предоставлял свой дом в Петербурге музыкантам и художникам для концертов и выставок. Кроме того, он помогал им материально. Известно, что он заказывал полотна Брюллову, покупал работы у других художников и «имел прекрасное собрание живописи». В Эрмитаже хранится портрет самого Дмитрия Бенардаки кисти немецкого художника Карла фон Штейбена, а портрет жены Дмитрия Бенардаки — Анны Кипиури, кисти того же художника, хранится в московском музее Тропинина[9].

Кроме самого Дмитрия Егоровича, благотворительностью занимались и его родственники. Так в 1865 году брат Дмитрия - Константин Егорович Бенардаки пожертвовал 4 тыс. руб. на постройку в Таганроге оперного театра. Он был также одним из соучредителей таганрогского благотворительного общества по оказанию помощи нуждающимся и пожертвовал обществу дом. Его жена Елизавета Ивановна завещала «внести в Государственный банк 10 тысяч рублей с тем, чтобы проценты с этого капитала выдавались один раз в год пяти бедным девицам-невестам в городе Таганроге, преимущественно из греков».

Сын Дмитрия Егоровича - Николай Дмитриевич Бенардаки прославился своей образованностью. Он перевел на английский язык «Горе от ума» А. С. Грибоедова, выпустил в 1850 году совместно с библиографом и экономистом Ю. М. Богушевичем «Указатель статей серьезного содержания, помещенных в русских журналах»[10]. Также Николай Дмитриевич упоминается

в числе жертвователей денежных средств на постройку ремесленного училища в Петербурге.

Вклад Д. Е. Бенардаки в культурную жизнь общества был высоко оценен. Когда 28 мая 1870 г. в Висбадене от сердечного приступа скончался Дмитрий Егорович Бенардаки, его забальзамированное тело отправили для захоронения в Санкт-Петербург. Император Александр II лично встречал поезд, доставивший гроб с телом Бенардаки. Был издан высочайший указ о захоронении тела Бенардаки под алтарем Греческой церкви.

В Санкт-Петербурге похоронили только тело. Сердце Дмитрия Бенардаки, согласно его завещанию, было похоронено в Греции.

В 1962 году обветшалый храм во имя Дмитрия Солунского был взорван и разобран. При раскопках фундамента было обнаружено мумифицированное тело Д. Е. Бенардаки, переданное впоследствии в судебно-медицинский морг Ленинграда. 26 ноября 1962 года там состоялось комплексное исследование тела Д. Бенардаки. Относительно дальнейшей судьбы тела выдающегося предпринимателя и благотворителя информация отсутствует.

На месте могилы храма был построен концертный зал «Октябрьский».

Дмитрий Егорович Бенардаки оставил после себя огромное культурное и индустриальное наследие, не сохранившееся полностью до наших дней.

Под «культурным наследием» стоит понимать памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки. К сожалению, многие архитектурные сооружения, связанные с именем Бенардаки погибли, как, например, усадьба Бенардаки, при Авзяно-Петровских заводах, разобранная в первые советские годы. В 1935 году при пожаре сгорело и построенное Бенардаки здание авзянской больницы.

В Петербурге Бенардаки проживал по Невскому проспекту, 86, где в адресных книгах того времени так и значилось: «Дом Бенардаки». Сегодня он известен как дом Юсуповой (по фамилии последней владелицы), но

больше - как Дом Актера имени К.С. Станиславского. Здание выглядит величественно и торжественно благодаря своим размерам и высоко поднятому ионическому портику".

Во 2-й половине 18 века участки по Невскому проспекту за рекой Фонтанкой были застроены небольшими каменными и деревянными домами. В 19 веке здесь началось интенсивное строительство больших жилых зданий. В 1820-х годах на месте Дома Актера был возведен каменный дом, вошедший как основное ядро в существующее ныне здание. Архитектор М.А. Овсянников украсил фасад шестиконным портиком, флигеля образовали замкнутый внутренний двор.

Приехав в Петербург, Бенардаки купил этот дом и перестроил его. Перестройка проводилась по проекту архитектора Г. Фоссати. Были изменены внутренняя планировка, отделка помещений и декор главного фасада.

К числу помещений, в которых сохранилась внутренняя отделка времен Бенардаки, относят «Китайскую гостиную», в росписи которой использованы китайские мотивы, проходная комната, украшенная лепным фризом, изображающим танцующих и музицирующих женщин, и комната-ротонда, перекрытая полуциркульным сводом.

До нашего времени в Петербурге сохранились еще три принадлежащих ему здания по Лиговскому проспекту.

Индустриальное наследие Бенардаки богато и своеобразно. Он не только умел привлекать себе на службу талантливых специалистов, инженеров, стремился внедрять в производство всевозможные технические новшества. Именно он заложил основы крупнейшей золотодобывающей компании России - Амурской, применил новейшую золотодобывающую технику, использовал хозяйственный способ добычи золота, просуществовавший на Амуре до начала XX века. При нем на Сормовском заводе появились паровые машины, токарные станки, подъемный кран, газовые сварочные печи. Именно он привлек талантливого инженера Износкова для сооружения первой в России мартеновской печи.

Дмитрия Егоровича Бенардаки помнят не только на Сормовском заводе. Светлой страницей в Авзянской летописи считают в Башкирии 11-летний период (1859-1870 годы) хозяйствования здесь грека Дмитрия Бенардаки, сумевшего провести реконструкцию с использованием электропривода, паровых машин и добившегося повышения выпуска чугуна до 190 тысяч пудов в год. Бенардаки построил каменную школу, несколько двухэтажных зданий и заложил новый православный храм, открывшийся в 1878 году.

ОАО «Башкирский суконный комбинат» - одно из старейших текстильных предприятий Урала, ведет свою историю с 1852 г., когда оно было основано Д. Е. Бенардаки на базе медеплавильного завода, и многие годы было известно, как «Нижне-Троицкая суконная фабрика».

Таким образом, Дмитрий Егорович Бенардаки оставил заметный след в индустриальной истории России и его имя не должно быть забыто.

Для того чтобы понять, почему благотворительность в России стала значительным общественным явлением, следует рассматривать ее в комплексе взаимосвязанных социальных явлений. С одной стороны, при крайней поляризации богатства и бедности благотворительность являлась неким «регулятором» социального равенства, часто неосознанным средством устранения общественного экономического дискомфорта, возникавшего в результате несправедливого соотношения труда и присвоения.

С другой стороны, источником и побудительным мотивом к занятиям благотворительностью была христианская мораль, стремление обрести благодать в жизни вечной через добродетели в жизни земной. Необходимость делиться своим богатством с нуждающимися, внедрялась в сознание людей вместе с основными догматами православия. Поэтому к одной из причин благотворительности следует отнести народную религиозную традицию, глубокую религиозность купцов. Евангельская доктрина гласила: «Кто одел голого, накормил голодного, посетил заключенного, тот Меня одел, Меня накормил, Меня посетил». Все это предполагало и пожертвования на церков-

ные нужды, и выделение средств на богадельни, приюты, ночлежные дома. По всей видимости, именно эти причины являлись главными в благотворительной деятельности Бенардаки — особенно если учитывать его обширное церковное строительство.

Еще одним из побудительных мотивов благотворительности Д. Е. Бенардаки можно назвать тщеславие. За наиболее крупные пожертвования правительство награждало орденами, жаловало чинами и званиями, крупные жертвователи имели возможность занимать почетные должности в городском самоуправлении. Благотворительная деятельность была одним из способов поднять свой социальный статус. Определенное значение имел и местный патриотизм предпринимателей, которые не могли смириться, если в соседних городах лучшими были соборы и церкви, общественные здания, если молва приписывала соседям большую щедрость.

Оценивая меценатскую и благотворительную деятельность Д. Е. Бенардаки, стоит заметить, что в целом она мало чем отличалась от благотворительных акций других российских предпринимателей, и выделялась лишь активной поддержкой второй Родины предпринимателя - Греции.

3.2. Традиции российского предпринимательства: ментальный и институциональный аспекты

Содержание и сущностные черты предпринимательской деятельности Дмитрия Егоровича Бенардаки определялись не только характерными для рассматриваемой эпохи культурными, экономическими и политическими условиями, но и системой материальных и духовных качеств, интересов и потребностей предпринимателя, определявших его социально-психологический облик, а также его ментальных и институциональных черт, в формировании которых важную роль играли не только реалии конкретного исторического периода, но и сложившиеся обычаи и традиции.

Ментальность предпринимателей, будучи во многих отношениях проявлением массового сознания, т. е. такого вида сознания, субъектом которого являлись все члены общества, имела также и специфические черты, определявшиеся тем положением, которое занимал предприниматель в системе общества и выполнявшимися им экономическими функциями, то есть — институциональные. Наличие общих доминирующих черт в ментальности и социально-психологическом облике российских предпринимателей позволяет говорить о перерастании этих характеристик в устойчивую социокультурную традицию, определяющую, как сходство экономического поведения, форм, приемов и методов, использовавшимися различными предпринимателями для накопления капиталов, так и судьбу предпринимательских «империй».

Для реалий рассматриваемой эпохи характерно то, что династии российских предпринимателей были в экономическом отношении весьма могущественными, но, они, в то же время не отличались устойчивостью. Как правило, их образовывали два-три поколения. Причины этого, с одной стороны кроются в особенностях институциональных черт российского предпринимательства. Известно, что наиболее крупные промышленные состояния составлялись при активной поддержке государства, путем приобретения всевозможных привилегий. Сложившаяся система трудовой мотивации, сочетающая государственное регулирование с частной инициативой, в условиях становления рыночной экономики не смогла обеспечить конкурентоспособное развитие российской промышленности по отношению к европейской. Государственное регулирование, в некоторой степени даже огосударствление, обернулось путами, сковывающими экономическую инициативу заводовладельцев, складыванием у них потребительской социальной психологии. Целью предпринимательства стало стремление к накоплению и приумножению богатств, а не к продуктивному их использованию на расширение промышленного производства. Такая система характерна для милитаризованных государств, нуждающихся в чрезвычайных поставках и посреднических услугах. Капитализм этого типа М.

Вебер называл «авантюристическим», ориентированным «политически или спекулятивно»[12], ибо это был капитализм промышленников и поставщиков, богатевших на военных заказах государства; капитализм предпринимателей, получавших привилегии за счет использования труда крепостных крестьян и взимания с них налогов, приобретения земельных владений и хищнической эксплуатации природных ресурсов. Милитаризация страны, сопровождавшая дальнейшей бюрократизацией промышленности, открывала колоссальные возможности для различных финансовых афер и махинаций.

Кроме того, неустойчивость предпринимательских династий можно объяснить и причинами ментального, мировоззренческого характера. Один из наиболее динамичных типов российского предпринимательства, как было сказано выше, составляли выходцы из купечества, мещанства и крестьянства Европейской России. Не обладавшие даже элементарными гражданскими правами, крестьяне-предприниматели, благодаря своей необыкновенной целеустремленности, энергии и стойкости характера накапливали состояния, достаточные для того, чтобы выкупиться из крепостной неволи и записаться в купечество, а некоторые достигали высот, позволявших сблизиться с верхами Российской империи. Закаленные трудностями своего положения непривилегированного большинства российского социума, основатели таких династий делали все возможное для того, чтобы повысить свой статус, встать вровень с родовитым российским дворянством, приобщиться к важным для них дворянским привилегиям. Так получили дворянство Демидовы, Мальцо-вы, Баташевы... При этом, оставаясь по своим качествам деловыми людьми, они передавали своим потомкам уже не предпринимательские ценности, а дворянские, в том числе и такие негативные, как тяга к роскоши, мотовству, вкладывание денежных средств не в развитие своих предприятий, а во внешние подтверждения своего дворянского статуса — усадьбы, постройку дворцов, пышность внутренней обстановки. Состояния, накопленные энергичны-

ми предками, проматываются и приходят в упадок, династии утрачивают способности и задатки к ведению предпринимательской деятельности.

Характерны ли данные тенденции для семьи Бенардаки, и какое культурное наследие осталось от предпринимателя? Для освещения этого вопроса необходимо остановиться на потомках Д. Е. Бенардаки и их деловых качествах.

Слава и могущество позволили сыну греческого переселенца сблизиться с царской администрацией и самыми высокими аристократическими кругами не только России, но и Европы. Д. Е. Бенардаки был почетным гражданином Греции и Российской империи. Имел много наград как от правительства России (например, за работы «по заграждению Северного и Южного Кронштадтских фарватеров») так и от правительства Греции. Рїмператором Александром II, за заслуги перед Россией, Дмитрий Егорович Бенардаки был утвержден в потомственном российском дворянстве с детьми: тремя сыновьями и пятью дочерьми. Его потомство, благодаря удачным бракам и деньгам отца, влилось в элиту российского общества. Одна из дочерей Бенардаки — Мария Дмитриевна была замужем за польским князем Михалом Радзивил-лом, другая — Вера Дмитриевна — за французским дипломатом Арманом Нигером и носила титул графини Талейран-Перигор. Елизавета Дмитриевна Бенардаки становится впоследствии графиней Перхенштрейн, а Александра Дмитриевна выходит замуж за Александра Агеевича Абазу, российского государственного деятеля, гофмейстера Императорского двора, впоследствии -министра финансов Российской империи .

Смерть Дмитрия Егоровича Бенардаки 28 мая 1870 г. от внезапного сердечного приступа вскрыла действительное положение дел его торгово-промышленной «империи». Впечатляет сводка данных об имуществе умершего поручика Дмитрия Егоровича Бенардаки: 2 дома, 2 участка земли и Гу-туевский остров в Санкт-Петербурге; 5 заводов и Сормовская фабрика, имения в Киевской, Самарской, Выборгской, Новгородской, Костромской, Нижегородской, Уфимской и Подольской губерниях, золотые прииски и рудники; акции

промышленных обществ, деньги наличные и на текущем счету. Все движимое и недвижимое имущество было оценено в общую сумму более 18 млн. рублей [14].

Вскоре выяснилось, что сумма долгов Д. Е. Бенардаки составляла 17,7 млн. рублей. Иными словами, к моменту смерти Бенардаки практически не имел наличных средств - все его деньги были вложены в промышленные предприятия. Бенардаки предпочитал не копить деньги, а выгодно вкладывать их. Именно это характеризует его, как представителя совершенно отличного типа предпринимателя для России того времени.

Каким образом сложилась сумма долгов Бенардаки — более 17 млн. руб.? В первую очередь, это следствие тех огромных финансовых вложений, которые делал предприниматель по модернизации производственной базы своих заводов. В условиях слабо развитой транспортной сети, любые попытки улучшения производственной базы предприятий выливались в большие расходы по транспортировке, сборке и налаживанию работы машин, оплате услуг механиков и т.д. Кроме того, горнозаводская деятельность в России середины XIX века была весьма рискованной, высокие цены на русское железо (по сравнению с английским) уменьшали спрос на металл и, следовательно, препятствовали увеличению его производства. Горнозаводчики могли понести убытки в связи с другими трудностями, которые заводы испытывали «на местах». Так в 1866 г. не действовали Вологодские заводы Бенардаки, по причине трудностей в найме опытных рабочих и упадка цен на местное кричное железо [э]. Определенные потери понес Бенардаки и при банкротстве Амурской компании. Сюда же относятся оставшиеся с 1863 года недоимки по питейным откупам (по бывшему Херсонскому откупу такая недоимка составляла 200 тыс. руб)[16].

Мог ли Бенардаки изменить сложившуюся ситуацию и рассчитаться с долгами, проживи он еще несколько лет? Для ответа на этот вопрос стоит учитывать ряд факторов:

1. Успешную добычу золота в Амурском крае: на приисках Бенардаки и К° в 1871 г. добыча составила 171 пуд золота, вместо предположенных до начала работ 116 пудов[17];

2. Успехи Сормовского завода в судостроении и выпуске железнодорожной продукции (В 1871 году на Московской политехнической выставке сормовская сталь отмечена Большой золотой медалью; на заводе освоено строительство двухъярусных пароходов нового типа)[18];

3. Личные качества предпринимателя и те меры, которые предпринял Бенардаки в ситуации с его металлургическими заводами в 1865 г. — продажа одних заводов (Троицких), чтобы сохранить наиболее успешные и модерни зированные предприятия (Авзяно-Петровские и Кажимские заводы).

Таким образом, можно предположить, что Дмитрий Егорович Бенардаки сумел бы избежать излишне больших потерь, либо же — протянуть время,, пока вложенные в предприятия деньги не начнут окупаться.

«Я вышел на поприще этой деятельности без средств, сам изыскал их; сам, при помощи и милости Божей, достигнул независимого положения и довольства. Сыновья мои вступают в жизнь со средствами, да изберут они для себя деятельность, достойную полученного ими образования. Избегая расточительности, всегда влекущей за собою гибельные последствия, да будут рассудительны в употреблении своего достояния, да обращают его на дела истинно полезные, достойные людей образованных и того положения, какое их средства должны доставить им в обществе. Подобно сему и дочери мои да не увлекутся блеском и тщеславием, всегда помня, что не в этом, а только в недрах своего семейства и в благих побуждениях собственного сердца найдут оне самые высокие наслаждения, доступные человеку на земле» - такими словами завершил свое завещание Дмитрий Егорович Бенардаки[19].

Дети Д. Е. Бенардаки не сумели сохранить наследия отца в полной мере. Вологодские заводы Бенардаки (Нювчимский, Нючпасский и Кажимский) в 1872 г. снял в аренду сроком на 12 лет Г. Трофимов, с обязательством в

первые 6 лет платить не менее 10 тыс. руб. в год, а вторые 6 лет — минимум по 12 тыс. В 1876 г. заводы поступили в ведение опекунского управления, которое предложило Трофимову купить заводы за 200 000 руб. с уплатой по 14 тыс. в год, но тот отказался. Заводы были проданы члену государственно-го совета В. А. Бутлерову в 1912-13 гг .

4 февраля 1872 года по инициативе надворного советника Ивана Петровича Балашова, возникло акционерное общество «Сормово». В него вошли в качестве главных учредителей: И. П. Балашов, наследники Бенардаки и князь Белосельский-Белозерский. Общество учреждалось «для выплавки чугуна, выделки железа и стали, приготовления из них изделий на продажу, построения машин, судов, подвижного состава для железных дорог, рельсов и проч., и равно самую добычу всякого рода металлов и минералов».

В собственность общества переходили принадлежавшие наследникам, Бенардаки заводы Сормовский механический и Авзяно-Петровский железоделательный (в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии) со всеми приписанными к ним землями и лесами, зданиями и машинами и прочим имуществом. Согласно Уставу, основной капитал общества «Сормово» состоял из 2 550 тысяч рублей, распределенных на 25 500 акций стоимостью 100 рублей каждая.

В конце 1873 года обанкротилось Камско-Волжское пароходное общество, заказы которого составляли почти половинную долю в производстве завода. Крах Камско-Волжского пароходства, а также резкое сокращение только что начавшегося вагоностроения имели тяжелые последствия. Акционерное общество «Сормово» разорилось. Наследники Бенардаки попали в разряд несостоятельных должников. Их со всех сторон атаковали кредиторы. Имущество наследников Бенардаки за долги кредиторам подлежало продаже с молотка. Однако в дело вмешалось правительство. Поддерживая и спасая в периоды затруднений и кризисов крупные предприятия, правительство продолжило искусственно создавать для них благоприятное положение.

С 11 апреля 1875 года по указанию царя над имуществом и делами несостоятельных наследников Д. Е. Бенардаки был учрежден опекунский совет, который управлял имуществом и делами наследников Бенардаки. В 1894 г. Сормовский завод из владения наследников Бенардаки полностью перешел в собственность нового акционерного общества механических, чугунолитейных, судостроительных, паровозо- и вагоностроительных, сталелитейных и железоделательных заводов «Сормово».

В конце 1870-х гг., чтобы расплатиться с долгами, наследники Бенардаки вынуждены были продать государству принадлежавшую им часть Гуту-евского острова в Петербурге за 2 миллиона рублей, часть недвижимости (дома, имения) и ценных бумаг (процентные бумаги, акции). После 1875 года представители семьи Бенардаки выпадают из активных действий предприятий, становятся рантье. Семья сохраняет часть приисков, земельных владений, акций, и ее состояние оценивается в 2 млн. руб[21].

Единственным предприятием Д. Е. Бенардаки, который перешел в собственность его детей практически без изменений, была золотая промышленность на Амуре. В 1897 г. из 100 паев Верхнеамурской компании, наследникам Бенардаки принадлежали 45, в том числе: Бенардаки Марии — 2, графине Перхенштрейн Е. Д. - 11, графине Талейран-Перигор В. Д. - 12, наследникам Д. Е. Бенардаки (по всей видимости — его сыновьям) — 10. Носители фамилии Бенардаки, как можно судить по этому списку, за тридцать лет незначительно потеряли в весе[2"].

Старший сын Николай Дмитриевич Бенардаки (1838-1909 гг.), окончив в 1860 году юридический факультет Петербургского университета, сделал блестящую карьеру, получив в 1875 году придворное звание церемониймейстера. Слыл в свете человеком весьма остроумным, сочинителем водевилей, шарад и пародий. Так же, как и отец, Николай Бенардаки занимался предпринимательской деятельностью: он был одним из учредителей 6 банков в разных городах России (Киевского частного коммерческого, Киевского про-

мышленного, Сибирского торгового, Нижегородского, Виленского, Донского земельных банков)[23]. Кроме того, еще при жизни отца, в 1860 г. Николай Дмитриевич стал одним из компаньонов научно-производственного рыбоводного Товарищества, собственностью которого стал Никольский завод — прекрасно оборудованный рыбоводный завод, ставший главным центром научно-исследовательской работы по рыборазведению в нашей стране. Товарищество было создано по инициативе Владимира Павловича Врасского (1829-1863 гг.), ихтиолога и рыбовода, основоположника научно поставленного рыбоводства[24]. Другими пайщиками предприятия стали братья Иван и Павел Решеткины. Взносы компаньонов, составившие 41 000 рублей, помогли Врасскому продвинуть далеко вперед задуманную им коренную перестройку всего завода. Никольский завод располагался вблизи Валдайских озер. Товарищество занималось арендой озер Пестовское, Велье и Валдайское, и заселением их ценными породами рыб. Помимо практических целей (увеличение производства ценных рыбных пищевых продуктов), создатель Товарищества В. П. Врасский преследовал научные цели — исследование гидробиологических условий выращивания рыбы. К началу 60-х годов XIX века Никольский завод превратился в основной научный центр рыбоводства и озероведения в России. В конце 1862 г. в Никольское приезжал министр государственных имуществ М. Н. Муравьев. Коротко вникнув в общую суть нового промысла, он также составил *себе,* высокое мнение о рыбоводном заведении Врасского. «Заведение Врасского в новом его виде получило полный ход только в 1862 году. Оно обратило на себя внимание г. министра государственных имуществ, который посетил его в ноябре истекшего года и нашел все устройство его превосходным в полном смысле слова»[25].

Скандальная женитьба на разведенной М. П. Бибиковой положила ко-нец блестящей карьере Н. Д. Бенардаки . Он лишается природного звания, выходит в отставку и навсегда поселяется в Париже с женой и дочерьми Марией и Нелли (Еленой). Во Франции Бенардаки занялся журналистикой (пе-

чатался в газете «Шут» под псевдонимом Ник Бернар) и выпустил юмористические книги вместе с карикатуристом Каран д'Ашем (Эмманюэль Пуаре): «Открытие России» (1895), «Князь Козамаков» (1896), «Семейный театр» (1898).

Второй сын, Константин Дмитриевич Бенардаки, являлся членом правления Российского золотопромышленного общества. Леонид Бенардаки также являлся одним из пайщиков Амурской компании и акционером Сормовского завода. Д. Е. Бенардаки о сыновьях написал в своем завещании: «все мои имения, имущество и капиталы, без всякого изъятия, предоставляю трем сыновьям моим: Леониду, Николаю и Константину, по ровной части, с тем, чтобы Самарское имение было выделено на часть сына Константина». Как можно видеть, сыновья перечислены не по старшинству, а, по всей видимости, по месту, которое они занимают в его бизнесе. Леонид, очевидно, помогал отцу в управлении предприятиями. Николай, успешно делающий карьеру чиновник, представлял интересы семьи в чиновничьих кругах. Константин, на часть которого выделено Самарское имение — занимался управлением семейными имениями.

Таким образом, кризис и последующая гибель торгово-промышленной «империи» Д. Е. Бенардаки не являлась следствием характерной для российского предпринимательства тенденции потери предпринимательской инициативы у потомков основателя династии. Как можно увидеть, сыновья Бенардаки, пусть и не в такой степени, как их отец, были активными, деловыми людьми, стремились сохранить наследство Дмитрия Егоровича. Однако, они действовали разрозненно, что не позволяло сосредоточить весь потенциал «империи» на решение финансовых проблем.

Возымело свое действие и неблагоприятная экономическая обстановка в России в последней четверти XIX века. Экономические кризисы 1773-75 и 1883-85 гг. тяжело отразились на состоянии семьи Бенардаки. Серьезно было подорвано положение семьи Бенардаки и тем, что со смертью отца она лишилась многих полезных связей отца в верхах правительства Российской им-

перии, что отрицательным образом сказалось на государственных заказах. Единственный член семьи, который обладал подобными связями — Николай Дмитриевич Бенардаки, вскоре их лишился. Характерно, что среди имущества Бенардаки, проданного его наследниками (Гутуевский остров, заводы, акции, дома, земли) отсутствуют акции Амурской золотопромышленной компании. По всей видимости, золотодобыча расценивалась наследниками Бенардаки, как своеобразный резерв капитала, из которого могли быть заимствованы необходимые суммы для погашения долгов. К концу XIX века наследники Д. Е. Бенардаки окончательно превращаются в рантье и сходят с арены активной предпринимательской деятельности.

Судьбу «империи» Д. Е. Бенардаки постигла вполне традиционная участь, те же тенденции в большей или меньшей степени прослеживались, и у большинства предпринимателей. Например, для состояний давних партнеров по предпринимательской деятельности Д. Е. Бенардаки Василия Александровича Кокорева и братьев Шиповых.

Например, дела В. А. Кокорева к концу 80-х гг. XIX в. серьезно пошатнулись, он впал в долги, был вынужден распродать значительную часть своего состояния. Чтобы не дробить оставшееся наследство, он завещал все своей жене, а не двум сыновьям.

Аналогичная участь постигла в 1880-х гг. некогда богатый и влиятельный клан Шиповых, который фактически был приведен к банкротству, а над принадлежавшими ему заводами было учреждено опекунское управлении.

Причины экономических трудностей предпринимателей были схожи. Они были увлечены расширением своего дела, стремились сделать его многопрофильным, в результате чего в решающие моменты оказывались без резерва наличных средств, и все, на что хватало усилий наследников основателей торгово-промышленных «империй» - сохранить хоть часть наследства.

Причины кризиса торгово-промышленных «империй» имели свои экономические и внеэкономические факторы. Среди них следует отметить такие об-

щие тенденции, как отсутствие запаса денежных средств, потери связей среди высшего чиновничества Российской империи, разрозненные действия наследников и экономические кризисы. Причем, как показало данное исследование, из всего этого спектра, превалирующее значение имел именно субъективный фактор в лице наследников, так как все остальные трудности были временными.

За экономическим кризисом, как известно, приходит подъем, высшие чиновничество и государственный аппарат, в целом, структуры изменяемые, а вопросы финансирования и Д. Е. Бенардаки, и подобные ему предприниматели-буржуа, с блеском решали, что неоднократно показывали за свою долгую и трудную карьеру.

Примечания.

См.: **Старцев,** А. В. История История предпринимательства в Сибири (XVII - начало XX в.). / А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. - Барнаул, 1999. - С. 166 - 167.

[2] См.: **Арсентьев,** Н. М. Промышленная Россия первой половины XIX века: Замосковный горный округ в планах и чертежах / Н. М. Арсентьев, А. М. Дубодел. - М., 2004. - С. 143.

[3] См.: **Гаврюшкин, О. П.** Вдоль по Питерской (хроника обывательской жизни). / О. П. Гаврюшкин. - Таганрог, 2000. - С. 315.

[4] См.: **Гаврюшкин, О. П.** Мари Вальяно и другие (хроника обывательской жизни). / О. П. Гаврюшкин - Таганрог, 2001. - С. 70 - 71.

[5] См.: **Арсентьев,** Н. М. Указ. Соч. - С. **144.**

[6] См.: **Черепенина, Н. Ю.** Православные храмы Санкт-Петербурга 1917 - 1945 гг. Спра вочник. / Н. Ю. Черепенина, М. В. Шкаровский. СПб., 1999. - С. 44 - 46.

[7] См.: **Погодин, Н. П.** Год в чужих краях. / Н. П. Погодин. // Русский архив. — 1865.-№ 7. - С. 895.

[8] Аксаков, С. Т. История моего знакомства с Гоголем /СТ. Аксаков // Гоголь в воспоми наниях современников. - М., 1952. - С. 180.

[9] См.: **Финюкова** М. Улица Бенардаки. / М. Финюкова // Объединенная машинострои тельная газета. — 2004. - № 14. - С. 11.

[10] См.: **Бенардаки,** Н. Д. Указатель статей серьезного содержания, помещенных в русских журналах прежних лет, выпуск № 1 - «Сын отечества». / Н. Д. Бенардаки, Ю. М. Богуше-вич. - 1812-1852 гг. - СПб, 1858.

[11] См.: **Финюкова, М.** Указ. Соч.

[12] Гайдеико, П. П. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс / П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдов. - М., 1991. - С. 348.

[3] См.: Лебедев, С. К. Аристократическое лицо Санкт-Петербургского Международного коммерческого банка: от Строганова до Бенардаки. / С. К. Лебедев. // Россия в XIX-XX вв. СПб., 1998.-С. 79.

[14] РГИА, ф. 219, on. 15, д. 23327, л. 174.
[15] Горнозаводская производительность в России в 1866 заводском году. // Горный журнал — 1868.-№9.-С. 338.
[16] РГИА, ф. 219, оп. 15, д. 23327, л. 175.
[17] РГИА, ф. 1416, оп. 1, д. 191, л. 4.
[18] См.: **Арсентьев, Н. М.** Указ. Соч. - С. 143.
[19] РГИА, ф. 219, оп. 15, д. 23327, л. 169.
[20] РГИА, ф. 218, оп. 12, д. 272, л. 1.
[21] РГИА, ф. 219, оп. 15, д. 23327, л. 83.
ту
Главнейшие золотопромышленные компании и фирмы Приамурского края // Приамурские ведомости. - 1897 г. - № 161. - С. 18 - 22.
См.: **Гусева, А.** Бенардаки Дмитрий Егорович. - Бенардаки Егор. — Бенардаки Константин Егорович / А. Гусева // Энциклопедия Таганрога. — Таганрог, 1998. — С. 187.
[24] См.: **Федюкин, К. Ф.** Владимир Павлович Врасский. / К. Ф. Федюкин. - Л, 1870. - С. 190.
[25] См.: **Данилевский, Н.** О рыбоводном заведении Врасского. / Н. Данилевский. // Земле дельческая газета. - 1863. - № 6- С. 82 - 84.
[26] См.: **Лебедев,** С. К. Указ. Соч. - С. 80.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая половина XIX века является переломным рубежом в развитии отечественного предпринимательства, как в сфере экономики, так и в становлении идеологии. За это время в развитии предпринимательской сферы произошел целый ряд фундаментальных изменений, которые можно назвать эпохальными во всей истории экономического развития России. Начало промышленного переворота, доминирование вольнонаемного труда в промышленности, изменение социального состава предпринимателей - все это создавало материальные условия для перехода к капитализму и рыночной системе. В это время наблюдается активное перекачивание частных капиталов в производственную сферу. Растет число заводов, фабрик, увеличивается значение научно-технических достижений, все более осознававшихся предпринимателями. Реализация предпринимательской инициативы в России происходила в той или иной мере под покровительством государства.

Предпринимательство гораздо более интенсивно стало проникать в производственную сферу, благодаря чему формируются отрасли крупного промышленного предпринимательства. К этому времени создается правовое пространство предпринимательской деятельности, а также происходит оформление предпринимательства как социально-экономического института.

Не менее значимыми были изменения в социально-политическом составе российского предпринимательства. В это время оно было разнородно по своему образованию, культуре, мировоззрению.

Однако именно тогда ясно выступает общая тенденция не только роста образовательно-культурного уровня этого сословия, но и формирование его самосознания, становление новой идеологии. Появляется прослойка предпринимателей нового типа - представители крупного капитала, вошедшие в число горнозаводчиков благодаря покупке предприятий, оказавшихся в сложном финансовом положении. Коммерческая деятельность таких пред-

принимателей носила разнообразный характер, а приобретаемые предприятия, они рассматривали либо как средство вложения свободных капиталов, полученных в непроизводственной сфере (откупа, торговля, кредитно-банковские операции), либо, как составную часть более обширного производства (механического, машиностроительного, и др.) либо как элемент инфраструктуры пароходных обществ. Но таких предпринимателей было достаточно мало. Во многом это было связано с неразвитостью предпринимательского законодательства, а также с традиционным мышлением значительной части российского предпринимательства.

Бенардаки представлял собой тип предпринимателей капиталистов нового поколения, в деятельности которых довольно четко прослеживается наступление новой эпохи в истории отечественного бизнеса. Для предпринимателей нового для России типа — предприниматель-буржуа, как можно увидеть на примере деятельности Дмитрия Егоровича Бенардаки были характерны следующие черты: широкий спектр деятельности (откупа, золотодобыча, земельные операции, приобретение и основание заводов), ориентирование на новейшие технические достижения в области машиностроения для повышения эффективности производства, активная жизненная позиция, особенно в плане утверждения в общественном сознании идеалов нового промышленного устройства страны, огромный размах деятельности, охватывающий почти всю Россию.

Заработанные на откупе деньги, по некоторым оценкам до 20 млн. руб., Дмитрий Егорович инвестировал в сельское хозяйство и промышленность. Он стал одним из самых успешных и продуктивных сельскохозяйственных производителей, владея 620 тыс. дес. земли вместе с 10 тыс. ревизских душ крепостных. Став одним из учредителей Сормовской машинной фабрики, Бенардаки становится затем её владельцем и прекрасным управляющим собственным делом. Фабрика была преобразована в мощный завод, на котором впервые в России начала действовать мартеновская печь.

Кроме Сормовского Д. Е. Бенардаки еще владел в Вологодской губернии - Нючпаским, Кажимским и Нювчимским металлургическими, в Вятской губернии - Песковским и Кирсинским металлургическими, в Оренбургской — Авзяно-Петровскими заводамим, в Башкирии — Троицкими и Усень-Ивановским медеплавильными. Кроме горных заводов, Бенардаки владел стекольными, парусно-полотняными, гвоздильными и другими предприятиями, был совладельцем завода Ч. Берда. Он владел паями Верхнеамурской золотопромышленной компании, Московско-Курской железной дороги, вел крупную оптовую торговлю, был известным благотворителем и меценатом.

Дмитрий Егорович Бенардаки являлся одним из ярчайших деловых людей своего времени. Отказавшись от военной карьеры, он посвятил всю свою жизнь предпринимательской деятельности и, сделав головокружительную карьеру, в тоже время сумел остаться самим собой, не поддаться на внешне привлекательный, но порочный и затягивающий образ жизни многих купцов-миллионщиков и родовитого дворянства.

Личность Д. Е. Бенардаки формировалась, как под влиянием юношеских лет, проведенных в наполненном духом предпринимательства Таганроге, так и под изменениями в экономике и политике России, скорое наступление которых он смог уловить во время своей военной службы.

Следует заметить, что Бенардаки был хорошо образованным, умным, и неординарным человеком, не зависел от общественного мнения. В некотором роде, Бенардаки являлся изгоем среди своих коллег по бизнесу - он не принимал современную ему социо-культурную среду России, среди других предпринимателей казался ненасытным. Его особое положение среди русских предпринимателей подчеркивало даже его двойное гражданство - Греции и России.

Кроме того, Бенардаки имел блестящие деловые способности, был энергичен, талантлив, с прекрасными связями в греческой диаспоре Таганрога и Петербурга, имел солидное образование, чем выгодно отличался от мно-

гих предпринимателей того времени, имел активных лоббистов в самых высших эшелонах власти.

В его предпринимательской деятельности угадываются скорее не российский тип экономической и трудовой мотивации, а европейский, в основе которого лежит протестантский тип хозяйственной этики - этики индивидуального труда и личной ответственности. Об этом говорит как его трудовая мотивация, ориентированная не на потребление и накопление капитала, а использование его в качестве средства для промышленного применения, общий характер его предпринимательской деятельности, размах, неудержимость, четкое следование новейшим техническим и экономическим веяниям, отсутствие страсти к накопительству, динамический характер деятельности.

Начав с винных откупов и став одним из крупнейших винных откупщиков Петербурга, Дмитрий Егорович Бенардаки не останавливается на этом и идет дальше, расширяя свой бизнес на Центральную Россию, Сибирь, пытается стать винным монополистом в недавно присоединенной Амурской области. Занимаясь добычей золота в Сибири, Бенардаки отправляет поисковые партии в Среднюю Азию и Приамурье. Начав скупать горные заводы, Бенардаки на этом не останавливается и хочет уже строить новые металлургические заводы.

Создается устойчивое впечатление, что Д. Е. Бенардаки преодолел играющий не последнюю роль в предпринимательской деятельности инстинкт самосохранения. Он стремился открывать все новые и новые рубежи приложения своих сил. В какой-то мере, вопрос дохода для него находился на втором месте. На первом месте было желание совершать все новые и новые открытия, сам процесс предпринимательской деятельности.

Кроме того, в деятельности Бенардаки отчетливо видно желание не просто скопить больше предприятий, земель, заводов. В старании поставить свои предприятия на высокий уровень технического развития видно стремление Бенардаки еще при жизни обеспечить им бренд - чтобы торговое имя компании служило гарантией ожидаемого качества товара.

Еще при жизни Дмитрия Егоровича Бенардаки, продукция его заводов приобрела широкую известность, удостоилась наград. Весь заводской округ работал, как один слаженный механизм, производя большей частью однотипную продукцию, пользующаяся большой популярностью и спросом по всей России. Заводы были полностью обеспечены как природными, так и людскими ресурсами, а оборудование, которое на них имелось, было одним из самых передовых в России.

Современники не отмечают у Д. Е. Бенардаки каких-либо негативных качеств характера. В жизни он не был склонен к роскоши, гулянкам и увеселениям, ему не была свойственна чрезмерная расточительность, рассеянность.

Причины расстройства предприятий Бенардаки вскоре после его смерти отнюдь не скрываются в его менталитете. Именно пореформенное время • наиболее отвечало приложению его предпринимательских талантов. Скорее, причиной гибели торгово-промышленной империи Бенардаки являлось то, что Бенардаки не успел дождаться того дня, когда его предприятия окупят вложенные в них средства и начнут приносить стабильный доход.

Практически аналогичную деятельность мы можем наблюдать и у других российских предпринимателей этого времени. Именно поэтому, можно сделать вывод о зарождении нового типа российского предпринимателя-буржуа, не только активно инвестировавшего капиталы, приобретенные за счет использования характерных для эпохи первоначального накопления способов и методов обогащения, в сферу промышленного производства, но и двигающегося по пути интенсивного развития производства далее. По своим морально-деловым качествам они вплотную приближались к классическому типу рационально мыслящего предпринимателя, с появлением которого олицетворяли генезис капитализма классики буржуазной экономической мысли.

Успешные предприниматели — это люди, которым «всегда и во всем сопутствует удача — не потому, что они талантливы и трудолюбивы, а скорее потому, что, обладая огромным запасом энергии, они по пути к своим целям

не умеют — даже не могут - задумываться над выбором средств и не знают иного закона, кроме своего желания» (В. Зомбарт). Д. Е. Бенардаки и современные ему предприниматели-буржуа (Шиловы, Кокорев, Рябушинские) были именно такими: энергичными, неукротимыми, стремившимися не только раздвинуть границы своей деятельности, но и изменить окружающий их социум. Ведь именно из этой среды вышли виднейшие общественные деятели и крупнейшие меценаты рубежа XIX и XX столетий: Дмитрий Егорович Бенардаки, Савва Тимофеевич Морозов, Павел Павлович Рябушинский и многие другие. Благодаря их деятельности быстрее завершился промышленный переворот, получили развитие ряд новых для России отраслей промышленности, ускорились изменения в социокультурной среде.

Дмитрий Егорович Бенардаки и другие предприниматели-буржуа являлись символами индустриального развития России. Во многом они опережали свое время, отчего не были адекватно поняты и оценены современниками.

Как писал в своих воспоминаниях известный литератор первой половины XIX века В. А. Сологуб: «... всякое государство должно иметь свой высший общественный слой, основанный на заслугах, таланте и достатке». В Российской империи конца XIX - начала XX вв. он существовал в лице предпринимателей-буржуа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ (РГИА)

Ф. Горного департамента (37), оп. 3, д. 590.

Ф. Донской казенной палаты (218), оп. 4. Д. 906; оп. 12, д. 272

Ф. Департамента железных дорог (219), оп. 15, д. 23327.

Ф. Министерства торговли и промышленности (383), оп. 4, д. 3561; оп. 20, д. 27183; оп. 22, д. 33049.

Ф. Канцелярии министра финансов (560), оп. 35, д. 191.

Ф. Особенной канцелярии министерства финансов (583), оп. 6, д. 501.

Ф. Канцелярии священного Синода (796), оп. 44, д. 333, 363.

Ф. Комитета министров (1263), оп. 1, д. 3734.

Ф. Личных и семейных архивов (1614), оп. 1, д. 191; ф. 892, оп. 3, д. 267.

Опубликованные источники и материалы

1. Аксаков, С. Т. История моего знакомства с Гоголем / С. Т. Аксаков // Гоголь в воспоминаниях современников. — М., 1952. — 208 с.

2. Арсентьев, Н. М., Дубодел, А. М. Промышленная Россия первой половины XIX века: Замосковный горный округ в планах и чертежах / Н. М. Арсентьев, А. М. Дубодел. - М., 2004. - 324 с.

3. Берендтс, Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации: (Записка, состав, в дек. 1903 г.) / Э. Н Берендтс. - СПб., 1913. - 250 с.

4. Блондель, А. Л. Взгляд на обязанности и дух военного звания / А. Л. Блондель.-СПб., 1836.-150 с.

5. Галкин, М. Новый путь современного офицера / М. Галкин. - М., 1906. -200 с.

6. Главнейшие золотопромышленные компании и фирмы Приамурского края//Приамурские ведомости. — 26 января 1897 г. — №161. — С. 18-22.

7. Горнозаводская производительность в России в 1866 заводском году. // Горный журнал - 1868 - №9 - С. 338.

8. Данилевский, Н. О. рыбоводном заведении Врасского. / Н. Данилевский. // «Земледельческая газета» — 1863 - № 6- С. 82—84.

9. Дженев, М. О железной промышленности в России / М. Дженев // Вестник промышленности. — 1859. — Т. 3. - № 7. - С. 16 - 20.

10. Дубровин, Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века / Н. Ф. Дубровин // Рус. старина. - 1899. - Т. 97, - № 3. - С. 565 - 566.

11. Карнович, Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. Экономико-историческое исследование: 2-е изд. / Е. П. Карнович. - СПб., 1874. -380 с.

12. Краевский, Д. О поисках золота в Туркестанском военном округе, в Сыр-Дарьинской области, в 1866-1867 гг. / Д. Краевский // Горный Журнал — 1868 - №4-С. 308-314.

13. Ксавие, Э. Исследования об Амуре и торговле Восточной Сибири // Журнал мануфактур и торговли. / Э. Ксавие. - 1859. Т. 8. N 11. — С. 58

14. Материалы для географии и статистики России. Собранные офицерами генерального штаба. Т. 9, ч. 1. Калужская губерния / Сост. М. Попроцкий. Спб., 1864.- 251с.

15. Рапорт горному департаменту горнаго инженер-капитана Аносова об открытии золота по Амуру, от 30 июля 1866 г. // Горный Журнал - 1866 - №10 -С. 161.

16. Сведения о питейных сборах в России. - СПб. - 1860.- Ч.I - 137 с.

17. Скальковский, К. Торговля металлами на Нижегородской фабрике. / К. Скальковский // Горный Журнал - 1869 - №10 — С. 150.

18. Скарятин, В. Д. Заметки золотопромышленника. / В. Д. Скарятин - СПб., Ч. 1,1862.-127 с.

19. Тарасенков, И. Мануфактурно-заводская промышленность Калужской губернии / И. Тарасенков. // Журнал мануфактур и торговли. 1858. Т. 4. Кн. 10 — 12. С. 4-5.

20. Татаринов, В. И. Промышленная хроника. / В. И. Татаринов // Журнал мануфактур и торговли. 1858. Т. 1. Кн.1. С. 33-37.

21. Шерер, Г. Металлы. Машинные заведения / Г. Шерер // Журнал мануфактур и торговли. - 1837. - Ч. 4. - № 10. - Отд. 2. - С. 16-25.

II. ЛИТЕРАТУРА

1. Адмирал Ушаков. Документы. Т.1 / Под ред. Р.Н. Мордвинова. М.: «Воениздат», 1951 - 477 с.

2. Анфимов, А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX - начало XX вв.) / А. М. Анфимов. - М.: «Наука», 1969. - 350 с.

3. Арсентьев, Н. М. Во славу России... Трудовая мотивация и образ отечественного предпринимателя конца XVIII - первой половины XIX века: Монография / Н. М. Арсентьев, А. М. Дубодел. - М.: «Наука», 2002. - 288 с.

4. Арсентьев, Н.М. Замосковный горный округ конца XVIII - первой половины XIX в. / Н. М. Арсентьев. — Саранск: Типография «Красный Октябрь», 1998.-604 с.

5. Арсентьев, Н.М. Замосковный горный округ: заводовладельцы и рабочие / Н. М. Арсентьев. - Саранск: «Изд-во Мордовского ун-та», 1994. - 234 с.

6. Бегунова, А. И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I / А. И. Бегунова. -М.: «Молодая Гвардия», 2000. - 383 с.

7. Бенардаки, Н. Д. Указатель статей серьезного содержания, помещенных в русских журналах прежних лет, выпуск № 1 - «Сын отечества». / Н. Д. Бенардаки, Ю. М. Богушевич. - 1812-1852 гг. - СПб, 1858. - 229 с.
8. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. В 2 т.: Т. 2. / Ф. Бродель. - М.: «Время мира», 1988. Т. 2. - 440 с.
9. Броднева, А. В. Из истории красноярской журналистики XIX - нач. XX вв. / А. В. Броднева // Енисейской губернии — 180 лет. - Красноярск, 2003. - С. 156-165.
10. Вебер, М. Избранные произведения. / М. Вебер. -М.: «ИНИОН», 1990. -260 с.
11. Волков, С. В. Русский офицерский корпус / С. В. Волков. - М.: «ЗАО Центрполиграф», 2003. - 414 с.
12. Гавлин, М. Л. Роль винных откупов в формировании крупных капиталов в России. Конец XVIII—XIX вв. / М. Л. Гавлин. // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 6. М., 2001. С. 98-99.
13. Гаврюшкин, О. П. Вдоль по Питерской (хроника обывательской жизни). / О. П. Гаврюшкин. - Таганрог: «Ампир», 2000 - 347 с.
14. Гаврюшкин, О. П. Мари Вальяно и другие (хроника обывательской жизни). / О. П. Гаврюшкин. - Таганрог: «Ампир», 2001. - 254 с.
15. Гаврюшкин, О. П. Николай Кукольник и Таганрог (хроника обывательской жизни). / О. П. Гаврюшкин. - Таганрог: «Ампир», 2001. - 234 с.
16. Гайденко, П. П. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс / П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдов. - М.: «Наука», 1991. — 450 с.
17. Гайденко, П. П. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс / П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдов. -М.: «Наука», 1991. -348 с.
18. Галаган, А. А. История российского предпринимательства: от купца до банкира / А. А. Галаган. - М.: «Наука», 1997. - 550 с.

19. Гоголь, Н. В. Избранные сочинения. Том второй. / Н. В. Гоголь - М.: «Художественная литература», 1978. - 574 с.

20. Гусева, А. Бенардаки Дмитрий Егорович. - Бенардаки Егор. - Бенардаки Константин Егорович / А. Гусева // Энциклопедия Таганрога. - Таганрог: «Антон», 1998-С. 187.

21. Демкин, А. В. Купеческие наказы 1767 г. в Уложенную комиссию / А. В. Демкин // Купечество в России. XVI - первая половина XIX в. - М.: «ТЕРРА», 1997. С. 219-231.

22. Должиков, В.А. М.А. Бакунин и Сибирь (1857-1861 гг.)./ В. А. Должиков -Новосибирск, 1993 — 145 с.

23. Дубодел, А. М. Заводовладельцы Замосковного горного округа в конце XVIII — первой половине XIX века: социокультурная и техногенная среда предпринимательской деятельности / А. М. Дубодел. - Саранск: «Изд-во Мордов. ун-та», 2004. - 352 с.

24. Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке / П. А. Зайончковский. — М.: «Прометей», 1978. - 400 с.

25. Заозерская, Е. И. У истоков крупного предпринимательства в русской промышленности XVT - XVIII веков. К вопросу о генезисе капитализма в России / Е. И. Заозерская. - М.: «Наука», 1970. - 476 с.

26. Зарубина, Н. Н. Российское предпринимательство: идеи и люди / Н. Н. Зарубина// Социологические исследования. - 1995. -№ 7. - С. 82 - 91.

27. Зарубина, Н. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства / Н. Н. Зарубина. - М.: «Издательство ПРИОР», 1998. - 360 с.

28. Зомбарт, В. Буржуа. Этюды по нравственной истории современного экономического человека. / В. Зомбарт-М.: «Наука», 1994. - 180 с.

29. История Красного Сормова / Отв. ред. В.П. Фадеева. - М.,1969. - 495 с.

30. История предпринимательства в России. От средневековья до середины ХГХ века. -М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.-575 с.

31. Кевбрин, Б. Ф. История предпринимательства и капиталистических отношений в России: В 2 т. Т. 1. Дореволюционная Россия (IX в. - февраль

1917 г.) / Б. Ф. Кевбрин, А. А. Тарасов. - Саранск: «Красный Октябрь», 2004. - 496 с.

32. Котилко, В. Вехи российского предпринимательства / В. Котилко, Д. Орлова. -М., «Цитадель», 2003. - 300 с.

33. Крестовников, Н. К. Семейная хроника Крестовниковых: В 3 кн. Кн. 2. Письма и воспоминания. / Н. К. Крестовников — М., 1904 — 343 с.

34. Любомиров, П. Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века / П. Г. Любомиров. - М.: «Госполитиздат», 1947. -763 с.

35. Людтке, А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии / А. Людтке // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. -М., 1999.-С. 77-100.

36. Манько, А. В. Казна красна деньгами: Финансовая летопись царской России. / А. В. Манько - М.: «ТЕРРА - Книжный клуб», 1999. - 304 с.

37. Маркс, К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. Ч. 1. / К. Маркс - М.: «Политиздат», 1980. - 620 с.

38. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. / К. Маркс — М.: «Политиздат», 1978. - 480 с.

39. Матханова, Н. П. Полномочия губернатора в XIX веке: закон и жизнь. К постановке проблемы. / Н. П. Махатнова. // Проблемы истории местного управления Сибири XVII-XX веков. Вып. П. Региональная научая конференция. 18-19 дек. 1997 г.: Тезисы доклада. — Новосибирск, 1997. - С. 25 - 31.

40. Медушевская, О. М. Историческая наука и генеалогия / О. М. Медушевская. // Вопросы истории. - М., 1970. - № 2. - С. 187 - 198.

41. Минарик, А. П. Экономическая характеристика крупнейших землевладельцев России / А. П. Минарик. — М.: «Наука», 1971. - 450 с.

42. Моисеев, Д. А. Урал индустриальный / Д. А. Моисеев. // Бакунинские чтения. Материалы VII Всероссийской научной конференции, ноябрь 2005 г.: В 2 т.: Т. 1. - Екатеринбург, 2005. - С. 98 - 104.

43. Неклюдов, Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. / Е. Г. Неклюдов. - Нижний Тагил, 2004. - С. 433.

44. Николаенко, А. Н. Бенардаки / А. Н. Николаенко. // Н. В. Кукольник и Таганрог: Сборник публикаций. — Таганрог: «Сфинкс», 1998 - С. 77 — 83.

45. Павленко, Н. И. История металлургии в России XVIII веке. Заводы и заводовладелыды / Н. И. Павленко. - М.: «Изд-во АН СССР», 1962. - 556 с.

46. Павленко, Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. Промышленная политика и управление / Н. И. Павленко. -М.: «Изд-во АН СССР», 1953. - 450 с.

47. Парусов, А. И. 100 лет завода «Красное Сормово» имени Жданова А. А. (1849-1949 гг.) / А. И. Парусов, П. И. Шульпин. - Горький, 1949. - 221 с.

48. Погодин, М. П. Год в чужих краях. Т. IV / М. П. Погодин. - М., 1844. -С. 75.

49. Помпеев, Ю. А. История и философия отечественного предпринимательства / Ю. А. Помпеев. - СПб.: «Дмитрий Булавин», 2002. - 400 с.

50. Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. - М.: «Наука», 1997. - 352 с.

51. Пушкарев, С. Г. Россия 1801 - 1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. -М.: «Посев», 2001. - 672 с.

52. Разгон, В. Н. Сибирское купечество в XVIII-первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. / В. Н. Разгон. -Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. - 658 с.

53. Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история/ Л. П. Репина. - М.: «ИВИ РАН», 1998. - 278 с.

54. Репина, Л. П. Смена познавательных ориентации и метаморфозы социальной истории / Л. П. Репина. // Социальная история. Ежегодник, 1998/1999. -М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. - С. 7 - 11.

55. Рындзюнский, П. Г. Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население / Г. П. Рындзюнский. // Общество и государство феодальной России. -М.: «Наука», 1975 -С. 87-89.

56. Савкин, Н. С. Социальная философия / Н. С. Савкин. - Саранск: «Издательство Мордовского университета», 1997. - 176 с.

57. Седов, А. В. История Красного Сормова. / А. В. Седов. -М.: «Наука», 1969.- 350 с.

58. Сизинцева, Л. И. Царство красного кирпича / Л. И. Сизинцева. // Памятники Отечества. М.: «Наука», 1991. №1. - С. 88 - 89.

59. Соболевская, А. Духовные истоки российского предпринимательства / А. Соболевская. // Вопросы экономики. - 1993. - № 8. — С. 88 - 96.

60. Соболевский, С. А. Миллион сочувствий. / С. А. Соболевский. - М., 1991 - 122 с.

61. Социальная философия / под ред. В. Н. Лавриненко. - М.: «Культура и спорт: ЮНИТИ», 1995. - 239 с.

62. Старцев, А. В., Гончаров, Ю. М. История предпринимательства в Сибири (XVII - начало XX в.). / А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. — Барнаул., Изд-во Алт. ун-та, 1999.-380 с.

63. Стогов, Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. / Э. И. Строгав. -М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2003 - 140 с.

64. Струмилин С. Г. Очерки экономической истории / С. Г. Струмилин. - М.: «Соцэкгиз», 1969. - 548 с.

65. Трофимов, В. К. Генезис и сущность русского национального менталитета / В. К. Трофимов. - Ижевск, 2000. - 300 с.

66. Федюкин, К. Ф. Владимир Павлович Врасский / К. Ф. Федюкин. - Л.: «Биография», 1970. — 190 с.

67. Филевский, П. История города Таганрога. / П. Филевский. - Таганрог: «Сфинкс», 1996-191 с.

68. Финюкова М. Улица Бенардаки. / М. Финюкова. //Объединенная машиностроительная газета. - 2004 г. - №14. - С. 11.

69. Халфин, Н. А. Политика России в Средней Азии (1857-1868). / Н. А. Халфин. - М.: «Издательство восточной литературы», 1960. — 460 с.

70. Цымбал, А. Греки Таганрога. / А. Цимбал. // Энциклопедия Таганрога. — Таганрог: «Антон», 1998 - С. 82 - 83.

71. Черепенина, Н. Ю. Православные храмы Санкт-Петербурга 1917 - 1945 гг. Справочник. / Н. Ю. Черепенина, М. В. Шкаровский. - СПб.: «Зенит», 1999.-234 с.

72. Шепелев, Л. Е. Акционерные компании в России / Л. Е. Шепелев. - Л.: «Наука», 1973. - 347 с.

73. Шепелев, Л. Е. Отмененные историей / Л. Е. Шепелев. - Л.: «Наука», 1977. - 365 с.

74. Шепелев, Л. Е. Чиновный мир России: XVIII — начало XIX в. / Л. Е. Шепелев. - СПб: «Искусство СПБ», 2001. - 479 с.

75. Шубин, И. А. Волга и волжское судоходство: (История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). / И. А. Шубин. - М., 1927.- 500 с.

76. Шубников, Ю. Б. Предпринимательство в России: очерки прошлого, настоящего, будущего / Ю. Б. Шубников. - Тамбов, 2002. - 450 с.